

КРИСТОФЕР БАКЛИ - ЗДЕСЬ КУРЯТ!

Пролог

До того как Ник Нейлор стал главным общественным представителем Академии табачных исследований, его, случалось, обзывали по-всякому, однако с Сатаной так вот прямо никто покамест не сравнивал. Председательствующий—давний получатель обильных правительственных дотаций, вдохновлявших его на неустанную священную войну с индустрией, которая поставляла пятидесяти пяти миллионам страдающих хроническим кашлем американских курильщиков предметы любезного их сердцам, хоть и неотделимого от чувства вины удовольствия, — тыкал теперь указкой в картинку, спроецированную на пещерную стену бальной залы отеля, в которой проводилась эта конференция. Рогов или там хвоста Нику не пририсовали, пострижен он тоже был по-людски и вообще походил на человека, с которым разминешься в коридоре и не оглянешься, вот только кожа у него была такой красной, как будто он сию минуту искупался в воде, омывшей ядерный реактор, а глаза — сверкающими, бойкими глазками сводника. Подпись, дополненная гарнитурой, явно позаимствованной с пачки сигарет, — у себя в конторе рии называли ее «истерика полужирная», — гласила: «Предупреждаем: есть леди, способные сказать что угодно, лишь бы продать Вам сигареты».

Аудитория, состоящая из 2500 «профессиональных здравоохмурителей», как назвал их про себя Ник, пролиставший список участников, в котором ему удалось обнаружить и нескольких дипломированных докторов, завидев слайд, удовлетворенно заурчала. Этс их урчание Ник знал, и знал хорошо. В воздухе явственно пахло котловником, и Ник представил, как «здравоохмурители» точат когти о ножки своих стульев. «Я уверен, что следующий наш... э-э... оратор...» — председательствующий запнулся, слово было слишком невыразительным для описания человека, который зарабатывает на жизнь, уничтожая по 1200 человек в день. Двенадцать сотен людей ежедневно — два автобуса, набитых мужчинами, женщинами и детьми. Да-да, он убивает и невинных детей тоже, отнимая) них светлое будущее, радостные мгновения победных голов, надежду на окончание школы, а там и университета, счастливый брак, отцовство, возможность реализовать свои способности в любимой профессии, добиться выдающихся успехов в технике, медицине, экономике, — и кто знает, сколько из них могли бы получить Нобелевскую премию? Агнцы, обреченные на заклание Николасом Нейлором и прочими приспешниками табачной индустрии, которую он так велеречиво защищает. Более 400 000 в год! Геноцид, вот что это такое. Человеку чувствительному просто не по силам удержаться от слез при мысли о таком числе — да, именно жертв, жизни которых обращены в груды окурков, дотлевающих в колоссальной пепельнице корпоративной алчности, вот этим высоким, ухоженным, одетым в хороший костюм сорокалетним палачом, который, конечно же, «...не нуждается в представлении».

Бессмысленно пытаться умягчить эту свору обычным неискренним юмором,

который в Вашингтоне сходит за искреннее самоуничижение. Пожалуй, неискренняя серьезность будет повернее.

— Хотите верьте, хотите нет, — начал Ник, теребя свой шелковый галстук, дабы показать, что нервничает, хоть он ничуть не нервничал, — но мне очень приятно участвовать в симпозиуме «Чистые легкие—2000».

Двадцатый век, жалуясь и побряхтывая, влачится к концу, и какую конференцию ни возьми, всякая называется «То да се—2000», норовя внушить мысль, что она-де посвящена наиважнейшим вопросам, рассмотрение которых невесть почему было отложено на целую тысячу лет, — а на самом деле, пытаюсь привлечь внимание какого-нибудь из комитетов Конгресса по ассигнованиям, или «титьки», как называют их между собой падкие до привилегий корпорации, которые тем, собственно, и кормятся, что сосут средства из государства.

«Интересно, — думал Ник, — конференции 1890-х были такими же? Проводился ли, скажем, в ту пору субсидируемый федеральным правительством симпозиум «Кучерской кнут — 1900»?»

Аудитория не откликнулась на вступительное излияние Никовых чувств. Но и не ошибала его. Он взглянул на ближайший стол, круглый стол, за которым сидели ненавистники особенно ярые. Самые ярые обычно усаживаются поближе и что-то лихорадочно строчат в блокнотах—купленных, между прочим, на деньги налогоплательщиков США, — блокнотах, которые они обнаружили в якобы замшевых кейсах, также оплаченных несчетными налогоплательщиками и украшенных красиво оттиснутой эмблемой конференции «Чистые легкие — 2000». Они отвезут эти кейсы домой и подарят детишкам, сэкономив на приобретении новой футболки. «Мой предок сгонял в Вашингтон, и все, что он мне привез,—вот этот занюханный кейсик». Ненавистники, взвинченные предыдущими докладчиками до экстатического восторга ревнителей нового пуританизма, теперь понемногу впадали в мыслительный ступор и свирепо тарасились на Ника снизу вверх.

— Потому что, — продолжал Ник, которого бесполезность происходящего начинала уже утомлять, — я твердо верую в то, что нам нужна не столько конфронтация, сколько консолидация.

Целиком украдено из «Курса бессмысленной, но ритмичной элоквенции» Джесси Джексона — ну и ладно, зато работает безотказно.

— И я особенно благодарен организаторам «Чистых легких — 2000»... — произносится с тонкой иронией, дабы организаторы поняли, что ему известно, до чего отчаянно — совсем как морские пехотинцы на горе Сирубачи — они сражались, стараясь не допустить его сюда, — за то, что они в конце концов согласились сделать эту конференцию конференцией в самом полном смысле слова. Я всегда твердо веровал, что, имея дело с вопросами такой сложности, как наши, следует побольше говорить не друг о друге, но друг с другом.

Ник сделал паузу, позволяя слушателям оценить изящную подстановку — «вопросы» вместо «прав табачной индустрии истреблять по полмиллиона американцев в год».

Пока все идет хорошо. Никто не вскакивает, не орет: «Массовый убийца!» После того как тебя поставят в один ряд с Гитлером, Сталиным и Пол Потом, бывает порой трудно собраться с мыслями. Впрочем, когда дело дошло до ответов на вопросы, это все же случилось. В центре зала воздвиглась женщина и сообщила, вызвав

радостный гогот, что Ник «представляется ей приятным молодым человеком»; затем она сказала, что хочет «поделиться с ним своим недавним опытом». Ник внутренне подобрался. «Обмен опытом» с кем бы то ни было из этой своры не сулил ничего хорошего. Женщина живо описала подробности «отважной борьбы» дорогого ей, ныне усопшего человека с раком легких. Затем, скорее в грусти, чем в гневе, спросила Ника: «Как вы можете спать по ночам?»

Ник, не впервые попадавший в такое положение, сочувственно кивал, слушая рассказ о последних героических часах дядюшки Гарри.

— Я благодарен вам, мадам, за то, что вы поделились с нами вашим опытом, и, полагаю, выражу чувства всех присутствующих, сказав, что все мы сожалеем о вашей трагической утрате, однако мне кажется, что вопрос, который стоит перед нами сегодня, сводится к тому, желаем ли мы, американцы, жить, сохраняя верность таким документам, как Декларация независимости, Конституция и Билль о правах. Если мы отвечаем «да», тогда, я думаю, путь, лежащий перед нами, ясен. И я уверен, что, если бы ваш дядюшка, бывший, несомненно, прекрасным человеком, оказался сегодня здесь, он на-верняка согласился бы с тем, что, принявшись переиначивать главные принципы, заложенные нашими отцами-основателями, многие из которых и сами были, как вы помни-те, табачными фермерами,— переиначивать, опираясь всего лишь на разного рода от-кровенно ненаучные домыслы, мы поставим под угрозу не только нашу свободу, но и свободу наших детей и внуков. Тут важно было не останавливаться, дабы не помешать этому сногсшибательному по алогичности выводу окрасить собою процессы, протекающие у слушателей в мозгу.

— В анти табачной истерии нет ничего особенно нового. Вы, разумеется, помните турецкого султана Мурада IV, — разумеется, никто из них ни о каком Мураде IV и слы-хом не слыхивал, однако толика интеллектуальной лести всегда воспринимается с удо-вольствием.

—Мурад, как вы помните, вбил себе в голову, что курение недопустимо, и поставил курильщиков вне закона, и сам, переодеваясь простым турком, выходил по ночам в Стамбул и бродил по улицам, изображая никотиновое голодание и умоляя продать ему немного табаку. А когда кто-то проникался к нему жалостью и давал покурить, Мурад — шарах! —сносил ему голову прямо на месте. И оставлял тело разлагаться на улице. «ПРЕДУПРЕЖДАЕМ : продажа табака Мураду IV может быть опасной для Вашего здоровья». —Ник решил, что пора закругляться. — Мне хочется думать, что мы как нация далеко ушли от дней массовых казней за преступление, состоящее в стремлении следовать на-шим собственным понятиям о счастье.

После столь удачного уподобления действий современных противников курения погромным подвигам кровожадного турка семнадцатого столетия Ник мог позволить себе удалиться, испытывая удовлетворение оттого, что ему удалось отбить у этой орды несколько дюймов территории. Не бог весть какой плацдарм, но в этой войне и его захват сходил за большую победу.

Глава 1

Когда Ник вернулся к себе в контору, на лотке с биркой «Пока вас не

было» его ожидала пухлая стопка розовых листков. Академия размещалась в одном из любопытнейших зданий К-стрит — десятиэтажном, с атриумом посередине, в который выходили увитые плющом балконы.

Общее впечатление оставалось словно бы от вывернутых наизнанку Висячих садов Вавилона. На первом этаже огромный неоклассический фонтан извергал и сразу же умирал плещущий поток белого шума.

Академия табачных исследований обосновалась в трех верхних этажах.

Ник, занимавшему в АТИ—или Академии, как по требованию БР обязаны были называть ее сотрудники, — пост старшего вице-президента по связям с общественностью, полагался по чину внешний угловой офис, но он предпочел внутренний, и тоже угловой, потому что любил звук текущей воды. К тому же здесь он мог оставлять дверь открытой, чтобы сквозь нее выносило в портик табачный дым. Даже курильщикам следует заботиться о хорошей вентиляции.

Он пролистал пачку розоватых узких листков, дожидавшихся его на стойке приемной. «Си-би-эс ждет нашей реакции на призыв ГВ запретить размещение рекламы табака вдоль шоссе дорог». Эй-би-си, Эн-би-си, Си-эн-эн и т.д. и т.п.— все они ждут того же, за исключением «Ю-Эс-Эй тудей», которому требуется наша реакция на завтрашнюю статью в «Медицинском журнале Новой Англии», содержащую заключение медицинской науки насчет того, что курение, помимо прочего, ведет к некоей «болезни Бюргера» — расстройству системы кровообращения, чревату ампутацией всех конечностей до единой. «Хоть бы раз, — подумал Ник, — вернуться в офис и обнаружить что-нибудь отличное от обвинений в новых жутких болезнях».

— Вам мать звонила, — протягивая ему последний листок, сказала Морин, секретарша, ведающая приемом посетителей и ответами на звонки. — Доброе утро, — тут же прошептала она в телефон, после чего выдохнула клуб дыма и закашлялась. То был не грациозный, прочищающий горло кашелек, но взревы легочного бульдозера. — Академия — аггр! — табачных — кхаа! — исследований.

Ник давно уже задавался вопросом: такой л и уж плюс для них телефонистка, не способная выговорить «алло» без бронхиальных судорог?

Морин ему нравилась. Может быть, сказать ей, чтобы не кашляла в присутствии БР? За последние шесть месяцев у нас и так слетело немало голов. Теперь тут правил Мурад IV.

Войдя в кабинет, Ник стянул с себя новую спортивную куртку от Пола Стюарта и повесил ее на дверь. Одна из хороших сторон смены руководства Академией состояла во введении новых правил по части одежды. Появившись в Академии, БР первым делом созвал всех сотрудников отдела по связям с общественностью, которым приходилось появляться перед телекамерами, и объявил, что не желает, чтобы они выглядели как орава задрипанных бомжей с К-стрит. «Часть нашей проблемы, — сказал он, — состоит в том, что табак утратил сексуальную привлекательность». Он хочет, сказал БР, чтобы его сотрудники выглядели, как люди с рекламной картинки, а не как жмотье, прибрахлившиеся на распродаже универмага «Джей-Си Пенни» в День рождения Вашингтона. После чего он выдал каждому по пять тысяч долларов на покупку одежды, и каждый, уходя с того совещания, думал: «Вот это босс!» Половина из них, вернувшись к своим столам, обнаружила уведомление об увольнении.

Ник взглянул на собственный стол и нахмурился. Черт знает что! Он не педант, он готов мириться с определенным беспорядком, но ему вовсе не хочется становиться мусорным ящиком, которым пользуется кто ни попадя. Он уже объяснил это Дженнет, и та с обычной своей серьезностью заверила Ника, что все поняла, — но тем не менее продолжает использовать его письменный стол как компостную яму. Сложность состояла в том, что хотя Дженнет как сотрудница отдела по связям с общественностью формально подчинялась Нику, однако, с другой стороны, БР притащил ее с собой из Ассоциации автоматической торговли, причем и он и она явно души друг в друге не чаяли. Странно, но вела себя Дженнет так, будто Ник и есть ее настоящий босс — высшая, низшая и какая угодно инстанция.

Она свалила на его стол пять пачек отчетов АООС о пассивном курении, все с пометками «Срочно». Ник коллекционировал ножи. Так Дженнет уложила поверх одной из пачек принадлежащий ему кинжал в кожаных ножнах, с каким племя масаи охотится на кабанов. Не издевка ли это, закамуфлированная под аккуратность?

Позвонила его секретарша Гэзел: БР просил передать, что желает увидеть Ника, как только тот вернется с «Чистых легких». Ник решил, что сразу к БР не пойдет. Сделает несколько звонков, а уж после отправится отчитываться перед начальством. Вот так. И Ник ощутил облегчение, просто-таки раздулся от ощущения собственной независимости.

Через несколько минут Гэзел, словно прочитав его мысли, позвонила опять:

—Ник, БР сказал — как только ты вернешься.

Гэзел, хорошенькая черная мать-одиночка, только-только разменявшая четвертый десяток, вертела Ником как хотела, поскольку Ник, выросший в доме, которым заправляла черная служанка старой выучки, смиренно выслушивал любой сделанный негритянкой выговор.

—Да, Гэзел, — кисло ответил он, даже этим изрядно перенапрягши свою способность к сопротивлению. Он понимал, что происходит в ее умной головке: Гэзел знала, что Дженнет нацелилась на его место и что ее, Гэзел, работа зависит от того, сохранит ли Ник свою.

И все же он не позволит секретарше помыкать им. Утро выдалось тяжелое, ему необходимо отдышаться. С обрамленной серебром фотографии на него смотрел двенадцатилетний Джой. Долгое время Джой смотрел на кушетку, стоявшую напротив стола, но в один прекрасный день репортерша из журнала «Здоровье Америки» — интервью с ней вовсе не обещало благосклонной рекламы, однако приходится давать и такие, иначе эти ублюдки просто объявят, будто табачное лобби не желает с ними разговаривать,—так вот, эта баба заметила фотографию и самым любезным тоном спросила: «Ой, это ваш сын?»| Ник просиял, как и положено гордому своим отпрыском папочке, и подтвердил ее догадку, после чего она ему вмазала: «И как он относится к вашей пропаганде курения среди несовершеннолетних?» С того дня портрет Джоя от кушетки отвернулся.

Ник потратил немало времени, обдумывая психологическую тональность убранства своего кабинета. Над его письменным столом висел большой плакат, гласивший: «Курение есть основная причина существования нашей статистики». Фразу эту он услышал от одного из адвокатов юридической компании «Смут и Хокинг» из Омахи, которая вела большую

часть дел по искам, предъявляемым табачным компаниям людьми, которые всю жизнь прикуривали одну сигарету от другой, а обнаружив, что умирают от рака легких, решали, что им причитается компенсация. Над кушеткой красовались оригиналы двух рекламных объявлений из журналов сороковых и пятидесятих годов. Первое изображало старомодного доктора из тех, что, получив вызов, выезжали к пациентам домой и даже пробивались сквозь пургу, дабы принять роды. Улыбающийся доктор протягивал пачку «Лаки» с таким выражением, словно это не сигареты, а спасительная упаковка эритромицина. «20 679* врачей утверждают: от «Лаки» не так першит в горле», — сообщила подпись. Звездочка указывала, что врачей этих действительно пересчитала самая настоящая, специализирующаяся на сборе статистики фирма. Насколько легче было работать, когда медицина стояла на твоей стороне!

Второй плакат показывал, как «Кэмел» помогает человеку переваривать, блюдо за блюдом, обед, съедаемый в День благодарения. «Начните с настоящей еды — с хорошо проперченного томатного супа-пюре. И сразу после супа выкурите — для улучшения пищеварения — сигарету «Кэмел». Еще одну надлежало употребить перед второй порцией индейки. Почему? Потому что «Кэмел» снимает напряжение. «Подстегните ваш желудочный сок. Увеличьте щелочность организма». Потом еще одну перед салатом «Уолдорф». И еще одну после. «Эта двойная пауза очистит ваше небо и подготовит почву для десерта». А там и еще одну, под пирог с черносливом, — «чтобы окончательно создать у вас ощущение уюта и приятное настроение». Итого, стало быть, пять, и это только за обедом. А уж как подадут кофе, так вытаскивайте из кармана всю пачку и устройте себе настоящий загул. «Для улучшения пищеварения».

БР во время единственного предпринятого им до сей поры обхода трущоб, сиречь кабинетов сотрудников, долго глазел на этот плакат, как бы пытаясь понять, достойно ли украшение подобного рода того, чтобы висеть в кабинете старшего вице-президента по связям с общественностью. Его предшественник, Джи-Джи Холлистер, нанявший Ника после малоприятного разговора, — вот кто был табачником старой школы, человеком, способным под одну только благодарственную индейку выкурить десяток «Кэмел», человеком, родившимся с табачной смолкой в крови. Отличный был мужик, добрый, заботливый, любивший после работы посидеть в конторе с «хайболлом» в руке, рассказывая байки о прежних временах, о сражениях с Лютером Терри, который еще в 1964-м, будучи Главным врачом, представил правительству совершенно катастрофический доклад. Ник особенно любил ту историю Джи-Джи, в которой...

—Ник, он сказал — немедленно...

В конце концов, это невыносимо. Он этого не потерпит.

—Я знаю, Гэзел.

«Да пошли они все, — думал он, перебирая, точно никчемную покерную масть, розовые листки, — подождут, и Гэзел и БР». У него работы по горло.

Он позвонил в несколько телевизионных компаний и, как обычно, сообщил о своей готовности «где и когда угодно» подебатировать с Главным врачом на тему рекламных щитов, — собственно говоря, и на любую другую. Главный врач, со своей стороны, отклоняла все приглашения Ника на том основании, что она не желает позорить свое ведомство, появляясь перед публикой в обществе представителя

«индустрии смерти». Тем не менее Ник посылал вызов за вызовом. Все лучше, чем объяснять, что табачные компании имеют конституционное право лезть со своей рекламой к детишкам из гетто.

Так, теперь болезнь Бюргера. От нее легко не отделаешься. Ник поразмыслил несколько минут и позвонил Биллу Олбрайту из «Ю-Эс-Эй тудей». Ему вовсе не хотелось вдаваться в обсуждение деталей заболевания и еще менее того — видеть свое имя пристегнутым к цитате, содержащей слово «ампутация».

— Ну-с, — начал он скорее в грусти, чем в гневе, — почему бы и впрямь не повесить на нас болезнь Бюргера? На нас теперь каких только собак не вешают. С неделю назад я прочитал, что сигареты расширяют озонную дыру, так давайте в нее и Бюргера. Кто там у нас на очереди? Дельфины? Судя по тому, как развиваются события, мы уже на следующей неделе узнаем, что дельфины, являющиеся, как принято считать, замечательнейшими среди мелких морских млекопитающих, мрут, давясь сигаретными фильтрами, которые люди швыряют в океан с круизных судов.

На самом деле ничего подобного Ник насчет озонной дыры не читал, но, поскольку Билл был другом, Ник полагал, что может наврать ему, не покривив душой. С другого конца линии донеслось мягкое пощелкивание клавиатуры. Билл записывал сказанное. Каждый из них играл отведенную ему роль.

— Ник, — сказал Билл, — насчет этого отчета в «Медицинском журнале Новой Англии»...

— К коему я питаю величайшее уважение. Но могу ли я задать один-единственный вопрос? — Ну?

— Где данные?

— Что значит, «где данные»? В «Медицинском журнале Новой Англии». Ради бога, там одни только цифры и есть.

— Исследования проводились двойным слепым методом?

— Конечно.

Фатальное колебание. В атаку!

— И сколь же велика была контрольная группа?

— Брось, Ник.

— Так это было исследование с заранее предсказанным результатом?

— Ты хочешь, чтобы тебя упомянули в статье, или не хочешь?

— Разумеется.

— Хочешь, чтобы я использовал твои «иде данные»?

— «Где данные», а не «иде данные». Ради бога, можешь изображать меня бессердечным прохвостом, пресмыкающимся перед табачными корпорациями, но не делай из меня безграмотного, бессердечного прохвоста, пресмыкающегося перед табачными корпорациями.

— То есть твой комментарий сводится к тому, что «Медицинский журнал Новой Англии» сам не понимает, что говорит?

— Мой комментарий таков... — Ну, и каков же? В поисках вдохновения Ник обратил взгляд к доктору с пачкой «Лаки». — Болезнь Бюргера была диагностирована совсем недавно. Это сложная, а на самом деле чрезвычайно сложная патология. Одна из сложнейших в области нарушений кровообращения. — Во всяком случае, он надеялся, что это так. — При всем моем уважении к науке, я полагаю, что необходимы дальнейшие исследования, прежде чем она, наука, схватив намыленную веревку, займется линчеванием традиционных подозреваемых. Клавиатура

Билла щелкала безостановочно.

— А могу я тебя кое о чем спросить? — Что-то Билл нынче разошелся. Обычно он записывает то, что ему говорят, вставляет записанное в статью и берется за следующую.

— О чем? — подозрительно осведомился Ник.

— Ты действительно веришь в то, чем занимаешься? Потому что впечатление складывается именно такое.

— То, чем я занимаюсь, помогает мне оплачивать закладную, — сказал Ник, уже столько раз прибегавший к этому рационалистическому объяснению, что от него начало попахивать оправдательными речами Нюрнбергского процесса: «Я фсего лишь хотел отплатить дзакладную...»

— Ник, он только что звонил. Он хочет видеть тебя. Немедленно. Как ни подмывало его сделать еще один звонок, следовало все-таки помнить о закладной, а кроме того, где-то под наваленными Дженнет бумагами лежал счет от колледжа Св. Эвтаназия за обучение Джоя в следующем семестре — 11 742 доллара в год. Как они выводят подобные суммы? На что, к примеру, идут эти сорок два доллара? И чему вообще можно учить двенадцатилетнего мальчишку на 11 742 доллара? Субатомной физике?

Ник, задумавшись, шел коридором к кабинету БР. Коридор украшали афиши оперных спектаклей, симфонических концертов и музейных выставок, которые спонсировала Академия. Во времена Джи-Джи здесь висели великолепные цветные плакаты с изображениями высушенных табачных растений — солнце сияло, пронизывая яркие листья. Сондра, секретарша БР, окинула Ника не улыбочивым взглядом и кивком показала — входи. Эта тоже следит за здоровьем. На ее столе пепельницы не увидишь.

Просторный, обшитый деревом — грецким орехом — мужественного обличия кабинет всегда напоминал Нику внутренность сигарной коробки с увлажнителем. Пока, во всяком случае, БР не содрал со стен оставшуюся от Джи-Джи прелестную деревянную обшивку, не заменил ее протравленной сталью.

Бадд Рорабачер приветственно поднял брови. Он сидел, откинувшись в просторном кресле, и читал «Еженедельный отчет по заболеваемости и смертности» — обычное в Академии чтиво. БР было сорок девять лет, но энергию он излучал юношескую. Только глаза его, светло-зеленые, пристальные, безрадостные, взирающие на жизнь, как на бухгалтерскую электронную таблицу, могли бы, пожалуй, показаться принадлежащими человеку постарше, человеку, который в юные лета испытал крушение иллюзий и оттого норовит испортить жизнь всем, кто его окружает.

Поговаривали, будто он каждое утро, уже в пять часов, играет в сквош — привычка, у начальника необнадеживающая, ибо благодаря ей БР появлялся в офисе в половине седьмого, бодрый, заряженный энергией, которой хватало и на целый день работы, и на то, чтобы сожрать с потрохами любого подчиненного, преданного ему меньше, чем на 1000 процентов. Ник подозревал, что БР, желая подчеркнуть все выпуклости своего торса, носит рубашки на размер меньше, чем следовало бы; впрочем, верным было и то, что дважды в неделю БР ограничивался вместо ленча витаминным коктейлем, сочетая его с поднятием тяжестей в клубе здоровья. Росту в нем было под два метра, что он ненавязчиво подчеркивал, открывая, к примеру, дверь перед вами и кивком

приглашая пройти под аркой придерживающей ее руки. Как-то под конец рабочего дня он проделал этот фокус с Ником, и тот с удовлетворением ощутил исходящий от БР запах пота. Всегда ведь утешаешься, обнаружив унизительное телесное несовершенство человека, который властен над твоей судьбой. Карьеру в табачном деле БР начал, работая в грязноватой, отмеченной далеко не всегда остающейся в рамках законности подковерной борьбой в сфере продажи сигарет через торговые автоматы. Известно было, что такое начало наградило его подобием комплекса неполноценности, так что подчиненные старались не упоминать при БР о торговых автоматах без особой на то нужды. Возглавив Академию, БР изрядно размял свои административные мышцы и обеспечил индустрии ощутимый прирост доходов. Он тесно сотрудничал с торговыми представительствами США и добился того, что страны Азии разрешили показывать по телевидению рекламу сигарет в часы утренних детских программ. (В одной только Японии потребление американских сигарет подростками выросло на 20 процентов.) В самих США он успешно отразил две попытки конгрессменов ввести запрет печатной рекламы, склонил законодателей трех южных штатов учредить у себя «Неделю любви к табаку» и провел в городском совете Лос-Анджелеса блистательную интригу, вследствие которой в составленные этим советом правила для курильщиков вошла оговорка, разрешающая курение в ресторанных барах, — успех, с которым его от души поздравил председатель совета директоров Академии, легендарный Доук Бойкин. БР обладал качеством, которое Наполеон столь ценил в своих генералах, — удачливостью. После того как он вошел в совет директоров, трое из заболевших раком легких и судившихся по этому поводу с табачной индустрией людей скончались вследствие курения в постели, а их наследники отзывали иски, — «застеснявшись», — так объяснил это явление один из адвокатов фирмы «Смут и Хокинг».

— Привет, Ник, — сказал БР, и Ник подавил желание ответить: «Привет».

— Ну, как там легкие?

— Чистые, — ответил Ник.

— По телевизору тебя покажут?

Ник ответил, что подсказывал к каждой камере, какую смог углядеть, и расписывал, как наша индустрия заботится об ответственной рекламе, здоровье населения и малолетних курильщиках, однако он сомневается, что физиономия его удостоится особого внимания в выпусках новостей, если удостоится вообще. Профессиональные говоруны из табачных компаний пользуются у электронных средств массовой информации все меньшим спросом, обратившись как бы в руку, пишущую на стене все более зловещие предречения. Еще совсем недавно телевизионщики регулярно присылали в Академию съемочные группы, чтобы отснять ядовитый пяти-, десятисекундный репортаж, в котором официальные представители индустрии привычно подвергали сомнению достоверность очередного медицинского исследования, доказывающего, будто сигаретные компании каждый год наносят ущерб не меньший, чем четыре бомбы вроде той, что сбросили на Хиросиму. Однако в последнее время эти рутинные материалы, обычно мелькавшие, противопоставляя две точки зрения, в середине программы новостей, стали появляться все реже и реже. Теперь комментатор, как правило, заканчивал сообщение о новом отчете фразой: «Стоит ли говорить, что табачная индустрия оспаривает отчет НИЗ, заявляя, будто нет никаких — я цитирую — «научных

доказательств того, что беременная женщина, если она безостановочно курит, наносит тем самым вред вынашиваемому ею плоду».

— Капустную Голову ты с собой брал?— спросил БР, вновь принимаясь шарить глазами по «Еженедельному отчету»— привычка не самая приятная, а если говорить честно, хамская, способная довести человека до белого каления, однако в смысле административном весьма эффективная: БР обзавелся ею в бизнес-школе Станфорда. Очень хорошо помогает держать подчиненного в узде. Под «Капустной Головой» он разумел гр.— в смысле графа—Эрхарда фон Группен-Мюндта, «научного эксперта» Академии. Эрхард получил некогда ученую степень по судебной патологии в университете Штайнгартена, не входящем, возможно, в число ведущих научных центров Германии, но звучащем достаточно импозантно. Джи-Джи притащил его в Академию в семидесятые годы и построил для него в Рестоне, штат Виргиния, «исследовательскую лабораторию», официально именуемую Институтом здорового образа жизни. Основной научный потенциал этого заведения образовали тысячи перекормленных белых крыс, которые, сколько их ни мажь никотиновыми смолами, нипочем не желали обзаводиться опухолью Ф344. Средства массовой информации уже много лет не воспринимали Эрхарда всерьез. Главное его занятие состояло в даче свидетельских показаний на бесконечных судебных разбирательствах по предъявляемым табачным компаниям искам о причинении ущерба здоровью — там он старался заморочить судьям головы своей эрудицией, киссинджеровским акцентом и наукообразными заклинаниями насчет погрешностей выборки и многомерной регрессии. На процесс Люминотти его решено было выпустить прямо в белом лабораторном халате, и это произвело на судью сильное, хоть и неблагоприятное впечатление.

—Да,— ответил Ник,—он дал интервью Эн-эйч-кей, японскому телевидению. Очень хорошо говорил о пассивном курении. Разгромил в пух и прах. Уверен, его покажут в Токио..

— Боюсь, в Пеории нам от этого будет ни тепло, ни холодно.

— Ну... — Стало быть, Эрхард следующий. Двадцать лет беспорочного служения науке и — auf Wiedersehen, Фриц, ты уже наше прошлое.

—Я думаю, нам следует обзавестись ученым-негром, — сказал БР. — Уж негра-то они показывать будут, никуда не денутся, так ведь?

— Это чревато не самыми приятными последствиями.

— Мне эта идея нравится. А, ну тогда конечно...

— Садись, Ник.— Ник сел, тоскуя по сигарете, однако куда там — в этом кабинете, принадлежащем человеку, который отвечает за все табачное лобби, не было ни единой пепельницы. — Нужно поговорить.

— Давай, — сказал Ник. Джоя всегда можно будет перевести в бесплатную школу. БР вздохнул.

— Буду краток. Этот тип, — он ткнул большим пальцем в сторону Белого дома, — намеревается повысить акцизный сбор с пачки сигарет до четырех долларов, его жена призывает задаром раздавать всем желающим никотиновые пластыри. ГВ пробивает полный запрет рекламы. Боб Смут сказал мне, что мы проиграем дело Хеффернана, влетим на кругленькую сумму, а это повлечет сотни и, может быть, тысячи новых исков в год. АООС присвоило нам канцерогенный класс. А. Пит Ларю говорит, что у НИЗ имеется в запасе ужастик, который они вот-вот обнародуют, — что-то насчет связи курения со слепотой, Иисусе Христе, а Лу Уиллис сообщил мне, что на следующий год комитет по ассигнованиям срежет

нам средства, выделяемые на страхование урожая. Хороших новостей на нашем горизонте ровный ноль.

— Дело табак, верно? — сочувственно откликнулся Ник.

— Я не меньше прочих люблю разрешать сложные проблемы. Больше прочих, если тебе нужна полная правда.

Да, БР, полная правда мне нужна.

— Что, собственно, и сказал мне Капитан, когда уговаривал занять этот пост, — БР встал, возможно желая напомнить Нику, что он выше его ростом, и подошел к окну, глядящему на К-стрит. — Ты знаешь, он дал мне карт-бланш. И сказал: «Поступай как считаешь нужным, используй любые средства, лишь бы дело пошло на поправку».

Что-то он нынче ходит вокруг да около.

— Сколько мы тебе платим, Ник?

— Сто пятьдесят, — ответил Ник. И добавил: — Грязными.

— Угу, — сказал БР. — Ну так скажи мне, стоишь ты этих денег?

Перед мысленным взором Ника мелькнула приятная картина: он обходит письменный стол БР, сжимая в руке солдатский кинжал времен первой мировой. К сожалению, картина эта быстро поблекла, сменившись другой: Ник пытается получить под свой дом вторую закладную.

— Не знаю, БР. Это уж ты мне скажи. Стою я этих денег?

— Давай говорить как профессионалы. Я не хочу разводить дискуссий. Я тебя спрашиваю прямо, по-мужски: что мы имеем? У меня такое впечатление, что от твоей лавочки исходит душок... пораженчества. Все, что я вижу, это белые флаги. Ник постарался остудить быстро закипавшую в жилах кровь.

— Белые флаги?

— Ну да, вроде этого дурацкого предложения, которое ты разослал в прошлом месяце, — чтобы мы признали существование некоторых связанных со здоровьем проблем. Чем ты вообще думал, Иисусе Христе?

— Собственно, — сказал Ник, — я и сейчас считаю, что это было разумное и смелое предложение. Давай глядеть фактам в лицо, БР: на наши уверения, будто курение никому не вредит, никто и не купится. Так почему бы нам не сказать: «Хорошо, иногда курение бывает опасным. Так же, как вождение автомобиля. Или выпивка, или перелеты, или переход улицы, или употребление молочных продуктов. Однако это вполне законное, приятное занятие, которое, если им не слишком злоупотреблять, оказывается, вероятно, не более опасным, чем... я не знаю... чем сама жизнь». По-моему, услышав это, многие подумают: «А что, в конце концов, они не такие уж и вруны».

— Самая идиотская идея, какую я когда-либо слышал, — резко сказал БР.

— Идиотская и дорогостоящая. Я приказал сжечь все экземпляры твоего меморандума. Ты хоть понимаешь, что случится, если его продемонстрируют на одном из этих чертовых судов? Внутренний документ, в котором признается, что нам известно, насколько опасно курение! Это все равно что подать им Иисуса Христа на блюде с голубой каемочкой — представляешь, каким кошмаром это может для нас обернуться?

— Хорошо, — Ник пожал плечами, — давай и дальше делать вид, будто курение никому повредить не способно. Тем более что до сих пор это так здорово работало...

— Вот об этом я и говорю, — сказал, покачав головой, БР, — чистое пораженчество. Ник вздохнул.

—БР, мы попусту тратим время. Моя преданность делу ставится под сомнение впервые за шесть лет.

— Может быть, ты просто выдохся? Это случается. Вошла, без стука, Дженнет.

— Ой, — сказала она, — простите, что помешала. Я принесла «Исследование синдрома тошноты» Нексиса, которое ты хотел посмотреть.

Что ж, она привлекательна, хоть и малость пресновата на вкус Ника: деловой костюм, цокающие каблучки, собранные сзади в узел льдисто-светлые волосы, выщипанные брови, высокие скулы, шустрые черные глазки и ямочки на щеках, почему-то внушающие ощущение опасности, хотя, вообще говоря, не должны бы. Наверное, по уикэндам катается верхом в Виргинии. Самое что ни на есть подходящее для нее занятие. Вложи ей в руку хлыст, получится вылитая повелительница яппи.

—Спасибо, — сказал БР. Дженнет вышла, с силой захлопнув за собой дверь.

—Раз уж мы говорим «по-мужски»,—сказал Ник, продолжая разговор с того места, на котором он прервался, — скажи прямо: чего ты хочешь?

— Скажу, — ответил БР, пристукнув по столу карандашом. — Мне кажется, что за сто пятьдесят в год мы могли бы иметь результаты получше.

— Не думаю, что мне удастся убедить нашего Главного врача, будто курение не приносит здоровью ничего, кроме пользы. Честно говоря, БР, я считаю, что этот поезд уже ушел.

— Вот это и есть твоя главная беда! Не думай о том, что тебе не удастся. Только о том, что удастся. Ты тратишь время, пытаешься погасить пожар в мусорной корзинке, между тем как твое дело — поджигать леса.

—Леса?

— Ты действуешь, исходя из уже случившегося. А должен бы опережать события. Не сиди за столом и не жди, что тебе будут звонить каждый раз, как кто-нибудь выкашляет свои легкие. Ты у нас отвечаешь за связи с общественностью. Так налаживай их. Представь мне перспективный план. Какой у нас нынче день?

— Пятница,— мрачно сообщил Ник.

—Отлично, значит, в понедельник. Принеси мне в понедельник хоть что-нибудь стоящее. — БР заглянул в ежедневник и вдруг ухмыльнулся. Этого Ник еще ни разу не видел. — Смотри-ка, как раз в шесть тридцать я совершенно свободен.

Глава 2

Здесь Ник мог оставаться самим собой. Здесь он был среди своих. Наличный состав «Отряда ТС» собирался у Берта каждую среду или пятницу—или, вторник, или когда придется. При их работе происшествия разного рода, по преимуществу катастрофические, случались, как правило, в последнюю минуту, так что планировать что-либо заранее было сложно. Но если без общего ленча или ужина проходило больше недели, они начинали нервничать. Они нуждались друг в друге не меньше, чем люди из групп психологической поддержки: иллюзий они

никаких не питали, зато могли положиться один на другого. Название «Отряд ТС» не содержало отсылки к популярному в 60-х телесериалу о трех хиппи, а на самом деле тайных полицейских агентах, вкушавших все прелести расовой и сексуальной десегрегации. ТС означало попросту «торговцы смертью». Поскольку в «Отряде» состояли люди, представляющие общественное лицо компаний, торгующих табаком, спиртным и оружием, название это казалось им более чем уместным. Ник сказал когда-то, что пресса, если ей удастся пронюхать о существовании их маленького кружка, наверняка именно так его и окрестит, а стало быть, ничто не мешает им самим принять это название.

«Им» означало — Нику, Бобби Джею и Полли. Эту троицу объединяла не только работа в организациях, пользующихся всеобщим презрением, но и возраст—под сорок, немного за сорок, — возраст, в котором радость, вызванная тем, что ты занимаешь высокий пост, несколько увядает и на передний план выходит забота о том, как бы этот пост сохранить. Бобби Джей Блисс подвизался в Обществе по распространению огнестрельного оружия и боевой подготовке молодежи, называвшемся прежде Национальным комитетом за право ношения оружия. Этот всеящий под сто килограммов тихоголосый курчавый человек родился в городке Лубер, штат Миссисипи (население 235 человек). Отец его был там мэром, шерифом и главным источником средств, поступавших в городскую казну, каковые средства он добывал, арестовывая каждого третьего проезжавшего через Лубер водителя независимо от того, как быстро тот ехал. Он всегда держал под рукой коллекцию знаков ограничения скорости, выбирая потребный прямо на месте преступления. Бобби Джей уже с восьми лет помогал отцу: мальчик прятался в кустах, заменяя знаки в зависимости от скорости, развитой очередной жертвой, а отец вытаскивал нарушителя из машины и отчитывал за неосторожную езду в деловой части города, хотя никакой деловой части в Лубере, штат Миссисипи, отродясь не значилось. Все это внушило Бобби пожизненное уважение к представителям правоохранительных органов, а заодно и к ручному оружию. Вскоре после стрельбы в Кентском университете Бобби Джей, тогда уже семнадцатилетний, автостопом отправился в Меридиан, намереваясь записаться в Национальную гвардию и тоже получить таким образом возможность поупражняться в стрельбе по студентам, однако у вербовщика Национальной гвардии случился обеденный перерыв, зато на месте—в соседнем кабинете — оказался вербовщик армейский. Человек этот, обладавший безошибочным чутьем на достойных молодых людей, тут же вызвался оплатить университетское образование Бобби. В итоге Бобби кончил стрельбой по вьетнамцам, которые были ничем не хуже студентов—всей-то и разницы, что вьетнамцы отстреливались. Тем не менее Бобби с удовольствием дважды прокатился в Юго-Восточную Азию; он съездил бы туда и в третий раз, если бы во время поспешной эвакуации десанта из слишком уж жаркого места хвостовой винт вертолета не оттяпал ему по самый локоть левую руку. Бобби стал одним из немногих солдат вьетнамской поры, удостоившихся по возвращении домой приветственного парада. Особенно многолюдным назвать этот парад было нельзя, хоть в нем и участвовало все население Лубера, но, поскольку в те беспокойные времена такие иарады случались редко, этот попал в газеты, а там и привлек

внимание Стоктона Драма, легендарного главы Общества по распространению. Возглавив дышащее на ладан объединение владельцев огнестрельного оружия, Драм ухитрился превратить его в подобие крупнейшей в мире регулярной армии, насчитывающей тридцать миллионов крепких и чрезвычайно горластых, что подтвердит вам любой сенатор и конгрессмен, мужиков. Бобби Джей с его картинными ухватками южанина и железным крюком вместо левой руки идеально подходил для роли пылкого защитника права ношения оружия, что и позволило ему, сделав блестящую карьеру, занять в конце концов пост главного публичного выразителя интересов Общества. В ходе этой карьеры он отвратился от стези порока, став новообращенным христианином — дело далеко не простое, если учесть, сколько телепроповедников загремело в тюрьму за поступки решительно не благочестивые. На работу Бобби Джей приезжал в компании таких же новообращенных, как он, — в автомобилях, купленных ими в складчину, — а возвращаясь домой в виргинские пригороды, где он жил с женой и четырьмя детишками, Бобби заворачивал с друзьями на стрельбище, дабы снять накопившееся за день напряжение, паля по бумажным силуэтам лиходеев неопределенной этнической принадлежности.

«Альянс за умеренность», называвшийся прежде Национальной ассоциацией алкогольных напитков, представлял компании по производству зернового спирта, вина и пива. Назначив главным своим публичным говоруном Полли Бейли, «Альянс» несомненно сделал правильный выбор. Усиливающийся подъем неопуританизма и неопроги-биционизма, сопровождаемый катастрофическим падением объемных показателей, внушил «Альянсу» мысль о необходимости новых подходов. В итоге реклама производителей пива переключилась с блондинок в бикини и наклюкавшихся собачек на изгваз-давшихся в нефти парней, героически спасающих тюленят, производители сухих виноградных вин стали все больше напирать на снижение их продуктами содержания холестерина в крови, а производители напитков покрепче, махнув рукой на ледяной сухой мартини, принялись взывать к совести своих потребителей, уговаривая их не садиться за руль в пьяном виде. Вот тогда-то торговая их ассоциация и заменила традиционно напористого, не шибко молодого белого господина в деловом костюме речистой особой, способной вскружить не одну голову. Полли, хорошенькая, смуглая, миниатюрная, с бойкими голубыми глазами и длинными (от природы) ресницами, была явным образом рождена для рекламы мыла, поэтому, когда она появлялась на телеэкране, чтобы оспорить последний правительственный отчет относительно числа совершенных в пьяном виде автомобильных аварий или синдрома «пьяного зачатия» — вместо того чтобы поведать о том, как она жить не может без мыла «Слоновая кость», — эффект получался сногшибательный. О гениальности ее, как отметил про себя Ник, свидетельствовало хотя бы то, что она не обрезала волосы, но отрастила их до самых плеч, так что весь ее облик — истинное воплощение молодости и живости — ничем не напоминал о привычном натужно-деловом стиле, который женщины усваивают, принося природную свою красоту в жертву ассимиляции полов, без коей невозможно дорасти до поста равноправного партнера, старшего вице-президента или хотя бы министерской секретарши. Полли курила — сигарету за сигаретой, — отчего голос ее приобрел приятную хрипотцу, и, когда она, безупречно жонглируя словами,

уклонялась от прямых утверждений относительно содержания алкоголя в крови или акцизных сборов, слушавшему ее казалось, будто он лежит с ней в постели — простыни сматы, в стереоколонках звучит джаз, мерцают свечи, табачный дымок кольцами уходит к потолку. Мало того, она еще и одевалась не без элегантности — это в Вашингтоне-то, где на элегантную женщину принято взирать с подозрением. Полли предпочитала черные с белым костюмы от Донны Каран — в особенности те, с преувеличенными воротниками, сообщающие женщине нечто от школьницы, одновременно намекая, что не принимать ее всерьез — значит совершать большую глупость. В общем, если в Вашингтоне и существовал человек, способный постоять за этиловый спирт, то им была Полли.

Производители спиртного, в стараниях продать побольше своего зелья, с незапамятных времен прибегали к услугам женщин, заставляя их страстно обнимать на рекламных плакатах фаллические бутылки или выставлять напоказ ножки, уютно воркуя с подружками о привязанности своих новых кавалеров к какой-либо марке скотча, но почему же, дивился Ник, до них лишь теперь дошло, что для создания благоприятного общественного мнения следует использовать красивую женщину? Разве сенаторы и конгрессмены, принимающие решения насчет предупредительных надписей и акцизных сборов, восприимчивы к сексуальной притягательности менее прочих людей? Разве и сам Ник не столкнулся в последнее время с необходимостью отстаивать свою традиционную белую мужественность перед боссом, которому, похоже, не терпится заменить его телегеничной Дженнет?

Полли родилась на юге Калифорнии, поступила, имея в виду дипломатическую карьеру, в Джорджтаунский университет, однако провалилась на решающем экзамене и в итоге нашла работу на Капитолийском холме, где большую часть времени бегала вокруг того или иного стола от конгрессменов из тех, у кого на уме не одно только завершение прений.

В конце концов она получила пост заместителя главы аппарата Сельскохозяйственного комитета палаты представителей — комитета, руководимого весьма влиятельным во фракции большинства членом названной палаты. Член этот происходил с севера Калифорнии, где виноградники к тому времени были практически изведены филлоксерой; именно блистательно проведенная Полли интрига позволила ему заключить подобие брака по расчету с членом из цитрусового региона и отхапать субсидии у двух других членов, представлявших, соответственно, авокадо и артишоки, — в стараниях добиться субсидий, как и в стараниях добиться любви, все средства хороши. Член Полли вознаградил ее за прилежание и тяжкие труды тем, что назначил руководителем аппарата кого-то другого, так что когда искренне благодарный ей глава винного отдела «Альянса за умеренность» позвонил Полли, чтобы поздравить с блестящей победой, и между делом заметил, что не прочь был бы иметь в своем штате человека с ее качествами, Полли переметнулась к нему.

Еще не дожив до тридцати, она вышла замуж за коллегу по Холму, Гектора, толкового, привлекательного и честолобивого молодого человека, казалось самой судьбой предназначенного для того, чтобы со временем сыграть видную роль в той или иной президентской администрации. Однако, побывав на лекции Поля Эрлиха, провозвестника

грядущих ужасов перенаселения, Гектор обратился в его ревностного адепта, ушел с Холма и поступил на работу в общественную организацию, занимающуюся бесплатной раздачей противозачаточных средств в «третьем мире» — преимущественно презервативов, по три миллиона в год. В «третьем мире» он и проводил четыре пятых своего времени. Остаточную пятую часть Гектор коротал в Вашингтоне, пытаясь избавиться от последней подхваченной им в тропиках экзотической заразы, иные из которых делали его общество крайне неприятным. Судя по рассказам Полли, перенаселение стало манией Гектора, главным предметом всех его разговоров.

Впрочем, вернувшись из затянувшейся поездки в Западную Африку, он объявил Полли, прибегнув к выражениям не столько романтическим, сколько по-деловому точным, что желает не сходя с места обзавестись детьми, множеством детей. Полли это его желание застало врасплох. Было ли тут дело в чувстве вины перед миллиардами и миллиардами обманутых сперматозоидов «третьего мира» или в желании перенаселить свой собственный уголок в мире первом, Полли сказать не взялась бы; слушая мужа, она сознавала только одно: миг слабости, порожденной необходимостью бегать вокруг очередного стола, спасаясь от очередного предприимчивого конгрессмена, бросил ее в объятия законченного неудачника.

Гектор что ни день все больше и больше костенел в своей решимости. Между тем кожа у него совершенно позеленела от сомнительных противомаларийных таблеток, купленных у жуликоватого браззавильского аптекаря, что в сочетании с его маниакальной тягой к размножению пагубным образом повлияло на половой инстинкт Полли. Гектор предъявил ей ультиматум, а когда Полли оный отвергла, сказал, что все кончено и что он пойдет искать по свету лучшего применения для своего жезла плодородия. Осенью они развелись. Ныне Гектор пребывал в Лагосе, Нигерия, организуя разбрасывание с самолетов огромного количества презервативов над толпами, которые, как предполагалось, стекутся к мессе во время предстоящего визита Папы.

Сколь ни осмотрительны были члены «Отряда ТС», от случая к случаю они, дабы укрепить в своей среде, среде отверженных, дух товарищества, приглашали на ленч кого-нибудь из коллег. У них в гостях перебивали коллеги из таких организаций, как представляющее производителей телятины Общество за гуманное обращение с молодняком, союз «Друзья дельфинов», называвшийся прежде Тихоокеанской ассоциацией ловцов тунца, Американская ассоциация за безопасность на дорогах, объединяющая владельцев и производителей трехприцепных грузовиков, Фонд обогащения почв, изначально именовавшийся Коалицией за ответственное избавление от радиоактивных отходов, и многие иные. Случались и гости иностранные. Скажем, недавно побывавший у них общественный представитель Бразильской ассоциации скотоводов поделился своими соображениями о способах сохранения девственной сельвы. Он очень смешно показывал, как разлетаются, завидев бульдозеры, стайки попугаев.

Они всегда занимали у Берта один и тот же столик в зале для курящих, рядом с камином, электрический нагреватель которого обливал их отблесками уютного, пусть и под-дельного пламени. Ник заказывал свой обычный салат «Кобб» (который у Берта подавался с чуть ли не четвертой

вязкого голубого сыра поверх груды бекона и мелко нарезанного яйца, достаточной, чтобы закупорить артерию размером с туннель «Холланд») плюс кофе глясе, дабы смыть все это и подкрепить таламус перед слепополуденными схватками со средствами массовой информации. Бобби Джей, как правило, угощался зажаренными в тесте креветками с майонезом. Полли, недолго повздыхав над значащимся в меню кальмаром, ограничивалась зеленым, салатом с французской приправой и стаканом фирменного «chenin blanc», живительного напитка, более чем стоящего своих 3 долларов 75 центов.

Полли заметила, как мрачно вглядывается Ник в свой глясе.

— Ну, — сказала она, — как делишки?

То был традиционный в «Отряде ТС» зачин. Ответ всегда давался один и тот же — «паршиво», так как рассчитывать, что медицина обнаружит продлевающие жизнь свойства курения, или что резко понизится процент совершаемых с применением ручного оружия убийств, или что некий юнец с 0,24 процента алкоголя в крови, вместо того чтобы загубить чью-нибудь многообещающую молодую жизнь, вдруг возьмет да и спасет ее, — рассчитывать на все это особо не приходилось.

— Как у тебя прошло с «Легкими»? — спросила Полли, глубоко затягиваясь длинной сигаретой с низким содержанием смол. Ник уже говорил ей, чтобы она завязала с ними, поскольку исследования показали, что человек, стремясь получить нужную ему порцию никотина, лишь выкуривает таких сигарет побольше, — сведения, которые невозможно было отыскать во всей обширной литературе, издаваемой Академией табачных исследований.

— А, — сказал Ник, — все нормально. Правда, эта дура призвала к полному запрету рекламы. Вот уж удивила так удивила.

- Я поймала по Си-СПЭН кусочек твоего выступления. Мне понравилось насчет Мурада.

— Угу.

— У тебя все в порядке?

Ник рассказал ей о разговоре с БР, о том, что к понедельнику, к половине седьмого, ему надлежит представить прожект, способный одним махом обратить вспять волну антитабачных настроений, набиравшую силу вот уже сорок лет. Полли мигом вникла в суть проблемы.

— Он просто хочет усадить на твое место Дженнет. Только и всего, — и, пообещав что-нибудь придумать к понедельнику, Полли сменила тему и вновь вернулась к Главному врачу.

— Ты же понимаешь, следующие у нее на очереди мы. Я еще ни разу не слышала об акцизном сборе, который бы ей не понравился. И финансирование здравоохранения тут ни при чем. Ей просто не угодно, чтобы кто-нибудь что-нибудь пил. И точка. На следующей неделе здесь состоится ежегодный съезд пивных оптовиков, так они ее просто убить готовы. Грозятся все свои грузовики загнать на Эспланаду.

— Интересно будет взглянуть, — сказал немного повеселевший Ник. — Памятник Вашингтону в окружении грузовиков «Бадвайзер».

— Они уже на стену лезут. Шестьдесят четыре цента акциза за упаковку из шести банок! Правительство хочет выехать из бюджетного дефицита на горбу торговцев пивом, а тем почему-то кажется, что это нечестно. По временам собрания «Отряда ТС» смахивали на сходки голливудских сценаристов, обменивающихся за чашкой кофе только что придуманными шуточками. Правда, шуточки членов «Отряда» несколько преуменьшали

смертельно опасный характер их продукции.

До этой минуты Бобби Джей не принимал участия в разговоре, поскольку сидел, прижимая к уху сотовый телефон и выслушивая «сенсационные новости», каковые для людей их профессии оборачивались обыкновенно «новостями дурными». На сей раз очередную пакость учинил «разочарованный почтовый служащий», то есть человек из тех, от кого оружейная промышленность привычно не ждет ничего хорошего. Придя, как обычно, воскресным утром в церковь городка Карбюратор-сити, штат Техас, служащий в разгар проповеди на тему «Чувствовалища любви, кои Всемогущий Господь простирает повсюду» встал и одним выстрелом снес проповедника с кафедры, после чего открыл огонь на уничтожение по церковным хористам. Тут он несколько отклонился от положенной процедуры, ибо не «обратил свое оружие против себя», как в подобных случаях пишут газеты. Видимо, «разочарован» он был не настолько, чтобы свести счеты с жизнью. Теперь на него велась самая массированная в истории штата Техас охота. По словам Бобби Джея, Общество по распространению принимало в связи с этой историей по две тысячи звонков в день.

— Одобрительных или не очень? — спросил Ник.

— Тебе известно, сколько «разочарованных почтовых служащих» выкинуло подобный фортель за последние двадцать лет? — спросил Бобби Джей, поднося ко рту вилку с креветками. — Семеро. И что я хотел бы узнать? Я хотел бы узнать, отчего все они такие разочарованные? В конце концов, почта-то не до них не доходит, а до нас.

Полли задала профессиональный вопрос:

— Оружие боевое?

Бобби Джей ободрал зубами хвостик креветки.

— На этот раз я, пожалуй, ответил бы утвердительно. Конечно, в девяти случаях из десяти то, что называют «боевым оружием», таковым не является. Но поди объясни это нашим друзьям вон оттуда, — он ткнул замасленным большим пальцем в сторону здания «Вашингтон сан». — Их послушать, так и воздушка моего десятилетнего сына тоже боевое оружие. — Бобби поднял вилку. — Дня них и вот это — самое что ни на есть боевое оружие. Что ж нам теперь, вилки запретить?

— Вилки? — переспросил Ник.

— «Не вилки убивают людей, людей убивают люди», — сказала Полли. — Не знаю, может, это сработает?

— Он стрелял из «Меткого командос» сорок пятого калибра. Строго говоря, эту штуку можно отнести к разряду полуавтоматического боевого оружия.

— Еще бы, при таком-то названии, — сказала Полли. — Ты б уговорил производителей давать оружию более мирные названия. Что-нибудь вроде «Благодушный увещатель» или «Спутник домашней хозяйки».

— Но вот чего я не понимаю — с какой стати этот сучий потрох стрелял пулями «Гидра-шок»?

— Ничего себе, — сказал Ник.

— Это же армейский боеприпас. С ним только на террористов ходить. Такая пуля взрывается внутри человека. — И Бобби показал на пальцах, как «Гидра-шок» ведет себя в человеческом теле.

— Я тебя умоляю, — сказала Полли.

— Он что себе думал? — риторически спросил Бобби Джей. — Что проповедник и хористы носят под облачением пуленепробиваемые жилеты?

Какого вообще черта происходит нынче с людьми?

— Хороший вопрос, — откликнулся Ник.

— Ты-то что в связи со всем этим предпринимаешь? — спросила Полли.

— И почему всякий раз, как какой-нибудь... рехнутый почтмейстер учиняет стрельбу в церкви, все тут же тянутся к веревке, чтобы вздернуть нас? Можно подумать, что это мы вручили ему оружие и сказали: «Иди, перестреляй всех прихожан». Редекамп—репортер из «Сан»—звонит мне, и я просто слышу, как он пухнет от счастья. Он обожает массовые бойни. Это основной продукт его питания. Свинья безбожная. Я ему говорю: «Когда самолет разбивается из-за ошибки пилота, вы обвиняете корпорацию «Боинг»?» — Неплохо,—сказал Ник.

— Когда какой-нибудь налившийся до бровей алкаш переезжает человека, вы бьетесь о двери «Дженерал моторс» и вопите «J'accuse»?

— Прямо так и сказал?—удивилась Полли.

— Ну хорошо, — сказал Ник. — И все-таки как ты справляешься с ситуацией? Бобби Джей стер с губ пятнышко майонеза. Глаза его блеснули.

— Господь сам управился с ней.

Ник знал Бобби Джея как человека честного, усердного в молитве, которую он делил, как и автомобили, с другими, ему подобными, человека, склонного приправлять свою речь библейскими фразами, сообщая, скажем, что некто «точно брат Исава, продал себя с потрохами за миску чечевичной похлебки», но психом его отнюдь не считал. С ним можно было нормально поговорить на любую мирскую тему. Однако последнее высказывание насчет Господа, взявшегося улаживать идиотскую ситуацию, заставило Ника задуматься, не следует ли и Бобби занести в список пострадавших от обсуждаемого ими несчастного

случая.

Оглянувшись через плечо, Бобби Джей склонился к собеседникам:

— Других объяснений я не вижу. Возможности вроде этой ниспосылаются только свыше. И только истинно верующим.

— Бобби Джей, — озабоченно поинтересовалась Полли, — ты хорошо себя чувствуешь?

— Выслушай меня, о маловерная, и после скажи, не Господь ли простер руку Свою над стариной Бобби Джеем. Я ехал в машине на работу...

— Вместе с Пригородными свидетелями Иисуса?

— Нет, Полли, и, кстати, не вижу тут ничего смешного. Я ехал один. Слушал телефонное шоу Гордона Лидди...

— Воображаю, — сказала Полли.

— Гордон, между прочим, мой друг. Ну, в общем, молотит он обычную лабуду об этой самой стрельбе, и тут раздается звонок, и он говорит: «Карбюратор-сити, вы в эфире», а следом женский голос произносит: «Я была в той церкви и хочу сказать вам, что человек, с которым вы только что разговаривали, совершенно неправ». Я чуть с дороги не слетел. А она говорит: «У меня есть пистолет, но, поскольку закон штата Техас не позволяет носить оружие с собой — только держать в машине, я оставила его в бардачке. Так вот, если бы пистолет был со мной в церкви, наш хор пел бы сейчас «Ходи со мною, Иисусе». Нику стало завидно. Хоть бы раз кто-нибудь позвонил, когда его распинали в очередной радиопередаче, и сказал: «Если бы я последние сорок лет не выкуривал по пять пачек в день, я бы давно уже копыта

отбросил».

Бобби Джей, вытаращив глаза, продолжал:

— Гордон был на седьмом небе. Он продержал эту бабу в эфире минут пятнадцать. И она раз за разом повторяла: какая трагедия, что при ней не было ее миниатюрного смит-вессона тридцать восьмого калибра, который позволил бы избежать такого несчастья. Она находилась от него так близко! Прострелила бы ему башку, и все! — Бобби протянул руку, прицеливаясь в человека за соседним столиком. — Бабах!

—Тише ты, Бобби, клиентов распугаешь.

—И как же ты поступил?— спросил Ник.

— Как я поступил? — забулькал Бобби. — Как я поступил? Это я тебе расскажу. Я дал по газам и понесся в аэропорт «Нэшнл», и потребовал билет на следующий рейс до Карбюратор-сити. Следующего рейса до Карбюратор-сити у них не оказалось, не оказалось вообще никакого. Попасть туда можно только через Даллас. Тем не менее я сумел добраться до гостиной этой маленькой леди уже к шести часам вечера.

—Маленькой леди? — переспросила Полли. — Видали наглеца?

— Полтора метра от силы, — огрызнулся Бобби. — На каблуках. И леди до мозга костей. Описательное предложение, не более того, так что позвольте я продолжу, мисс Заноза-в-глазу? Наши ребята с камерами прибыли туда уже к следующему полудню. И интервью с ней обратилось после соответствующего монтажа в лучший видеоклип в классическом стиле, какой вы когда-либо видели.

Бобби выставил перед собой ладони на манер режиссера,,
вглядывающегося в будущий кадр.

—Мы начали так: «Карбюратор-сити, штат Техас. Страдающий умственным расстройством федеральный бюрократ...»

—Недурно,— сказал Ник.

— Дальше лучше: «...напал в церкви на проповедника и хористов...» На экране появляются кареты «Скорой помощи», носилки, люди, скрежещущие зубами и рвущие на себе волосы...

—Так уж и рвущие, — сказала Полли.

— В общем, картина кровавой бойни и смятения, — продолжал Бобби Джей. — Багровый хаос!

— Багровый хаос? — переспросила Полли.

—Закройся, Полли, — сказал Ник.

—Вступает голос. Догадайтесь чей?— с напускной скромностью предложил Бобби.

—Чарлтона Хестона?

— Нет, сэр, — жеманно улыбаясь, ответил Бобби. — Попробуйте еще раз.

—Дэвида Дьюка,— предположила Полли.

—Джека Таггарди, — торжествующе произнес Бобби.

—Лихо, — сказал Ник.

— А ему разве не вшили чужие бедренные кости? Я читала в «Пипл».

—При чем тут бедренные кости, хотел бы я знать?—удивился Бобби Джей.

—Он ходить-то вообще может или не может?

— Ну, не может, ну и что с того?

—Ты давай дальше рассказывай, — сказал Ник. Бобби опять изобразил ладонями кадр.

—Значит, вступает голос Таггарди: «Можно ли было избежать этой ужасной человеческой трагедии?»

— Вопрос, — сказал Ник, — почему «человеческой»?

— А почему нет? Кто, по-твоему, пострадал, человеки или не человеки?

— Может быть, лучше «нечеловеческой трагедии»?

— Точно, — сказала Полли.

— Ладно, это мы подредактируем. Вы будете наконец слушать?

— Будем, — сказал Ник, — еще как.

— Следом появляется моя маленькая леди. Сидит в кресле, вся такая подтянутая и симпатичная. Не женщина—конфетка. Я к ней отличного парикмахера приставил. Она еще и намазаться хотела, но я не велел. Мне требовалось, чтобы у нее были красные от плача глаза. Так что мы ей малость потеряли луком под веками — штука безвредная, нужное настроение создает, открывает слезные протоки.

— Луком?

— Да в общем-то и зря. Она как увидела сделанные полицией цветные снимки — я их держал прямо перед ней, у камеры,— разрыдалась что твое дитя. Сначала все твердила, до чего это ужасно, а после перешла прямо к пистолету, который ей пришлось оставить в бардачке. И вот тут она вдруг уставилась в камеру, в лицо зрителю, промокнула платочком уголки глаз—в сценарии ничего такого не было — и говорит: «Почему законодатели, которых мы избираем, не позволяют нам защищать самих себя? Неужели оросить их об этом — значит просить слишком много?» Затемнение. Тут снова вступает Таггарди, а его уж ни с кем не спутаешь: «Вторая поправка к Конституции гласит, что право народа хранить и носить оружие не может ограничиваться. Поддерживают ли избираемые вами законодатели Билль о правах? Или они просто пытаются запудрить вам мозги?» — Бобби Джей откинулся в кресле. — Ну, как оно вам?

— Впечатляет, — сказал Ник. — Мастерская манипуляция посттравматическим стрессом.

— Ароматнее, чем жимолость при луне, — ухмыльнулся Бобби Джей.

— Мои поздравления, — сказала Полли. — Настоящий шедевр.

— К сегодняшнему вечеру каждый член Конгресса от штата Техас и каждый член законодательного собрания этого штата получит по копии нашего ролика. К завтраму их получают все греховодники, каких нам удастся застукать в Конгрессе. Возможно, мы даже крутанем его по национальному телевидению. На этот счет мистер Драм решения пока не принял, но, я думаю, тут он меня послушается.

Босс Бобби Джея был одним из немногих в Вашингтоне начальников, настаивавших на том, чтобы его называли «мистером». Это была часть его мистической ауры, и ауры, сказать по правде, не маленькой. Когда он, много лет назад, принял на себя руководство неблагополучным Обществом, в Америке ходило по рукам всего-навсего пятьдесят миллионов единиц стрелкового оружия. Теперь их насчитывалось больше двухсот миллионов. В плане физическом это был представительный, хоть и совершенно лысый мужчина. Редекамп из «Сан» ухитрился выкопать где-то сведения о том, что в возрасте шестнадцати лет мистер Драм застрелил семнадцатилетнего приятеля, поспорив с ним о том, кому из них принадлежит коробчатая черепаха. Обвинительный приговор впоследствии отменили на том основании, что коробчатая черепаха, вскоре скончавшаяся — вероятно, от стресса, — не была предъявлена суду в качестве вещественного доказательства. Тем не менее настроенная против Общества вашингтонская пресса, то есть вся вашингтонская пресса за вычетом консервативной «Вашингтон мун»,

всякий раз, упоминая мистера Драма, поминала и этот прискорбный инцидент.

Подали кофе. Ник повернулся к Полли.

— А как поживают «умеренные»?

— Вообще-то вчера мы получили отличную новость, — сказала Полли. Это было нечто из ряда вон. Ник не помнил ни единого случая, когда за их столом произносились такие слова. — Верховный суд Мичигана постановил, что проверки водителей на трезвость прямо на дорогах неконституционны.

— Крышка празднику, — сказал Ник.

— Правда, Верховный суд США объявил их конституционными, так что теперь они конституционны везде, кроме Мичигана.

— Ты видишь? — спросил Бобби Джей.

— Что именно? — поинтересовался Ник.

— Схему, по которой они действуют. Сначала они нас разоружают, а потом выставляют засады на дорогах. Все идет по плану.

— Чьему?

— А знаешь, что помогает обмишурить эту их трубочку? — продолжал Бобби Джей. — Таблетки активированного угля.

— Может, использовать их в нашей новой кампании, в «Сознательном водителе»? — сказала Полли. — «Если уж садитесь за руль пьяным в стельку, так, пожалуйста, сосите уголек».

— Они продаются в зоомагазинах. Для очистки воздуха в аквариумных насосах. Не знаю уж, много ли от них там проку, потому как стоит мне купить моим ребятишкам новых рыбок, и те уже через день всплывают кверху брюхом. В общем, держишь таблетку под языком, и она разрушает молекулы этанола. — А полиция не спрашивает, почему у тебя торчит изо рта угольный брикет?

— А нету такого закона, чтобы не держать во рту уголь, — сказал Бобби Джей.

— Будет, — хором заверили его Ник и Полли. То обстоятельство, что в любой наугад взятый миг некто, окопавшийся в «гигантской федеральной бюрократической машине», вводит нормы и правила, направленные лично против них, все они принимали как данность. Они были кавалерами Ордена Потребления, выстроившимися в чистом поле для битвы с круглоголовыми от неопуританизма.

— Кто меня действительно беспокоит, — сказала Полли, — так это мои пивные оптовики, которые прикатят сюда на той неделе.

— С чего бы это? — спросил Ник.

— Мне предстоит препираться с Крейгхедом перед их двухтысячной толпой.

Гордон Р. Крейгхед был видным «неизбираемым бюрократом», командовавшим Отделом по предотвращению злоупотреблений дурманящими веществами в Министерстве здравоохранения и социальных служб — «зануд и сволочных скудоумцев», как именовали министерских чиновников люди, работающие в алкогольной и табачной индустриях. Отдел Крейгхеда тратил около 300 миллионов в год на поддержку борцов с курением и вождением машин в пьяном виде. И хотя согласно статистике табачная промышленность расходовала на рекламу курения 2,5 миллиарда в год, или четыре тысячи долларов в секунду, Ник не упускал случая посетовать на «чрезмерно раздутый бюджет» ОПЗДВ.

— Ну, с Крейгхедом ты как-нибудь сладишь.

—С ним-то слажу, а вот с оптовиками. Они люди простые. Большинство начинало дальнобойщиками. Боюсь, если Крейгхед вякнет что-нибудь о новом повышении акцизных сборов или взносов на повторную переработку, они начнут кидаться в него чем ни попадя. Или обматерят сверху донизу. А что толку?

— Ответы на вопросы у вас запланированы?

Полли сказала: да, по завершении дебатов они будут отвечать на вопросы из зала.

—Тогда заставь своих мужланов представить вопросы в письменном виде. Мы как-то дискутировали с «Матерями против курения» — на конгрессе владельцев торговых автоматов. Вопросы задавались прямо из зала. Это был тихий ужас. Владельцы выдирали микрофон друг у друга и орал на матерей: «Ты вырываешь кусок хлеба изо рта моего малыша, а еще мать называется!» Я даже удивился. Мне всегда казалось, что у мафии принято относиться к матерям с определенным почтением. А теперь «Матери против курения» не желают даже отвечать на мои звонки. После этого я ввел правило — вопросы только в письменном виде. Девиз для съезда ты уже придумала?

—«Мы — часть Решения», — ответила Полли. — Как тебе? Ник

поразмыслил.

—Мне нравится.

— Пришлось помучиться, — сказала Полли. — Они требовали чего-нибудь поагрессивнее. Те еще склочники, мои оптовики.

—У меня есть для тебя хороший девиз, — сказал Бобби Джей. — Видел на футболке. «День не пил, считай и не жил».

— Поначалу, — не обращая на него внимания, сказала Полли, — мы выбрали «В духе сотрудничества», но они заявили, что это смахивает на рекламу духов. Наша публика никаких конкурентов на дух не переносит. У меня половина времени уходит на то, чтобы не дать пивным торговцам поубивать винных, а винным — всех остальных. «Альянс» и. придуман-то для того, чтобы в пору снижения объемных показателей собрать все силы в единый кулак, но это все равно что пытаться объединить Югославию, — Полли отхлебнула холодного капучино. — Родоплеменные отношения.

Она закурила. Нику нравились женщины, умеющие курить эротично. Полли откинулась в кресле, уложила левую руку под грудь, подперев ею локоть правой, — правая отведена чуть в сторону, сигарета глядит в потолок. Долгие, глубокие затяжки, голова чуть откидывается, затем столь же долгие, неторопливые, элегантные выдохи с очищающим легкие коротким и резким выбросом дыма под самый конец. Прекрасная курильщица. Мать Ника тоже была в свое время прекрасной курильщицей. Он помнил ее сидящей у бассейна: лето в середине пятидесятых, длинные ноги, короткие шорты, заостренные на внешних краях солнечные очки, широкая соломенная шляпа, губная помада, оставляющая яркие, липкие мазки на окурках, которые он поворовывал и, кашляя, досасывал за гаражом.

От этих грез Ника пробудил визгливый стрекот сотового телефона Бобби Джея. Бобби с заученной невозмутимостью откинул крышку телефона, щелкнув ею, как пружинным ножом.

—Блисс. Да? — сказал Бобби. — Отменно. Он поднял взгляд на Ника и Полли:

— Почтовый служащий. Они его достали. Угу... угу... Миссури...

угу... угу... что?— Брови Бобби полезли вверх.— А Си-эн-эн как об этом пронюхала? При нем? ФБР... что ты сделал? Надеюсь, им ты ничего не сказал? Членство проверил?

Ник смотрел, как у Бобби обвисают щеки, и думал: «Вот оно, лицо в свободном падении».

—Постоянное? И он его оплатил? Ну так проверь, да поскорее, прежде чем что-то предпримешь. Нет, ни в Си-эн-эн, ни в ФБР больше не звони. И хрен с ними! Буду через три минуты.

Бобби защелкнул телефон. Ник и Полли смотрели на него, ожидая объяснений.

—Мне надо бежать,— сказал Бобби, бросая на стол двадцатку. Банкнота упала, как падает в лужицу талого льда осенний листок.

— А нам, значит, прикажешь узнавать, что случилось, от Си-эн-эн? Вид у Бобби был такой, словно его вот-вот прошибет холодный пот.

—Вздыхни поглубже,— посоветовал Ник.

—Сукин сын оказался членом нашего Общества, — сказал Бобби Джей. — И не простым, а пожизненным.

—А как Си-эн-эн об этом узнала?

—Он таскал с собой членский билет. У Си-эн-эн имеется снимок—билет валяется рядом с его бумажником. В луже крови.

—М-да, — сказал Ник, уже распроставшийся с завистью к невероятному везению Бобби. По крайности, жертвы табака мирно доживают свое в больничных палатах.

— За моей спиной «Общество»! — произнесла Полли, намекая на широко известный плакат «Общества по распространению», на котором мужественный, хоть немного и полинялый актер стоит посреди стрельбища с дорогим, украшенным гравировкой ружьем в руках.

— Полли! — одернул ее Ник. Сколько в ней все-таки цинизма, в Полли. Временами Нику хотелось ее отшлепать. Полли отмахнулась — «подумаешь!» Бобби Джей, забыв обо всем на свете, стоял, уставясь в середину стола. Полли провела перед его глазами ладошкой и сообщила Нику:

— По-моему, он сейчас брякнется в обморок.

—О господи, — тихо произнес Бобби,— видеоклип!

— Может, попробуешь его отозвать? — сказал Ник, но Бобби уже вылетал из дверей, на пути к долгим часам, которые ему предстояло провести за письменным столом, терзаясь и, это уж точно, зарабатывая

геморрой.

Глава 3

Пока Ник отсутствовал, позвонил режиссер шоу Опри Уинфри и спросил, не согласится ли Нои приехать в понедельник днем в Чикаго для участия в шоу. Призы ГВ полностью запретить рекламу табачных изделий наделал много шума, и Опра хотела посвятить ближайшее свое шоу курению. Ник немедленно перезвонил режиссеру и ответил согласием. Это была удача, и немалая. Миллионы и миллионы женщин — основных потребителей сигарет — смотрели Опру. Ник испытал соблазн звякнуть БР, однако решил разыграть эту карту по-умному, поставив небольшой эксперимент. Он позвонил Дженнет и, расспрашивая ее о какой-то ерунде, подпустил между делом: «А, чуть не забыл, в понедельник мне

выступать в шоу Опри, так будь добра, собери все, что у нас есть, по неэффективности рекламы».

Он запустил секундомер на своих ручных часах. БР перезвонил через четыре минуты: что там за история с Опррой? Ник пространно рассказал, как он в течение долгого времени «окучивал» одного продюсера и как это окучивание наконец окупилось.

— Я вот подумал, может, нам стоит Дженнет послать?— сказал БР. Ник стиснул зубы.

— Шоу будет сенсационное. Приглашены люди с самого верха. Мне дали ясно понять, что им нужен главный общественный представитель табачной индустрии. А не твоя кабинетная обжималка.

— Ладно,— раздраженно сказал БР и повесил трубку.

Позвонила мать — напомнить, что Ник с Джоем уже больше месяца не появлялись у них на воскресном ужине. Ник в свой черед напомнил ей, что при последнем визите отец прямо за столом обозвал его «проституткой».

— По-моему, это показывает, как сильно он тебя уважает — так сильно, что считает возможным говорить с тобой совершенно откровенно, — сказала мать. — Да, кстати, сегодня утром звонила Бетси Эджворт, сказала, что видела, как ты рассказывал по СиСПЭН про какого-то турецкого султана. Говорит: «Ник такой обаятельный! Как жаль, что он бросил журналистику. Сейчас у него уже было бы собственное шоу».

— Мне нужно идти, — сказал Ник.

— Приведи Джоя к ужину в воскресенье.

— Не могу. Воскресенье у меня тяжелое.

— Как это воскресенье может быть тяжелым?

— В понедельник я выступаю у Опри. Нужно подзубрить кое-что. Пауза.

— Ты выступаешь в шоу Опри Уинфри?

— Да.

— Ну ладно. Добудь у нее автограф для Сары. Сара любит Опру Уинфри,

— Сара была их служанкой, той самой, из-за которой Ник так и не научился справляться с собственной секретаршей.— Опра курит?

— Сомневаюсь.

— Тогда лучше возьми автограф перед шоу. А то вдруг все они на тебя разозлятся, как — помнишь? — вышло с Регисом и Кэти Ли. Ник опаздывал. Он сбежал в подземный гараж, продрался со всей агрессивностью, на какую был способен, сквозь пятничный поток машин и все равно подъехал к Св. Эвтаназию на добрых полчаса позже положенного. Одетый в форму колледжа Джой с несчастным видом сидел перед главным зданием на бордюрном камне. Ник, визжа покрывками, затормозил и выскочил из машины, будто участник операции, проводимой коман-дой СУОТ.

— Опоздал! — крикнул он, подтверждая очевидное. Джой смерил его испепеляющим взглядом.

— О, мистер Нейлор.

Только его не хватало. Григс, директор школы.

— Ваше преподобие, — произнес Ник, натужно изображая радость. Григе до сих пор не простил Нику, что тот, заполняя бланк прошения о приеме Джоя в школу, в графе «Занятие отца» написал «Вице-президент крупной деловой ассоциации производителей». Григе ведь не ведал, что Ник является старшим вице-президентом компании «Геноцид, Инк.», пока как-то ночью не увидел его в программе «Вечерней строкой»

сцепившимся с главой профсоюза авиационной obsługi по поводу воздействия табачного дыма на некурящих пассажиров. Но к тому времени Джоя уже приняли в самую престижную в Вашингтоне школу для мальчиков.

Григс скосился на часы, показывая, что получасовое опоздание Ника не ускользнуло от его внимания.

— Добрый день, — протягивая руку, сказал Ник. Он надеялся, что ему удастся отделаться шутливым враньем насчет пятничных пробок на дорогах округа Колумбия. — Рад вас видеть, — солгал он.

Его вовсе не привлекала роль объекта молчаливого презрения со стороны директора школы, в которой учились сыновья эмиров Персидского залива и членов Конгресса. За 11 742 доллара в год преподобный отец Джосайя Григс мог бы оставлять свое отношение к нему в церковном притворе.

— На улицах творится нечто ужасное, — сказал Ник.

— Да, — Григс кивнул так медленно и веско, точно Ник сию минуту предложил ему коренным образом переработать «Книгу общей молитвы».

— Пятница... разумеется.

— А мы в этот уик-энд на рыбалку собрались, — меняя тему, сказал Ник.

— Правда, Джой?

Джой не ответил.

— Я вот подумал, не смогли бы вы заглянуть ко мне на той неделе? — с важностью, приличествующей директору школы, осведомился Григс. Ник встревожился. Он оглянулся на Джоя, но по виду сына узнать что-либо о причине этого требования было невозможно.

— Разумеется, — сказал Ник. — Правда, в начале недели я, как правило, занят. Мелькнула мысль: интересно, смотрит Григс Опру? Наверняка нет.

— Тогда, может быть, в конце? В пятницу? Вы сумеете приехать за Джоем насколько... раньше? — на узком лице Григса обозначилась тонкая улыбка.

— Да, — сказал Ник.

— Превосходно, — посветлел Григс. — А что собираетесь ловить?

— Зубатку.

— О! — Григс кивнул. — Элли, наша эконожка, очень любит зубатку. Хотя мне она не нравится, внешне. Эти ее усищи. — И Григс, заложив за спину руки, удалился в свои покои. Усевшись за руль, Ник спросил:

— Что ты натворил?

— Ничего, — ответил Джой.

— Тогда зачем я ему нужен?

— Я не знаю, — обронил Джой. Двенадцатилетние мальчики не очень разговорчивы. Беседа с ними, как правило, сводится к игре в «двадцать вопросов».

«Замечательно, — подумал Ник, — придется идти на важную встречу вслепую».

— Предлагаю полную и безоговорочную амнистию. Что бы ты ни учинил, я на твоей стороне. Просто скажи мне: зачем Григс хочет меня видеть?

— Я же сказал — не знаю.

— Ладна. — Ник отъехал от бордюра. — Как прошла игра?

— Профукали.

— Ну, ты же помнишь, что сказал Йоги Берра. «Бейсбол на девяносто

процентов — половина сумасшедшего дома». Джой подумал.

—Получается сорок пять.

— Это шутка.— И Ник в несколько приемов вытянул из Джоя счет игры — 9:1.

— Самое главное, — Ник рискнул прибегнуть к утешительному тону, — это...

Да, и что же у нас самое главное? Ник закончил Воспитательную школу Винса Ломбарда, и отец его, сидя на трибуне, громогласно обвинял сына в трусости всякий раз, как Ник пропускал посланный по земле мяч. Вследствие чего Ник решил при воспитании собственного сына проявлять побольше терпимости.

— ...это чувствовать усталость в конце дня.

Аристотелю вряд ли удалось бы построить на этой посылке непротиворечивую философскую систему, но ничего, сойдет. Правда, Гитлер и Сталин тоже, наверное, чувствовали себя усталыми под конец дня. Однако то была неблагая усталость.

Аристотелю вряд ли удалось бы построить на этой посылке непротиворечивую философскую систему, но ничего, сойдет. Правда, Гитлер и Сталин тоже, наверное, чувствовали себя усталыми под конец дня. Однако то была неблагая усталость.

Джой не высказал никакого мнения относительно этой «грандиозной теории бытия», указав лишь на то, что отец проскочил «Блокбастер видео» и теперь им придется разворачиваться в плотном потоке машин. Они совершили привычный ритуал: Джой предлагал один неприемлемый фильм за другим — как правило те, на футлярах которых изображались полуголые блондинки с пестиком для колки льда либо раздувшиеся от стероидов европейские качки, подавшиеся в актеры и теперь сносившие людям головы цепной пилой. Ник отвечал фильмами пятидесятых с Дорис Дей и Кэри Грантом, на что Джой проводил пальцем по горлу, выказывая свое отношение к шедеврам эпохи Гранта — Дей. Компромисс достигался обычно на фильме, посвященном второй мировой. Насилие — да, но показанное, по нынешним меркам, со вкусом, без этих, введенных в оборот Пекинпа, кровавых ошметков, сверхзамедленно разлетающихся во все стороны от проделанного пулей отверстия. «О, вот этого ты не видел, — воодушевленно объявил Ник. — «Пески Иводзимы» с Джоном Уэй-ном. Классная вещь!» Никакого энтузиазма подвиги Дюка, Джона Агара и Форреста Тернера, пробивающихся к вершине горы Сирубачи, у Джоя не вызвали, однако он снизошел до них, поставив условие, что они в семнадцатый раз возьмут «Скотный двор».

Ник жил на Дюпон-серкл, в квартирке с одной спальней, окна ее глядели на улицу, на которой за этот год произошло всего восемь ограблений, и только два из них со смертельным исходом. Большая часть его ста пятидесяти тысяч уходила на обслуживание закладной за дом, расположенный в нескольких милях отсюда, на Коннектикут авеню, в тенистых окрестностях Кливленд-парка,— в нем жил Джой со своей матерью. Два раза в месяц Джой приезжал сюда, чтобы провести уик-энд с папочкой.

Отец с сыном сытно пообедали тройной пиццей с пеперони и домашним пирогом с мороженым. Домашний пирог с мороженым! И люди, набивая им животы, еще ухитряются волноваться насчет курения?

«Пески Иводзимы» оказались немного устаревшей, но хорошей, добротной картиной. И был в ней один момент... совершенно замечательный, когда

Уэйн, проводший своих солдат через ад к победе, восклицает: «В жизни не чувствовал себя так здорово! Как насчет сигареты?» И только он протягивает своим ребятам пачку, японский снайпер—бах! —и убивает его. Ник, сам того не замечая, вытащил сигарету и закурил.

—Па-ап, — протянул Джой.

Ник послушно вышел на балкон.

Глава 4

БР не предложил Нику кофе из своего кофейника, хотя разговор их начался ровно в половине седьмого утра в понедельник. Произнести «С добрым утром» он также не удосужился, только: «Я всерьез надеюсь, Ник, что ты до чего-то додумался. От этого многое зависит». — С добрым утром, — тем не менее сказал Ник.

—Я слушаю.— БР подписывал или притворялся, что подписывает, какие-то бумаги.

—Нельзя ли мне кофе?

—Я слушаю, — сказал БР.

Что ж, обойдемся без кофе. Ник сел, сделал глубокий вдох.

—Кино.

— У меня нет времени на сократические диалоги. Переходи к сути.

— Это и есть суть.

БР неторопливо поднял на него взгляд.

— То есть?

—Я думаю, что ответ на нашу задачку способен дать кино.

— Каким образом?

— Тебе нужны обоснования? Могу составить памятную записку.

— Просто расскажи.

—В 1910 году, — начал Ник,— США производили десять миллионов сигарет в год. К 30-му мы производили в год уже по сто двадцать три миллиарда. Что произошло между этими датами? Три события. Первая мировая война, помешательство на диетах и пение звукового кино.

БР слушал.

— Что касается войны, то солдатам неудобно было таскать с собой на поле боя 5ки и сигары, поэтому им выдавали сигареты. И привились они так быстро, что в 17-м генерал Першинг отправил в Вашингтон каблогранму, в которой говорилось: "Табак является незаменимой частью повседневного рациона. Нам нужны тысячи тонн табака, и немедленно».

Ник не стал упоминать о том, что в 1919-м, сразу после войны, появились и первые жертвы практически неслыханного до той поры заболевания, именуемого раком легких. В Сент—Луисе декан медицинского факультета созвал студентов на производившееся им вскрытие бывшего пехотинца, сказав, что они вряд ли когда-нибудь увидят другой такой случай.

—Итак, мужчины перешли на сигареты. В 25-м Лигет и Майерс начали печатать рекламу «Честерфилда», на которой женщина говорит прикуривающему мужчине: «Выдыхай в мою сторону». Так было нарушено табу, разделявшее курящих и некурящих по половому признаку. Однако прошло несколько лет, прежде чем мы действительно объяснили женщинам, почему им стоит курить. Джордж Вашингтон Хилл, только что

унаследовавший от отца «Американскую табачную компанию», ехал в машине по Нью-Йорку. Остановившись на светофоре, он заметил на углу толстуху, уминавшую шоколадку, Потом рядом с ним встало такси с элегантной дамой на заднем сиденье — и что она делала? Курила сигарету, быть может как раз «Честерфилд» Лиггета и Майерса. Добравшись до своего офиса, Хилл распорядился о начале рекламной кампании под лозунгом Лаки» вместо шоколадки». И на женщин снизошло озарение. С тех пор они дымят себе и дымят. Как ты знаешь, они вот-вот обратятся в основных потребителей нашей продукции. К середине девяностых женщин среди курильщиков станет, впервые в истории, большие, чем мужчин.

БР поерзал в кресле.

— Что еще появилось тогда же? Звуковое кино — 27-й год, Эл Джолсон. Что в нем такого важного? Да то, что перед режиссерами возникла проблема. Нужно было чем-то занять актеров, пока те разговаривают. И режиссеры вложили им в руки сигареты, Зрители смотрели, как закуривают их иконы — Кэри Грант, Кэроль Ломбард. Та же Бетт Дэвис — паровозная труба, да и только! А сцена в конце «Сейчас, путешественник», когда Пол Хенрейд закуривает для нее и для себя по сигаретке, держа обе во рту? Открытие целой области сигаретной эротики. А Богарт? Богарт! Ты помнишь первые слова, с которыми обращается к нему Лорен Баколл в «Иметь и не иметь», их первой совместной картине?

БР молча смотрел на него.

— Она, пританцовывая, входит в дверь, девятнадцатилетняя, секс в чистом виде, а голос! И говорит: «Найдется у кого-нибудь спичка?» Богги бросает ей коробок. И она его ловит. Величайший романтический фильм двадцатого века — а с чего он начинается? Со спички. Знаешь, сколько раз они в этом фильме закуривают? Двадцать один. Две пачки сигарет извели.

— А теперь она яростная сторонница никотиновых пластырей, — сказал БР. — К чему ты клонишь?

— Ты ходишь в кино, БР?

— У меня нет времени на кино.

— Ну еще бы, с твоим-то графиком. А клоню я к тому, что теперь, если в фильме кто и курит, так это психопат-полицейский, обуянный жадой смерти, да и тот под конец бросает, потому что усыновленный им шестилетний сирота объясняет новому папочке, какая это вредная привычка. Время от времени можно увидеть с сигаретой и классных, сексуальных ребят, как в том сериале, в «Твин Пикс», но это редкость. Тенденция далеко не господствующая. И непременно в фильме для, — Ник пальцами начертил в воздухе кавычки, — «эстетов». Девять курильщиков из десяти — люди с отклонениями, неудачники, чокнутые, заключенные и плохо постриженные извращенцы. То есть Голливуд втолковывает нам, что курение равносильно распущенности. А ведь люди заимствуют свои ролевые модели именно из фильмов. Так что...

— Так что?

— Не предпринять ли нам что-нибудь в этом направлении?

— Например? — спросил БР.

— Заставить режиссеров вернуть сигареты в руки актеров. Сколько мы тратим в год на рекламу — два с половиной миллиарда? На эти деньги можно весь Голливуд кормить бесплатными завтраками. БР откинулся в

кресле и скептически обозрел Ника. Потом вздохнул. Протяжно и томно.

— Это все, Ник?

— Да, — сказал Ник. — Это все.

— Скажу тебе честно. Ты меня не поразил. Я надеялся, тебе удастся сбить меня с ног, ради твоего же блага. Но, — БР снова нарочито вздохнул, — я, как видишь, стою на своих двоих.

Вообще-то, он сидел. Зато Ник чувствовал себя поверженным в прах.

Жаль. Он считал, что в идее насчет Голливуда таятся неплохие возможности.

БР сказал:

— Мне кажется, нам стоит еще раз подумать, то ли место ты у нас занимаешь. Стало быть, вот она, рука, пишущая на стене большими, мерцающими неоновыми буквами: «Ты уже в прошлом, дружок».

— Понятно, — сказал Ник. — Прикажешь очистить кабинет к обеденному перерыву, или у меня есть время до пяти?

— Нет-нет, — сказал БР. — На сегодня оставим все как есть. Тебе еще нужно будет ввести Дженнет в курс дела. Так что давай двигайся, ты ведь нынче у Опры выступаешь. «Не поблагодарить ли БР за такое его великодушие?» — подумал Ник.

— Да, — сказал БР, — если представится случай, объяви, что мы решили потратить пятьсот тысяч на кампанию против курения подростков.

— Пятьсот... тысяч?

— Я думал, тебе это понравится, — злорадно ощерился БР. — Это ведь твоя идея. Думаешь, в Уинстон-Сейлеме она вызвала такой уж восторг? Капитан вообще отозвался о ней как об «экономическом самоубийстве», но я сказал ему что, по твоему мнению, нам следует немного потратиться, чтобы люди поняли, как мы заботимся о здоровье детей.

— Пятьсот тысяч ни на кого впечатления не произведут. Что ты на них купишь — пару плакатов для подземки?

— Главное, чтобы идея была хороша, — БР улыбнулся. — Поторопись, на самолет опоздаешь.

По пути в аэропорт Ник думал о том, не стоит ли ему застраховаться перед полетом на случай, если БР уже лишил его всех пособий.

Глава 5

Времени Нику только и хватило что на быструю пробежку вдоль озера Мичиган. Если ты — посланник смерти, тебе следует выглядеть как можно более цветущим. Одним из первых попавших под увольнение сотрудников Академии был Том Бейли. Бедный Том. Приятный был малый, даже не курил и все шло хорошо, пока в один прекрасный день он не похвастался на этот счет журналистке, а та вставила его похвальбу в заголовок. Джи-Джи вызвал Тома на ковер, вручил ему пачку сигарет и объявил, что с сегодняшнего дня он курит. И Том начал курить. Вот только не стоило ему бросать при этом занятия в гимнастическом зале. Пару месяцев спустя Джи-Джи увидел его по Си-СПЭН шмыгающего носом, бледного, одрябшего, — и это стало для Тома началом конца. Так что Ник старался поддерживать форму: пробежки, штанга и время от времени салон искусственного загара, где он лежал внутри машины, похожей на агрегат для поджаривания великанских тостов с сыром.

— А ты хорошомотришься, — сказала ему перед началом шоу веселая,

разговорчивая Опра. — На телохранителя похож.

— Да уж куда мне до тебя, — Ник с удовольствием обнаружил, что Опра вновь на-брала кое-какие из сброшенных ею семидесяти пяти фунтов.

Пока в мире существуют женщины с избыточным весом, существует и надежда для табачной промышленности.

— Мы пытались пригласить Главного врача, но она заявила, что не станет разговаривать с торговцем смертью, — Опра хохотнула. — Это она тебя так назвала. Торговец смертью.

— Такова жизнь, — улыбнулся Ник.

— При ее произношении я не понимаю и половины того, что она говорит,

— Опра взглянула Нику прямо в глаза. — А скажи, почему ты этим занимаешься? Молодой, симпатичный, белый. Слушай, а ты... где-то я тебя видела.

— Я часто появляюсь на кабельном.

— Так почему же ты этим занимаешься?

— Испытание сил, — сказал Ник. — Самая трудная работа, какую мне удалось найти.

Похоже, на это она не купилась. Лучше иметь ее на своей стороне, хотя бы до начала шоу.

— Тебе это действительно интересно?

— Да.

Ник прошептал:

— Я пытаюсь сдержать демографический взрыв.

Опра состроила гримаску.

— Какой ты испорченный Ты бы сказал это во время шоу, — и она оставила его на попечение гримерши.

Ник изучил список участников шоу, и это не прибавило ему бодрости. С пятницы в списке произошли кое-какие изменения.

В нем значились: глава «Матереи против курения» — роскошно, — «специалист по рекламе» из Нью-Йорка руководитель Национальной ассоциации учителей, один из заместителей Крейгхеда в Отделе по предотвращению злоупотреблений дурмящими веществами. Нику уже надоело препираться с заместителями. Интересно, какое такое важное дело нашлось нынче у Крейгхеда—более важное, чем попытка оскальпировать главного общественного представителя табачной индустрии? Раздача денег налогоплательщиков своим лизоблюдам, которым так не терпится облагодетельствовать человечество? Сидевшие в креслах гримерной участников шоу почти не разговаривали друг с другом.

Скоро их отвели в студию чтобы настроить микрофоны. В соседнем с Никовым кресле обнаружился гость не вполне понятный — совершенно лысый подросток. Это еще кто такой?

— Привет, — сказал Ник.

— Привет, — вполне дружелюбно ответил подросток.

Так, интересно было бы узнать, для чего приглашен именно на это шоу лысый подросток — не просто лысый, безбровый? Звукооператор в здоровенных наушниках громко крикнул: «Одна минута!» Ник поманил к себе режиссера, и тот, подбежав, сообщил ему, что в уборную он уже не поспеет. Новичков нередко поражает в последнюю минуту нервное расстройство мочевого пузыря, и в итоге им приходится отсиживать целый час в мокрых подштанниках.

— Я э-э... — сказал Ник. — Я в порядке. И прошептал:

—Кто этот мальчишка?

— Робин Уиллиджер, — прошептал в ответ режиссер.

—Что он здесь делает?

— У него рак.

— Скажите Опре, что мне нужно поговорить с ней. Сию же минуту.

— Слишком поздно.

Нащупав зажим нагрудного микрофона, Ник отцепил его от своего галстука, оранжевого, с жирафами.

— Тогда ей придется обойтись без меня.

Режиссера смело. Подошла, торопливо перебирая ножками, Опра, симпатичный бюст ее подпрыгивал под синим шелком.

—В чем дело?

—Я не люблю сюрпризов, — сказал Ник.

— Его поставили на замену в последний момент...

— На замену кого? Анны Франк? Ладно, пусть заодно и меня заменит.

— Ник, — прошипела Опра, — ты же знаешь, без тебя шоу не состоится.

—Знаю.

— Пятнадцать секунд, — крикнул звукооператор.

— Что мне, по-твоему, делать? Дать ему пинка под зад?

— Это твоя проблема.

Ничего она делать не стала. Инстинкт говорил Нику, что пора уносить ноги. И побыстрее! Но перед ним стояла Опра, черная женщина, приказавшая ему сидеть, где сидит, и закончить наконец ужин, и Ник не мог сдвинуться с места.

Она покрутила в воздухе беспроводным ручным микрофоном и, поворачась к камере с вспыхнувшей красной лампочкой, просияла всеми своими жемчужными зубками.

Вставай! Улепетывай!

Поздно. Мы в эфире. Может быть, удастся улизнуть как-нибудь неприметно?

Заголовок: «Сигаретный рекламщик удирает от больного раком ребенка».

А в довершение унижения он зацепит ногой электрический кабель и завалит софит И грохнется, ослепленный, на пол студии, а аудитория будет гоготать. Вся Америка покатится со смеху, все домашние хозяйки станут, улюлюкая, тыкать в него пальцами. Только БР смеяться не будет.

И Раковый Ребенок тоже. Нет, он не засмеется, на устах его заиграет лишь тончайшая улыбка торжества, смешанного с печалью, порожденной его глубоко личной трагедией. Ник чувствовал, как у корней волос выступают горячие капельки пота, шарики расплавленной лавы, которым ничто не мешает скатиться к бровям по гладкому, загорелому лбу. И разве не прекрасно смотрится на телеэкране человек, вытирающий потный лоб, сидя рядом с умирающим школьником, удостоенным национальной стипендии за заслуги — он наверняка ее получил, еще бы, и наверняка он председатель школьного совета и дискуссионного общества, а в свободное время, когда у него нет занятий с детишками из трущоб, он руководит благотворительной столовой. Единственный его недостаток состоит в том, что он как-то выкурил одну сигарету—да-да, только одну, не больше, всего одну, разве это не доказывает, что никотин смертельно опасен в любых, даже самых крохотных дозах?— так ведь и ту мальчику навязали, одолев лучшие стороны его натуры, табачные компании, эти... долбанные... верблюды с фаллическими

носами, играющие на саксофонах,— вот этот самый Ник Нейлор, старший вице-президент Академии табачных исследований, торговец смертью. А он и шелохнуться не может. Опра приклеила его к креслу. Обвела его вокруг пальца, злоехидная сучка!

В такие мгновения — ему уже случалось подходить к краю пропасти, правда, не так близко, как сейчас, — Ник воображал себя пилотом авиалайнера. Пилоты ведь всегда сохраняют спокойствие, даже когда все восемь двигателей горят, шасси заело и арабского обличил пассажир, место 17Б, уже выдернул чеку из гранаты.

Ник набрал полную грудь воздуха и выпустил его — медленно, медленно, медленно. Вот так. Дыхательное упражнение. Курсы по методике Ламаза. Но сердце все равно продолжало ухать и бухать в груди. Интересно, микрофон это буханье улавливает? Как мило, если гулкий стук его сердца транслируется сейчас во все гостинные страны!

Может, стоит как-то выказать Раковому Ребенку сочувствие? Нужна начальная фраза. Ага, вот: «Ну, так сколько ты еще протянешь, паренек?» Опра уже произносила вступительный текст:.

—В прошлом году фирма «Ар-Джей-Ар Набиско», производящая сигареты «Кэмел», развернула новую рекламную кампанию стоимостью в семьдесят пять миллионов долларов. Звездой ее стал Старина Джо, верблюд. Но это не обычное жвачное четвероногое, — на экране замелькали изображения Старины Джо: играющего на саксофоне, играющего на контрабасе, слоняющегося по пляжу, разглядывающего девушек, невозмутимого, с погасшей сигаретой, свисающей с его губы (или с крайней плоти — зависит от того, насколько у вас развито фаллическое воображение).— Он стал очень популярным, особенно среди детей. Согласно недавнему опросу, около девяноста процентов Шестилетних детей—шестилетних!— не только знакомы со Стариной Джо, но и знают, за что он ратует. Этот верблюд приобрел популярность не меньшую, чем Микки Маус.

До того как Старина Джо начал появляться на рекламных щитах и страницах множества журналов, доля «Кэмела» в противозаконной продаже сигарет детям составляла меньше одного процента. Сейчас это... тридцать два процента — тридцать два и восемь десятых, если назвать точную цифру. Что равноценно годовой прибыли в четыреста семьдесят шесть миллионов.

Главный врач Соединенных Штатов призвала «Ар-Джей-Ар» свернуть эту рекламную кампанию. Даже «Век рекламы», ведущий журнал рекламной индустрии, выступил против пропаганды Старины Джо. Однако кампания продолжается.

Затем, в прошлую пятницу, главный врач призвала к полному запрету рекламы сигарет. В журналах, на рекламных щитах — повсюду. Затея весьма спорная. Слишком большие деньги стоят на кону.

Я хочу представить вам Сью Маклин, возглавляющую Национальную организацию «Матери против курения». Сью приступила к созданию НОМПК после того, как ее дочь заснула с сигаретой в постели и сожгла дотла общежитие своего колледжа. По счастью, никто не пострадал. Сью сказала мне, что после этого дочь курить бросила.

Смех в студии. Одобрительный.

— Дочь Сью уже сама стала матерью и очень активной сотрудницей НОМПК.

Аудитория радостно воркует.

Ник, ощущая, как перегреваются его межнейронные контакты, пытался соорудить на лице подходящее к случаю выражение, нечто среднее между тем, с каким стоишь на остановке, поджидая сильно запоздавший автобус, и тем, которое возникает, когда тебя головой вниз опускают в резервуар, кишасший электрическими угрями.

— Фрэнсис Дживерсон, исполнительный директор Национальной ассоциации учителей в Вашингтоне. Она отвечает за посвященные проблемам здоровья публикации НАУ, из которых преподаватели узнают, как лучше внушать своим ученикам мысль о вреде курения.

Рон Гуди, заместитель директора Отдела по предотвращению злоупотреблений дурманящими веществами Министерства здравоохранения и социальных служб, Вашингтон, округ Колумбия. ОПЗДВ является командным центром войны против сигарет, ведущейся в масштабе всей страны, то есть выходит, что вы, Рон, кто — полковник?

— Простой пехотинец, Опра.

«Где это он набрался такой скромности?» — подивился Ник. Гуди был одним из самых напыщенных и самодовольных засранцев во всем федеральном правительстве.

Опра улыбнулась. По публике, сидящей в студии, прокатился невнятный, но теплый шепоток. Знаете, какая у него власть? А посмотрите, какой он скромный!

Опра повернулась к Раковому Ребенку

— Робин Уиллиджер, старшеклассник из города Расин, штат Висконсин.

Он увлекается историей и состоит в школьной команде пловцов. Душа Ника мгновенно воспряла. Возможно, ему все приснилось. Возможно, у мальчика нет никакого рака. Разве пловцы не бреют головы для повышения скорости? А у которых не все дома, те сбивают и брови.

— Он намеревался продолжить образование в университете. Но тут случилось несчастье. Недавно у Робина обнаружили рак, причем рак, плохо поддающийся лечению. Сейчас он проходит курс химиотерапии. Мы желаем ему удачи—всей, какая только есть на свете.

Аудитория взрывается аплодисментами. Ник несмело присоединяется к ним.

— Причина, по которой мы пригласили его на наше шоу, состоит в том, что Робин, когда ему было пятнадцать, начал курить сигареты «Кэмел». Начал потому, что, по его словам, ему хотелось быть, я цитирую, клевым, как Старина Джо. Он также сказал мне, что, узнав о своей болезни, курить бросил. И больше не считает, что курение, я снова цитирую, — это клево.

—Громовые аплодисменты.

Все, что требовалось сейчас Нику, это ампула с цианистым калием. Но Опра уже повернулась к нему:

— Ник Нейлор, вице-президент Академии табачных исследований. Услышав такое название, можно подумать, будто речь идет о каком-то научном институте. На самом деле это главное лобби табачной индустрии в Вашингтоне, а мистер Нейлор — его, так сказать, общественное лицо. Спасибо, что пришли к нам, мистер Нейлор.

—Всегда рад,— прокаркал Ник, хоть чувства, им испытываемые, и рядом с радостью не лежали. Аудитория с ненавистью ела его глазами. Вот, стало быть, что ощущали нацисты в день открытия Нюрнбергского процесса. Только Ник не может прибегнуть к избранной ими линии защиты. Не может с серьезным видом заявить, что фюрер ни в какую

Польшу отродясь не вторгался. «Где фаши данные?»

— Кто хочет начать? — спросила Опра.

Ник поднял руку. Опра и прочив участники шоу недоуменно воззрились на него.

— Никто не будет возражать, — спросил он, — если я закурю? Аудитория ахнула. Опешила даже Опра.

— Вы хотите закурить ?

— А разве не существует традиции, по которой командир расстрельной команды предлагает приговоренному последнюю сигарету?

На несколько секунд в студии повисло ошеломленное молчание, потом кто-то из публики засмеялся. К нему присоединились еще несколько человек. Скоро хохотали уже все.

— Простите, но, по-моему, это не смешно, — сказала миссис Маклин.

—И по-моему тоже, — подхватила дама из Национальной ассоциации учителей. — По-моему, это шутка в чрезвычайно дурном вкусе.

— Вынужден с вами согласиться, — сказал Гуди.—Я не вижу тут ничего веселого. полагаю, мистер Уиллиджер тоже не видит.

Но Раковый Ребенок смеялся. Благослови его Боже, он смеялся! Ника захлестнула волна теплых чувств. Ему захотелось усыновить этого мальчика, забрать его в Вашингтон, вылечить от рака, найти ему высокооплачиваемую работу, подарить машину — роскошную машину, — построить дом с бассейном, таким большим, чтобы он смог продолжить занятия плаванием. А еще Ник купил бы ему парик и устроил трансплантацию бровей. Какая все-таки гадость, этот рак! Может быть, облучение...

Забудь про мальчишку! Он уже в прошлом! В атаку! В атаку!

—Почему бы вам не оставить его в покое, — Ник резко развернулся к Гуди, — и не указывать, что он обязан чувствовать?

Теперь к Опре.

— С вашего разрешения, Опра, это типичная позиция федерального правительства. «Мы знаем, что вы должны чувствовать». Именно она подарила нам «сухой закон», Вьетнам и пятьдесят лет жизни на грани ядерного уничтожения.

Ну и дальше что? И при чем тут ядерное устрашение? Не важно! В атаку!

— Если мистеру Гуди угодно набирать дешевые очки, используя страдания этого молодого человека для увеличения своего бюджета, что позволит ему указывать еще большему числу людей, как им следует поступать и что чувствовать, то, должен вам сказать, мне это представляется печальным, очень и очень печальным. Но вот то, что член федерального правительства явился на это шоу и читает нам лекции насчет рака, между тем как то же самое правительство почти пятьдесят лет производит атомные бомбы, два-двадцать пять тысяч бомб, если быть точным, мистер Статистик, бомб, способных наградить каждое живое существо на планете, мужчин, женщин, детей, раком настолько страшным, настолько кошмарным, настолько... настолько неизлечимым, что медицина даже на звание для него еще не придумала... вот это...

— быстро к сути! А в чем суть? — это не заслуживает даже презрения. И честно говоря, Опра, мне хотелось бы узнать, каким образом человек вроде... вот этого получает в федеральной бюрократии пост, дающий ему такую власть. Впрочем, я и сам это знаю — ему не приходится избираться на свой пост. Нет-нет. На него демократия не

распространяется. Он выше ее. Выборы? Согласие управляемых? Пфа! Тех самых людей, которые платят ему жалованье? Обойдутся. Это не для Рона Гуди. Все, что ему требуется, так это наживаться на людях, подобных бедному Робину Уиллиджеру. Ну, так позвольте мне кое-что сообщить и вам, Опра, и тем достойным, сознательным людям, которые нас сегодня смотрят. Это не очень приятно, но и вам и им стоит это услышать. Роны Гуди нашего мира хотят, чтобы Робины Уиллиджеры умирали. Ужасно, но правда. Мне очень жаль, но таков факт. И знаете почему? Я вам скажу. Потому что от этого растут их, — и Ник выплюнул тошнотворное слово, — бюджеты. Это не что иное, как торговля человеческим горем, и вам, сэр, следовало бы стыдиться смотреть людям в глаза.

От этого удара Рон Гуди так и не оправился. В течение следующего часа он только и мог, что визжать в сторону Ника, нарушая все маклахановские наставления насчет бессмысленности попыток раззадорить слушателя, который полностью к тебе равнодушен. Даже Опре с трудом удавалось его успокаивать.

Ник же, соорудив на лице выражение безмятежной правоты, только кивал или качал головой, более в грусти, чем в гневе, как бы говоря, что эти вспышки лишь подтверждают все им сказанное. «Все это хорошо и прекрасно, Рон, но вы не ответили на мой вопрос», или «Ну бросьте, Рон, зачем притворяться, будто вы меня не слышите?», или «А как насчет людей, облученных при ядерных испытаниях в штате Нью-Мексико? Об их раковых заболеваниях вы поговорить не хотите?»

Во время одной из рекламных пауз звукооператору пришлось держать Рона Гуди за руки.

Глава НОМПК и представительница учительской ассоциации пытались, сколько могли, помочь своему правительственному благодетелю, но всякий раз, как они отваживались вставить хоть слово, Ник обрывал их фразой: «Послушайте, мы же с вами на одной стороне», поражавшей их настолько, что они теряли дар речи. Когда они наконец осмелились оспорить ее, заявив, что не видят ни единого квадратного дюйма той почвы, на которой могут бок о бок утвердиться человеколюбие и злодейские ухищрения табачников, Ник понял, что получил шанс, за который можно зацепиться. Никто, сказал он, не озабочен проблемой курения подростков в большей мере, нежели табачные компании. Дело, разумеется, не в том, что существуют хотя бы ничтожные научные доказательства связи между курением и болезнями, просто эти компании, сознавая свою ответственность перед обществом, никак не могут мириться с распространением курения среди подростков — а равно и с вождением автомобиля в пьяном виде, — и по одной простой причине: и то и другое противозаконно. Лучшего момента для объявления нового крестового похода против курения подростков и придумать было нельзя.

— Собственно говоря, мы со дня на день приступим к осуществлению новой, стоящей пять миллионов долларов программы, задача которой — отвратить детей от курения, — сказал Ник. — То есть можете считать, что наши деньги мы на стол выложили.

Еще получая в студийной артистической свой кейс, Ник услышал, как в нем настырно свиристит сотовый телефон, но решил не обращать внимания. Он продолжал игнорировать телефон и по дороге в аэропорт. В конце концов водитель наполовину удивленно, наполовину сердито спросил, не собирается ли Ник все-таки ответить на звонок. Но Ник, не без удовлетворения сознавая, что звонит ему раздражаемый невыносимыми чувствами БР, не спешил брать трубку. Он сделал это лишь в зале ожидания аэропорта «О'Хэйр» да и то скорее потому, что на него стали поглядывать окружающие, чем из потребности услышать горестные излияния БР.

—Пять миллионов долларов? — разумеется, это был БР. По прикидкам Ника давление у него должно было доехать до 180 на 120.—Ты спятил? — Все может быть. Последние несколько дней выдались тяжелыми. Но сейчас мне значительно лучше.

— Откуда, во имя Божие, мы возьмем пять миллионов на кампанию, направленную против курения?

— Если вдуматься, это не так уж и много. «Ар-Джей-Ар» тратит семьдесят пять миллионов в год на своих идиотских верблюдов с херовыми носами. А мы к тому же еще и хорошую прессу получим. БР пенился, грозил судебным преследованием, публикацией статей, в которых будет сказано, что у Ника произошел нервный срыв, и так далее. И все никак не мог остановиться. Слушать его было одно удовольствие. Потом Ник услышал, как БР сказал в сторону: «Кто? О господи». И следом Нику: «Капитан на второй линии».

—Кланяйся ему от меня.

—Не отключайся.

Ник не стал отключаться — не потому, что его попросил БР, а из желания узнать, как отреагировал могущественнейший из боссов табачной индустрии на новость о том, что много о себе возмнивший исполнительный вице-президент только что вынудил эту индустрию потратить более чем приличные деньги на отпугивание потенциальных потребителей.

Он прождал минут десять. Объявили его рейс, но на летное поле Ника с включенным сотовым телефоном не пустили. Наконец БР вновь подсоединился к линии Ника. Голос его изменился, теперь это был не рев, а шипение ледяной воды, процеживаемой сквозь стиснутые зубы.

—Он хочет тебя видеть.

—Меня? — спросил Ник. — Зачем?

—Откуда мне, черт возьми, знать? — ответил БР и швырнул трубку.

Прямых рейсов из Чикаго в Уинстон-Сейлем не существовало, пришлось лететь в Роли. В самолете рядом с Ником сидела женщина лет за пятьдесят, грузная, с волосами такого цвета, какого не сыщешь в природе, и не отрываясь смотрела, как он механически читает завалявшуюся в прихваченной с собой папке с вырезками статью из «Сайенса», озаглавленную «Научные стандарты в эпидемиологических исследованиях факторов, составляющих угрозу повседневной жизни».

— А я вас знаю, — наконец сказала она обвиняющим тоном, будто это Ник был повинен в том, что ей никак не удастся вспомнить, кто он такой.

— Правда?

— Ага. Вы по телевизору выступали.

Ник слышал скрип сиденья за своей спиной. «Да неужели? Так среди нас знаменитость?» — «Кто это?» — «Я его где-то видел». — «Это этот, как его, из «Самых смешных видеофильмов Америки». — «С чего бы его в Роли-то понесло? И вообще, он бы первым классом летел». — «А я тебе говорю...»

Ник вечно влипал в такие истории.

— Вы правы, — негромко сказал он женщине.

— Я так и знала! — она шлепнула себя по колену свернутым в трубку журналом. — Шоу «Мужики»!

— Совершенно верно.

— Ну! Вы, наверное, здорово огорчились, когда она сказала, что вы целуетесь, как рыба.

— Еще бы, — сказал Ник. — Разве приятно такое услышать?

Проникшись жалостью к Нику, женщина поделилась с ним собственными сердечными горестями, в частности связанными со вторым ее браком, который, похоже, разваливался. Ник всегда с трудом выпутывался из таких положений. После часа сочувственного внимания ее рассказу шейные мышцы Ника завязались от напряжения в стальные узлы. Придется по возвращении заглянуть к доктору Вигу. Он поймал себя на мысли о том, что вот бы сейчас сюда террориста. На его счастье, пилот объявил, что они входят в «обширный грозовой фронт», и в салоне поднялась суматоха, заставившая женщину забыть о душевных ранах и впитаться ногтями в левую руку Ника, оставив на ней глубокие метки. Когда он добрался до отеля, день, оказавшийся необычайно длинным, подходил к концу, и сил Ника хватило только на то, чтобы выдуть две банки пива да слопать долларов на четыреста орешков и крендельков, найденных им в холодильнике своего номера.

Утром ему принесли завтрак и местную газету, «Уинстон-Сейлем тар-интеллидженсер». Развернув ее, он с удивлением обнаружил в самом верху первой полосы свою фотографию, цветную. Заголовок гласил:

ОТВЕТНЫЙ УДАР: Представитель табачных компаний
отчитывает чиновника от здравоохранения
за манипулирование человеческой трагедией

Статья расхваливала его за «отвагу» и «готовность встать на борьбу с ханжеством». Корреспонденту удалось даже заручиться благосклонным замечанием Робина Уиллид-жера, в котором тот снял с Ника какую бы то ни было вину за его, Робина, заболевание, добавив, что людям самим следует более ответственно относиться к своей жизни.

Зазвонил телефон, деловитый женский голос произнес:

— Мистер Нейлор? Поговорите, пожалуйста, с мистером Доуком Бойкином. Капитан. Ник сел в кровати. Но откуда они узнали, где он остановился? В Уинстон-Сейлеме отелей немало. Он ждал. Наконец из трубки послышался высокий голос:

— Мистер Нейлор?

— Да, сэр, — неуверенно сказал Ник.

— Э-э, я просто хотел лично поблагодарить вас.

— Воткак?

— Я думал, этого деятеля из министерства прямо на национальном телевидении хватит инфаркт. Великолепно проделано, сэр, великолепно. Вы ведь, насколько я понимаю, в городе?

Вот он, признак истинной власти,— человек даже не знает, куда звонит.

— Вы еще не завтракали? Не хотите ко мне присоединиться? В Клубе сносно готовят. В полдень вам удобно? Превосходно. — Капитан произнес это таким тоном, словно Ник, которого он в любую минуту мог слопать и не подавиться, только что наделил смыслом всю его дальнейшую жизнь. Они проиграли войну за рабовладение, эти южане, и все же какие они учтивые!

Покидая отель, Ник купил в вестибюле номер «Ю-Эс-Эй тудей». Нужная статья отыскалась в разделе «Финансы», тоже на первой полосе и тоже сверху:

ТАБАЧНЫЕ КОМПАНИИ ПЛАНИРУЮТ ПОТРАТИТЬ 5 МИЛЛИОНОВ НА КАМПАНИЮ ПРОТИВ КУРЕНИЯ, —
говорит их главный представитель

Ник начал читать. БР вертелo в классическом водовороте «ничего не отрицаю, ничего не утверждаю». Необходимо еще проработать множество деталей, однако да, Академию всегда «в первую очередь» заботили курящие подростки, так что она готова израсходовать «значительные суммы» на широкую общественную кампанию. Как же, как же.

Цитировалась и Дженнет, сообщившая, что мистер Нейлор, столь прекрасно вы ступивший на шоу Опры Уинфри, покамест недостижим: «Мы не знаем точно, где он находится в настоящее время». Создавалось впечатление, что он пьет горькую в каком-нибудь кабаке.

Подъезжая к Табачному клубу, Ник припоминал то небольшое, что знал о Доукв, Бойкине. Доук — уверяли, будто он заменил этим именем более плебейское Доки — Бойкий был одним из последних великих людей в табачном деле, своего рода легендой. Самостоятельно пробившийся с самого низу, он начал с ничего и добился всего. Кроме сына. У него было семь дочерей: Энди, Томми, Бобби, Крис, Донни, Скотта и Дейв—на последнюю бремя неосуществившейся отцовской мечты о сыне легло особенно тяжело. Именно Доук Бойкин, после того как в «Ридерс дайджест» появились первые статьи с заголовками наподобие «Рак в картонной упаковке», додумался до сигаретных фильтров и сам воплотил эту идею в жизнь. (В частности, ему принадлежала блестящая мысль об асбестовых фильтрах, благодаря которой юристы «Смута и Хокинга» проводили ныне в судах тысячи хорошо оплачиваемых часов, отбиваясь от исков по возмещению ущерба, причиненного здоровью.) Когда число статей этого рода стало неуклонно возрастать и индустрия уяснила, что ей необходимо постоянное представительство в Вашингтоне, он же основал Академию табачных исследований, дабы та, как говорилось в ее уставе, служила «центром анализа и синтеза научной информации, беспристрастным и неизменно честным посредником между табачными компаниями и надеждами и чаяниями народа Америки».

В последнее время большую озабоченность вызывало здоровье Капитана. Слухи ходили самые разные. При посещении «Роши богемы», что в Калифорнии, у него стало плохо с сердцем. Его отвезли в ближайшую больницу в Санта-Розу, а там сразу поместили в хирургическое отделение. Молодой ординатор-кардиолог, узнав, кто его пациент, сказал, везя туго соображавшего Капитана в операционную, что доктора прозвали ее Страной Мальборо, потому что именно в ней обычно

оперируют больных раком легких. Капитан, решив, что попал в лапы убийцы, отчаянно пытался привлечь чье-нибудь еще внимание, однако капельница с валиумом уже лишила его способности к связному выражению мыслей, и ему оставалось лишь беспомощно и немо дергаться, пока его ввозили в блистающую сталью пустыню Страны Мальборо. Настроение его далеко не улучшилось, когда он, очнувшись после операции, узнал, что вместо предполагаемых двух шунтов пришлось наложить четыре, а обычный в таких случаях износ митрального клапана потребовал замены его свиным. Рассказывали, что больницу Капитан покинул насмерть перепуганным и тут же распорядился, чтобы в случае каких-либо новых осложнений со здоровьем его немедленно доставили вертолетом в Уинстон-Сейлем, в построенный исключительно на табачные деньги Медицинский центр Боумана—Грея. Там он, по крайней мере, будет избавлен от дальнейшего вредительства со стороны поколения, выросшего на телесериале «Санта Черт-те-где».

Ник приехал в Табачный клуб за полчаса до назначенного времени. Это было массивное здание в псевдогреческом стиле, выстроенное в 90-х годах прошлого века табачными баронами, нуждавшимися в убежище от своих жен. Ника провели в небольшую превосходно обставленную комнату для гостей. По стенам ее висели забранные в дорогие рамки подлинники картинок, красовавшихся некогда на пачках давно уже обратившихся в дым сигарет. Здесь были «Крокодил», «Ярко-красные», «Герцог Дарем», «Красный Кэмел», «Мекка», «Оазис», «Мурад»—сладкая месть старому головорезу,—«Янкигерл», «Шомпол» («Мягко, как летний ветерок!»), «Банка печенья» («Медовые, современные, мягкие!»), «Сладкая махорка», «Собачья голова», «Мозолистка» («Настоящий эвкалиптовый дымок»). История, и какая!

Ник сидел в тяжелом кожаном кресле, курил и слушал тиканье гигантских дедовых часов.

Ровно за минуту до полудня стеклянная дверь отворилась, пропустив человека явно значительного, поскольку появление его вызвало волну поклонов и всяческую суету. Подтянутый, элегантный мужчина под семьдесят с усами Дэвида Нивена и волнистыми белыми волосами, наводившими на мысль о кратком, давно завершенном романе с богемой. Невысокий, но с осанкой столь прямой, что она, казалось, добавляла ему несколько дюймов роста. На нем был великолепного покроя двубортный костюм из легкой темно-синей в тонкую светлую полоску ткани, сидевший так, точно его шили в Лондоне, у «Хантсмана» или у «Гивза и Хокса», в общем, в одном из тех заведений, куда вас и на порог не пустят без рекомендаций трех герцогов и одного виконта. На отвороте пиджака Ник заметил яркую розетку военного ордена. Человек этот излучал властность. Клубные лакеи устремились к нему, торопясь принять шляпу и трость с серебряным наконечником—уж не таится ли в ней клинок?—с такой озабоченностью, точно оба эти предмета были непосильной ношей. Еще один лакей с черной щеточкой в руке возник прямо из воздуха и тут же принялся нежно смахивать пыль с плеч его пиджака. Освобожденный и от ноши и от пыли джентльмен глянул в сторону комнаты для гостей, лакей склонился к нему, пошептал что-то на ухо и указал на Ника.

Джентльмен развернулся и направился к Нику, протягивая руку и улыбаясь.

—Мистер Нейлор,—сказал он, всем своим видом выказывая удовольствие и

понимание важности момента. — Я Доук Бойкий, и я чрезвычайно рад знакомству с вами.

Перед лицом такого величия Нику только и удалось, что промямлить:

— Здравствуйте, мистер Бойкин.

— Прошу вас, — сказал старик, — зовите меня Капитаном. И взявши Ника под локоток, провел его к столику в углу.

— Точность,—улыбнулся он,—вежливость королей. Не многие из северян понимают это.

Один из слуг отодвинул кресло Капитана, другой снял со стола стоявший перед креслом конус белой крахмальной салфетки и, одним грациозным взмахом развернув ее, накрыл колени Капитана.

—Взбодриться не желаете?—впрочем, ответа Ника Капитан ждать не стал.

Официанту также ничего сказано не было, тот просто кивнул, и через миг явился еще один, с подносом, на котором стояли две серебряные чашечки, покрытые каплями морозного пота, ибо их доверху наполнял колотый лед с веточками свежей мяты.

— Отличное пойло! — сказал Капитан. Он отхлебнул, закрыл глаза и выдохнул негромкое «ах».—Вам известен секрет действительно хорошего джулепа? Надо пальцами вдавить мяту в лед и растереть. Высвобождает ментол.—Капитан негромко хмыкнул. — Знаете, кто меня этому научил?

Ник не знал, но предполагал, что то был некий потомок Роберта Э. Ли.

—Фердинанд Маркое, президент Филиппин.

Ник подождал развития этой темы, но его не последовало. Еще одна прерогатива человека по-настоящему богатого.

— В каком году вы родились, мистер Нейлор? Не сказать ли ему:

«Зовите меня Ником»?

—В пятьдесят втором, сэр.

Капитан улыбнулся и покачал головой.

— Господь милостивый, в пятьдесят втором! — он еще отхлебнул джулепа и разгрыз кусочек льда, показав при этом зубы, очень белые. — В пятьдесят втором я торчал в Корее, отстреливая китайцев.

— Да что вы? — сказал Ник, не сумевший придумать ничего другого.

— А нынче китайцы — лучшие наши покупатели. Вот вам двадцатый век.

— В Китае курят семьдесят процентов взрослых мужчин,—заметил Ник.

—Верно, — кивнул Капитан.—В следующий раз нам не придется отстреливать их в таких количествах, не так ли?

И он, усмехнувшись, откинулся на спинку кресла.

— Еще по одной?

Появился новый поднос с джулепом. Каков, собственно говоря, протокол? Следует ли Нику первым осушить свою чашу? Он так и сделал, просыпав немного льда на колени.

— Пятьдесят второй был для нашего бизнеса годом очень серьезным,—продолжал Капитан. — Помните, что сказал мистер Черчилль?

— и Капитан раскатисто произнес голосом Черчилля: «Это не конец и даже не начало конца. Но я верю, что это может стать концом начала».

Как раз в том году «Ридерс дайджест» опубликовал статью о некоторых сторонах курения, связанных... со здоровьем.

Люди, стоящие у руля табачной индустрии, стараются не произносить определенных слов — слова «рак», например.

— Можно сказать, что это и было концом нашего начала.

Принесли еду — к большому облегчению Ника, голова которого слегка закружилась от сдобренного мятой бурбона. Капитан рассуждал о том,

что может дать табачной индустрии новое руководство Кореи. Начав с холодных креветок со специями, они перешли затем к бифштексу из вырезки и печеным картофелинам с нашлепками сметаны на каждой. Капитан попросил официанта ни в коем случае не рассказывать миссис Бойкин, что он тут ест, иначе, зловеще предупредил Капитан, «она с нас обоих шкуру заживо сдерет». Богатые мужчины любят изображать преувеличенный страх перед женами. Им кажется, будто это делает их более человечными.

— Есть, Капитан! — ответил официант, довольный ролью, отведенной ему в заговоре молчания.

— Вы позволите? — спросил, когда опустели тарелки, Ник, вытягивая из кармана пачку сигарет.

— Конечно, большое спасибо. Я всегда так благодарен курящим представителям младшего поколения,— вид у Капитана стал тоскующий.

— Я бы присоединился к вам, но после моего недавнего... приключения миссис Бойкин стала весьма нетерпимой по этой части, так что мне приходится, ради мира в семье, крепиться и воздерживаться. Пару дней назад старшая дочь спросила, что в мои года способно меня порадовать, и я ответил: «Возможность голосовать за республиканцев и не давать твоей матери повода меня пилить».

Принесли кофе. Другие члены клуба останавливались у стола, чтобы почтительно поприветствовать Капитана, и он учтиво представлял им Ника.

— Тот самый Ник Нейлор? — воскликнул один из них, стискивая ладонь Ника. — Страшно рад познакомиться с вами, сэр! Отличная работа, отличная!

Они кудачтали над Ником, точно над дитятей. Все это было очень приятно. Очень. Ник так и видел себя живущим в Уинстон-Сейлеме, завтракающим в Клубе и уже не обязанным каждый божий день извиняться и оправдываться за свое существование. Как принято здесь говорить: «Табак сам о себе заботится». И это действительно так.

— Должен вам сказать, Ник, вы произвели прекрасное впечатление, — улыбаясь, произнес Капитан, когда удалился последний из поклонников.

— Вы не против, если я перейду на ты и буду называть вас Ником? Как правило, я уменьшительными именами не пользуюсь, но в данном случае был бы не прочь. Вы немного напоминаете мне меня самого, каким я был в вашем возрасте.

— Разумеется, — в замешательстве откликнулся Ник, — пожалуйста.,

— Ты ведь был прежде телерепортером?

Ник покраснел. Ну, тут уж никуда не денешься. Это войдет и в его некролог.

«Тот самый Ник Нейлор, который, в бытность свою репортером Вашингтонского телевидения, объявил в живом эфире, будто президент, посещая военную базу, подавился куском мяса и умер, что привело на фондовой бирже к обвалу на 180 пунктов и к убыткам, которые к тому времени, как Белый дом смог предъявить президента, живого и невредимого, достигли 3 миллиардов долларов».

Заветнейшая из надежд Ника состояла в том, что ему еще удастся совершить в жизни нечто, способное оттеснить эти сведения во второй абзац некролога.

— Это было очень давно, — сказал Ник.

Капитан поднял ладонь.

— Тебе не нужно ничего объяснять. На твоём месте я, вероятно, проделал бы то же самое. Представился шанс—бери его за рога. Джи-Джи пересказал мне эту историю во всех подробностях. Собственно, из-за нее он тебя и нанял. Отлично понимая, что делает.

—Вы полагаете?

— Еще бы! Какими бы там недостатками ни обладал Джи-Джи—а я сожалею, что мне пришлось отпустить его, — он был превосходным знатоком человеческой натуры. Он сказал мне: «Этот мальчик будет трусрваться вперед, лишь бы оставить эту историю позади и сделать себе новое имя, что его собственная задница не ДОГОНИТ».

— Вместо «Человек, обошедшийся в три миллиарда».

— Он сказал и еще кое-что: «Из мальчика вырастет очень сердитый молодой человек». Я не признавал, насколько ты сердит, пока не увидел тебя вчера в шоу этой цветной женщины, Опри. Сынок, ты был великолепен.

— Спасибо.

— Я тоже вернулся из Кореи сердитым. И знаете почему, мистер Нейлор?

— Нет, сэр.

— Потому что принял решение никогда—никогда больше — не попадать в подчинение к людям некомпетентным. Я начал с сигаретных гильз и уже через пять лет стал вице-президентом — самым молодым в истории табачной индустрии. Вот, сэр, что значит рассердиться по-настоящему. Выпьешь со мной бренди?

Вновь как бы ниоткуда появился серебряный поднос с напитками. Ну и клуб! Здешние официанты не набиваются тебе в знакомцы, представляясь по именам. Они как раз таковы, какими им следует быть: услужливые, расторопные и безмолвные.

— Скажи, Ник, тебе нравится твоя работа?

— Да, — ответил Ник. — Это хорошее испытание сил. Мы между собой говорим так: «Если ты справишься с табаком, то справишься и со всем остальным». Капитан фыркнул в свой стаканчик.

— Знаешь, подвизающиеся в табачном деле Мужчины твоего поколения — и женщины, вечно забываю добавлять «и женщины» — считают, что им приходится тяжелее, чем их предшественникам. Вам кажется, будто все началось в пятьдесят втором. Ну так ни фига!

Ни фига?

— Все это тянется лет почти уж пятсот. Говорит тебе что-нибудь такое имя: Родри-го де Херес?

Ник покачал головой.

— Нет, так я и думал. По-видимому, в школах теперь учат не истории, а толы» общему взгляду на нее. Так вот, сэр, к вашему сведению, Родриго де Херес сошел на берег вместе с Христофором Колумбом. И увидел туземцев, «впивающих дым», как он выразился, из трубок. Он привез табак в Старый Свет. Превозносил его там до самых расписных потолков, И чем он, по-твоему, кончил? Испанская инквизиция упекла его за это в тюрьму. Объявив курение «диаволовым обыкновением». Думаешь, иметь дело с Федеральной комиссией по торговле это такое уж горе? А понравилось бы тебе объясняться с испанской инквизицией?

— Ну...

— Готов поспорить, не понравилось бы. Запомни это имя, Родриго де Херес. Ты идешь по его стопам. Он был первым публичным защитником табака. Полагаю, он тоже считал это «хорошим испытанием сил».

— Э-э...

— А что говорит тебе имя Эдвин Прун?

— Прюн?

— Боже ты мой, а мы-то выбрасываем миллиарды долларов на муниципальные школы! Эдвин Прун жил в Массачусетс ко и колонии в начале семнадцатого века, как раз когда пуританские священники надумали приколачивать к стенам самые первые в Новом Свете таблички «Курить воспрещается». Думаешь, вы первые, кому пришлось иметь дело с нарастающими будто снежный ком ограничениями и предписаниями? Так нет же, сэр, Эдвин Прун еще бог весть когда сражался в этой войне.

Пуритане провели закон, воспрещающий курить в общественных местах, а под «общественным» местом они разумели такое, в котором находится больше одного человека. Пруна бросили за решетку, Кокдаже же выяснилось, что он курит и за решеткой, ему надели на лицо железный клобук, Как по-твоему, Эдвин счел это «хорошим испытанием сил»?

«Пристегните ремни,—подумал Ник,—у вас впереди еще четыреста лет».

Капи-ран, пересыпая свой доклад подробностями, напомнил ему, что Америка открыто воевала с «пагубной привычкой». в 1790-х, в 1850-х и в 1880-х. Он напомнил о словах Хораса Лрили: «Сигара—это огонь с одного конца и дурак с другого», о том, что Томас Эдисон не брал курильщиков на работу, что уже в нашем столетии американцев — и не только женщин — самым натуральным образом арестовывали всего лишь за попытку закурить сигарету. Речь Капитана текла и текла, пока на лбу его не выступили, как на чашечке с джулепом, капли пота. В конце концов Он умолк и промокнул лоб носовым платком.

— Прошу прощения. Похоже, после операции у меня появилась склонность... к «неумеренным словоизлияниям. Кстати, постарайся никогда не болеть в Калифорнии. И уж во всяком случае, не доводи дело до операции. Они там ни аза в хирургии не смыслят. Со мной не приключилось ничего такого, с чем не справилась бы чайная ложка соды.

Поговорили о ханжестве и подлости политиканов Одиннадцатого региона. Почти все антитабачные постановления исходили из Одиннадцатого региона, то есть Калифор-нии, этого рейха нацистов от здравоохранения. Какой можно ждать справедливости, если национальные стандарты здравоохранения определяет именно Калифорния?

— Известно ли тебе, кто такая Люси Пейдж Гастон? — поинтересовался Капитан, вперяя в Ника вопрошающий взгляд.

Нет, Нику не известно, кто такая Люси Пейдж Гастон.

— В девяностых годах прошлого века она откололась от движения трезвенников и принялась искать новые души, которые могла бы спасти. Это по ее милости шестьсот чикагских табачных торговцев были арестованы за продажу сигарет несовершеннолет-ним. Она же учредила Антисигаретную лигу. В 13-м Люси вместе с каким-то врачом основала клинику, в которую они затаскивали с улицы мальчишек-газетчиков, смазыва-ди несчастным гортань азотнокислым серебром и наказывали и им впредь не курить, а уж если приспичит—жевать корень горечавки. Теперь у нас появились взамен эти чертовы пластыри! В 19-м она обратилась с письмом к королеве Марии и президенту Хардингу, «призывая их бросить курить. Какова нахалка! Объявила, что будет баллотироваться в президенты. В 24-м, возвращаясь с антисигаретного митинга в Чикаго, попала под трамвай. Выжила. Протянула еще восемь

месяцев. Знаешь, от чего она умерла, Ник?

—Нет, сэр.

Капитан улыбнулся.

— От рака горла. Как по-твоему, что это доказывает, а, Ник? Что Бог все-таки существует.

Выйдя из Клуба, Капитан объявил, что, раз уж нынче выдался такой чудный весенний денек, он был бы не прочь прогуляться. Пошли прогуливаться, при этом лимузин Капитала медленно ехал следом.

— А скажи-ка мне, — спросил Капитан, — что ты думаешь о БР?

Ник ему показалось, что тротуар под его ногами покрылся шкурками крупных бананов.

— БР, — ответил он, —БР... мой босс. Капитан удивленно хмыкнул.

— А мне-то казалось, сынок, что это я твой босс. Сынок?

— Впрочем, мне по душе лояльные люди. Я ценю лояльность. Лояльному человеку Я готов простить практически все. — Они неторопливо шли бок о бок. Капитан остановился, чтобы полюбоваться каким-то выющим растением. — Через три недели зацветет глициния. Лучший запах на свете. Наверно, на небесах пахнет глицинией. БР надумал поработать с голливудскими продюсерами, чтобы те заставили актеров курить. Мысль интересная. Примерно через год мы столкнемся с полным запретом рекламы. Он считает, что таким манером мы сможем этот запрет обойти. Глядишь, еще и деньги сэкономим. Пока мы тратим на печатную рекламу почти миллиард в год. А ты что об этом думаешь?

— Интересная мысль, — кипит от злости, сказал Ник.

— Да, мне она очень нравится. БР человек умный.

—О да. И лояльный.

— Рад это слышать. Ты ведь знаешь, он начинал с торговых автоматов.

Самая рискованная часть нашего бизнеса. Нам сейчас необходим человек вроде БР. Он хорошо обходится с японцами. Жестко. В ближайшие годы Дальний Восток начнет приобретать для нас все большее значение.

Потому-то я и сделал ему предложение, которое ошарашило бы и Креза. Хотя в нынешней корпоративной Америке ошарашить кого бы то ни было трудновато. Как мне не хотелось отпускать старину Джи-Джи! Но что было делать — он получил в наследство эту недвижимость в Тарпон-спрингсе. Полагаю, скоро и меня отправят в стойло. С другой стороны, — Капитан фыркнул,—человек, владеющий двадцатью восемью процентами акций, имеет приятную возможность самостоятельно выбирать время своей отставки. И все же, я не молодую. Временам! я ощущаю себя как *Tirannosaurus rex*, ковыляющий по болотам на шаг впереди ледников. Ты знаешь,—скептически ухмыльнувшись, спросил он,—что ученые утверждают теперь, будто динозавры вымерли из-за газов в желудке?

— Нет,—сказал Ник.

— Говорят, будто они пукали, цукали, и все это собиралось в атмосфере и в конце концов создало парниковый эффект, от которого начал таять ледяной покров,—Капитан покачал головой. — И как они это узнали?

— Где данные?

— Вот именно. Вот именно! Помнишь, что сказал Финистер?

— «Проснитесь, ребята, нынче Великая пятница, так не хлебнуть ли нам пивка?»

— Не тот Финистер. Ромул К. Финистер, президент. Уж его-то ты

помнить должен! Он сказал: «Факел передается новому поколению». Это он о моем поколении говорил. А теперь пришло время передать факел вашему. Ты как, Ник, готов принять факел?

—Факел?

—Будет нелегко. Нас окружает враждебный мир. Я оглядываюсь по сторонам и вижу только вспышки выстрелов. Больше того, я вижу их в той стороне, где стоят лагерем наши друзья. Пару дней назад я вызвал к себе Джордана. Старая шлюха, за долгие годы мы вбабахали столько денег в его избирательные кампании, что на одни только проценты все его дети получили университетское образование. А во время последней я, черт побери, не мог даже пользоваться собственным самолетом, потому что Джордан просто-напросто не вылезал из него. И что, по-твоему, он имел наглость заявить мне в моем собственном кабинете? Что ему придется поддержать повышение акцизных сборов, иначе Белый дом прикроет базу ВВС в Лагроуне.

Ник не мог не согласиться с Капитаном: и впрямь, не прискорбно ли, что достопочтенный джентльмен из Северной Каролины, председатель сенатского Сельскохозяйственного комитета, вынужден отдавать свой голос за двухдолларовый налог на пачку сигарет?

— Порой я сам себе кажусь колумбийским наркодельцом. Недавно моя семилетняя внучка, плоть от плоти чресл моих, сказала мне: «Дедушка, а правда, сигареты такие вредные?» Моя родная внучка, чье образование в частной школе, собственная лошадь и все прочее оплачивается сигаретными деньгами, и между прочим немалыми!

Капитан остановился и сказал:

—Надо что-то делать. Что-то серьезное, значительное—и быстро. Вот этот голливудский проект БР Я хочу, чтобы им занялся ты. И чтобы ты отчитывался лично передо мной.

—Но это ведь идея БР,—сказал Ник. — Мне не хотелось бы обижать его, отнимая плод его умственных усилий.

— На этот счет можешь не беспокоиться. С БР я как-нибудь слажу. Он, похоже, думает, что этим должна заняться его девица, Дженнет. Ему кажется, будто земля вращается вокруг нее. Мне же кажется, что ты — именно тот, кто нам нужен, — он положил руку на плечо Ника. — А я ошибаюсь редко.

Капитан помахал водителю. Они сели в машину.

— В главный офис, Элмор, —сказал Капитан. —Потом отвезешь мистера Нейлора в аэропорт.

— Мне нужно забрать из отеля сумку.

— Об этом уже позаботились, сэр, — сказал Элмор. Капитан улыбнулся:

— Табак сам о себе заботится.

Машина остановилась у здания Табачной корпорации. О пятимиллионной выходке Ника так и не было сказано ни слова. Пришлось напомнить о ней самому.

Капитан задумчиво покивал.

— Конечно, это немалая сумма. Тебя, похоже, донимает склонность к широким тратам, —лицо его помрачнело, как будто Капитана внезапно обуяли сильные чувства, и на несколько секунд Ником овладела уверенность, что сейчас все отменится и ему придется-таки встать в очередь безработных. Но грозовые тучи рассеялись. Старик хмыкнул: — Ладно, я не думаю, что пять миллионов долларов пустят нас по миру. Хотя не думаю также, что именно эту рекламную кампанию ждет

ошеломительный успех.

Он протянул Нику руку:

— Спасибо, что нашел время навестить меня. Будем поддерживать связь.

В аэропорту при приближении лимузина автоматически разъехались ворота из металлической сетки. Самолет, лоснящийся «Гольфстрим-5», ждал—с уже запущенными Лригателями, с улыбающейся у трапа стюардессой в форме, смахивающей на купальник из последнего номера «Спорте иллюстрейтед». Неудивительно, что председатель сенат-ского Сельскохозяйственного комитета так привязался к этой машине.

—Привет,—сказала стюардесса.—Рада, что вы летите с нами!

Ник поднялся по трапу. Ступни его утонули в пышном ковре. Писанные маслом картины на переборках, позолоченный потолок, огромные кресла, обитые кремовой кожей, словно бы впитавшей Ника, когда он сел в одно из них.

—Капитан говорит, что это самое любимое его кресло во всем мире,—сообщила «стюардесса.

Рядом на столике стояла ваза со свежими фруктами, лежал пяток газет, выглядевших так, точно их долго гладили утюгом, из плотного картона карточка, на которой было надписано: «Приветствуем Вас на борту, мистер Нейлор из АТИ!» и далее указывалось время полета до Вашингтона, скорость и предполагаемая высота, погодные условия и температура воздуха в Вашингтоне. Стюардесса склонилась над Ником, так что глядеть ему осталось некуда, кроме как в мягкую ложбинку между ее кремовых грудей, из которой веяло нежнейшими духами:

—Если существует хоть что-то, способное сделать ваш полет более приятным, не стесняйтесь, скажите прямо.

Глава 7

— Долетел нормально? — спросил БР.

—Хорошо долетел, — ответил Ник.

— А каким рейсом? Тот, что в четыре пятнадцать, приземляется в пять двадцать, а сейчас только пять.

— Вообще-то, я летел на самолете...

— Господи Иисусе, разумеется на самолете!

— ...на самолете Капитана. — Ник, собственно говоря, еще не решил, как использовать свой новый статус, он просто чувствовал себя подобно пятнистой сове, залетевшей в кабинет главы деревообрабатывающей компании «Уэйерхойзер»,—то есть в полной безопасности. Глаза БР округлились.

— Это было... весьма любезно с его стороны.

— Да уж, — сказал Ник, наслаждаясь. — А хорош у него самолетик, верно?

— Не знаю.

— Да что ты?

— Пока не знаю. Я летал на предыдущем. Чуть ли не жил в нем. Капитан раз десять приглашал взглянуть на новый, но у меня все не получалось.

— Ну еще бы, с твоим-то графиком. Я понял, почему он так нравится сенатору Джордану. Эшли, стюардесса—очень милая особа, — говорит, что новый самолет здорово выигрывает в сравнении с «Г-4», в смысле

дальности полета.

— М-да. А что сказал Капитан о пятимиллионной кампании против курения?

— Сказал — валяйте. Но в меру, чтобы дело не пострадало.

Физиономия у БР вытянулась. Это смахивало на таяние ледника, только происходило гораздо быстрее. Занятная штука жизнь, думал Ник, тридцать шесть часов назад ему в этом же кабинете отказали в чашке кофе и безо всяких околичностей дали понять, что он человек конченный. А теперь у БР сводит челюсти, и вообще, выглядит он так, словно ему не помешала бы встреча с доктором Витом. Может, дать ему карточку? «Д-р Вит, ДО, Остеопатические манипуляции».

Расслабьтесь... хрряк!

— Я, пожалуй, поручу ее «Би-Эм-Джи», новой фирме из Миннеаполиса, помнишь, я тебе о ней говорил? Бели, конечно, ты не возражаешь.

— Нет. Нисколько.

— Да, кстати, БР, Капитану очень понравилась твоя идея насчет того, чтобы заставить актеров побольше курить, БР покраснел.

— Это была твоя идея. Он, должно быть, что-то напутал.

— Может быть. Ему приходится столько всего держать в голове.

— Возраст.— Ник прямо-таки видел, как над головой БР, будто в комиксе, раздувается пузырек с мыслью внутри: «Он недолго протянет, Нейлор, и через десять секунд после его смерти я займусь твоей задницей».

— Да,— сказал Ник, — хотя, по-моему, голова у него все еще здорово варит. Ничего не упускает, правда?

— Он велел передать тебе это, — БР подтолкнул по столу листок бумаги. Новая платежная ведомость. Поначалу Ник решил, что в нее вкралась опечатка. Со ста пятидесяти к... двум... ого-го!

— Ну что же, — сказал Ник, — спасибо.

— Меня, — искренне заверил Ника БР, — тебе благодарить не за что. Люди, мимо которых он шел по коридорам, определенно не знали, как с ним теперь здороваться — как с прокаженным или как с героем. Воздух ощутимо вибрировал от слухов. Ника вышвырнули. Но вот же он, Ник, с его радиоактивной улыбочкой, куда ж его вышвырнули? Выходит, целехонек.

— Привет, Ник, здорово ты им дал у Опри.

— Я думал, Гуди тебя придушит.

— Ник, мы действительно выставаем пять «лимонов» против детского курения? Ника поджидала Гэзел, явно воспрявшая духом от того, что ее босс не лишился работы. Из «Би-Эм-Джи» уже поступили эскизы плакатов, весьма своевременно. Медлить нечего.

— Ну-ка, посмотрим.

Гэзел расставила на кушетке эскизы, и Ник углубился в их изучение. У открытой двери кабинета начали скапливаться люди. Что там такое? Чем занят Ник? Жужжание голосов сгустилось почти до осязаемости. Кабинет Ника внезапно стал для Академии центром притяжения. А вот и Дженнет, в очаровательном костюме и при галстук. Улыбается совершенно как кобра.

— Ник, — входя, сказала она, — ты баснословно выступил у Опри. Мы получили потрясающую прессу.

— Тебя убить угрожают, ты видел? — спросила Гэзел, протягивая ему несколько листов, которые она вытащила из лотка «ПОКА ВАС НЕ БЫЛО».

— Ты что, записываешь угрозы на листках для неотложных сообщений?
— Я бы не стала обращать на них внимания, — объявила Дженнет, плечом отодвинув Гэзел. — Отдай их Карлтону.

Карлтон возглавлял в Академии службу безопасности.

— Не поняла, — сказала Гэзел.

— Если Ник станет отвлекаться на каждого психа, ему работать будет некогда, — снисходительно пояснила Дженнет и, повернувшись к Нику, сказала: — Нет, послушай, ты действительно выглядел потрясюще.

— Не хочешь прочесть, что говорят на твой счет? — Гэзел, словно игральную кар-ту вытянула из ладони листок. — «Я залью тебе глотку расплавленной смолой, вонючий подонок». «Ты скользкий хер, верно, Ник Нейлор? Но у меня есть дальнобойное ружье, способное продырявить мешок с дерьмом, вроде тебя, с расстояния в 250 ярдов, так что побереги свою задницу».

— Я просто зашла сказать, что ты был великолепен, — легонько сжав локоть Ника, сказала Дженнет и обернулась к людям, толпившимся у дверей. — Ведь так? Аплодисменты. Гэзел только что не наподдала дверь по корме покидавшей кабинет Дженнет.

— Не выношу эту сучку.

— Ну, не знаю, — сказал Ник, — мне показалось, что она выбросила белый флаг.

— Да? Вчера она крутилась здесь с образцами цветных тканей — интерьер, видишь ли, не по ней. А сегодня лижет тебе задницу. И тебе это нравится.

Ник еще раз, нахмурясь, взгляделся в эскизы.

— Ты бы не могла связать меня со Свеном Глэндом из Миннеаполиса? Если, конечно, ты уже исчерпала запас критических замечаний, — он пролистал записи телефонных звонков. Сэмми Наджиб, режиссер шоу Лэрри Кинга. Ну-ну... — Кто такая Хизер Холлуэй?

— Репортер из «Вашингтонмун».

— И чего она хочет?

— Взять у тебя интервью.

— О чем?

Гэзел уперла руки в бока.

— А как по-твоему, о чем? О мирном процессе на Ближнем Востоке?

— Слушай, почему ты записала все, что несли эти... эти полоумные маньяки с дальнобойными ружьями, и не потрудилась записать ни слова из сказанного журналисткой? И чего ты нынче такая суровая? Кстати, что тут без меня случилось новенького?

— Так тебе нужен Свен Глэнд или не нужен?

— Да, будь любезна, — сквозь стиснутые зубы выдавил Ник. — И кофе свари. Вообще-то, кофе он не хотел, но как-то нужно же ее прищемить.

— Пять тридцать, на что тебе кофе? Ты же заснуть не сможешь.

Гэзел вышла. Вот ведь угораздило его затащить Гэзел в постель той ночью, когда они допоздна засиделись в Академии, а потом заглянули к Берту выпить пива. После этого одно пошло цепляться за другое, как оно всегда и бывает, — Ник опомниться не успел, как уже беседовал с развязным ночным портье, заказывая номер в отеле «Мэдисон». Нет, оставлять номер за собой он не собирается. Без багажа. Да, на двоих. Нет, без двух отдельных кроватей. Затем подъем в лифте с портье, уже другим, норовившим объяснить ему, как пользоваться холодильником, нагревателем, выключателем, телевизором, — господи боже, портье уже

добрался до пылесоса, когда Ник заткнул ему рот десяткой и выставил за дверь. На следующий день в Академии—соблюдение дурацких обрядов. С добрым утром, мисс Талли. С добрым утром, мистер Нейлор. Кофе? Да, пожалуйста, мисс Талли. А после, в первый же раз, как она сделала что-то не так и он ей об этом сказал, — трам, бам, барабаны, литавры, злые глаза и лекция о неравенстве полов. И всякий раз, как они зарабатывались допоздна и Ник предлагал заскочить к Берту немного выпить, он слышал одно и то же: «Нет, уже поздно, мне нужно забрать у сестры Джерома» — и гадал, ощущая себя сексуальным параноиком, уж не случилось ли ему потерпеть некое... фиаско, что ли, той бурной ночью, отмеченной, по сохранившимся у него воспоминаниям, более чем пристойной демонстрацией его возможностей. Собственно, не одной и не двумя. Правду говорят о черных женщинах — они ненасытны. Не диво, что черные мужчины косяками бегут от жен. Спать-то тоже когда-нибудь нужно.

Ник еще раз взгляделся в эскизы. Они были неотразимы, блестящи, они завораживали. Он правильно сделал, отказавшись от услуг унылого рекламного отдела Академии и обратившись к «Буда—Мунганаро—Глэнду», только-только созданному замечательному маленькому агентству из Миннеаполиса, уже успевшему обратить второсортную, отдающую селедочной чешуей шведскую водку в самый раскупаемый напиток страны. Ник вздохнул.

— Полный блеск, Свен, — сказал он в микрофон. — Я потрясен.

—Знаю, — сказал Свен. — Мы тоже.

— В том-то и горе. Понимаешь, тут все та же история — «есть новость хорошая и есть плохая». Плохая такова: кампания эта должна провалиться и плакаты нужны безликие, иначе у нас их не утвердят. А хорошая: мы собираемся потратить на нее пять миллионов долларов. За вычетом жалованья и комиссионных на долю «Би-Эм-Джи» приходилось около 770 тысяч.

— Свен? Ты слышишь?

— Тебе нужны безликие плакаты?

— Да, непременно.

— Вообще-то, Ник, это не совсем по нашей части.

—Извини. Вы внушили миллионам людей, будто они последуют за модой, если станут давиться водкой, которая отличается от любой другой только тем, что она хуже. От нее же несет рыбой. Я слышал, что в Швеции ни один человек, пребывающий в здравом уме, в рот ее не берет. Они там в Стокгольме, надо полагать, катаются по снегу от смеха. Так не говори мне, что за приличные деньги вы не способны провести скучную рекламную кампанию, направленную против курения подростков.

Пауза.

— Ну, в общем и целом способны.

— Так в чем проблема?

—Никаких проблем.

Ник сказал, что в пятницу он должен будет показать своим переросткам хоть что-то, поскольку им крутит хвосты Совет по рекламе, на который уже насели учуявшие запах жареного антитабачные горлопаны.

Он позвонил Сэмми Наджиб. Оказывается, министр здравоохранения и социальных служб потребовала немедленной отставки Ника.

—И всякую-то новость я узнаю последним,—горестно сказал Ник. Лэрри хотел, чтобы Ник выступил в его завтрашнем шоу. Как только Ник повесил трубку, Дженнет просунула голову в дверь, дабы сообщить, что госпожа Фуриозо, сиречь министр зануд и сволочных скудоумцев (см. выше), потребовала его отставки, и Ник не преминул сказать, что уже слышал об этом от режиссера Лэрри Кинга. Популярность есть популярность.

Пять минут спустя позвонил БР. Поговорили о позиции, которую им надлежит занять. Тон БР переменялся разительно. Он уже знал о приглашении Лэрри Кинга. Это безусловная победа, отличный шаг вперед. Теперь насчет госпожи Фуриозо: как бы получше разыграть нашу карту? «Табачная империя наносит ответный удар» — это неплохо, просто здорово. Однако она как-никак член кабинета министров, и слишком задевать ее не стоит. Правильно?

Правильно. Значит, договорились/Ник будет твердо стоять на своем, но при этом вести себя уважительно. И постарается, насколько это возможно, развить тему «тут мы все заодно». Фуриозо, конечно, упрямая старая дура. И БР вдруг наградил его комплиментом. С ума сойти! Он сказал: «Постарайся почаще совать ям в нос наших пятимиллионных деточек. Вообще говоря, может оказаться, что это будут наиболее толково потраченные нами деньги». Нами! Единой командой табачников!

Планеты расположились в гармоничном согласии. Полли выпал хороший, по-настоящему хороший день. Пожалуй, можно даже сказать, что второго такого не будет. Вот уже несколько лет окопавшиеся в федеральном правительстве новые прогибицио-нисты изо дня в день прибегали к одной и той же формулировке, от которой алкоголь-ное лобби места себе не находило: «алкоголь и другие наркотики». «Альянс за умеренность» потратил миллионы, пытаясь заставить круглоголовых дяди Сэма отказаться от использования этой фразы в деловой переписке. Все попусту. И вдруг сам Папа публично заявляет, что вино не следует считать наркотиком. Правда, Лапа говорил о вине причастия и о вине, выпиваемом в умеренных количествах за семейным обедом, предпочтительно в виде приготовления к акту супружеской любви, имеющему целью рождение дитяти. Но это не помешало Полли поднять бумажную бурю, извещающая всех и каждого о новом догмате Его Святейшества. Виноторговцы взлетели от радости на седьмое небо. Торговцы пивом изошли желчью. Глава компании «Гатмейстер—Мелч» полчаса выговаривал Полли за то, что она не позаботилась «заставить его» сказать то же самое о пиве.

—Я пыталась втолковать дураку, что я тут ни при чем. Все провернули итальянские виноделы. Увидели, что объем продаж в США стремительно падает, и настропалили одного из своих кардиналов.

— Трудно представить, что хорошего мог сказать Папа о пиве, — заметил Бобби Джей. — Вряд ли Благий Господь обращал в Кане воду в пиво. И чтобы участники Тайной вечера дули пиво в горнице большой, усталой, тоже как-то не похоже.

— Потом позвонили торговцы виски и тоже принялись сквалыжничать.

—А эти-то чего ждали? — спросил Ник. — Что Папа выступит в защиту скотча?

— Нет, просто они считают, что если кто-то выиграл, значит, они

проиграли. Объемы продаж падают, вот у них крыша и едет. Первое, что им приходит в голову, когда виноделам или пивоварам выпадает какая-никакая удача, это: «Нам меньше достанется». Я кучу времени трачу на то, чтобы не дать им поубивать друг друга, хотя им полагается прикрывать спины соратников.

— Все равно поздравляю! — поднимая бокал, сказал Ник. — Здорово проделано, даже если ты тут ни при чем. А теперь скажите, ребятки, кто-нибудь из вас знаком с Хи-зер Холлуэй из «Мун»? Она собирается взять у меня интервью.

— Хи-зер Холлуэй? Еще бы, — сказал Бобби Джей. — Ирландский тип, волосы с рыжиной, большие зеленые глаза, роскошная кожа. И изумительные титьки.

— Титьки? — переспросила Полли. — При чем тут ее титьки?

— Ха, — сказал Бобби Джей, уже успевший набить рот. — Буфера мирового класса у журналистки, которая интервьюирует самца одного с ней вида, очень даже при чем, можешь мне поверить.

— Я полагала, что Чудаки Христовы более сдержанны в выражениях.

— Як этой публике отношения не имею. Я не пристаю к прохожим, не играю на гитаре. Я новообращенный христианин. И если стреляю, — добавил Бобби Джей, — то на поражение.

— И все равно кончишь, как тот парень в Уэйко. Будешь славить Господа, раздавать патроны и отстреливать агентов АТО. В последнее время оружие и религия что-то действуют мне на нервы.

— Ты в состоянии дать мне какие-нибудь сведения о ней — кроме размера ее лифчика? — спросил Ник.

Бобби Джей рассказал, что Хи-зер Холлуэй появилась на одной из пресс-конференций Общества — на той, где мистер Драм призвал к строительству новых тюрем. Призыв этот составлял часть наступательной стратегии Общества: вместо того чтобы молча изображать боксерскую грушу для либералов, желающих отнять у преступников оружие, Общество насакивало на этих же либералов, освобождающих из-под стражи преступников, которые стреляют в людей. На пресс-конференции Хи-зер совершенно очаровала Драма, однако после написала статью, в которой хоть и высказалась более-менее против ограничений на продажу оружия — «Мун» газета консервативная, — но все же оспорила мнение Драма относительно того, что наличие в прошлом человека душевной болезни еще не повод запрещать ему покупку оружия. Так что Драм все-таки подозревает ее в либеральных

симпатиях.

— Какова главная мысль ее статьи? — спросила Полли. — «Табачная империя наносит ответный удар»?

— Она сказала, что пишет серию статей о новом пуританизме. А может, «Мун» просто хочет получить рекламу курева.

— Будь осторожен, — сказал Бобби Джей. — Постарайся внушить себе, что даешь интервью старой карге с заячьей губой.

— Бобби, мне кажется, со смазливой журналисточкой я как-нибудь управлюсь.

— Это случается сплошь и рядом: они приходят, строят тебе глазки, закидывают ногу на ногу, и ты даже опомниться не успеваешь, как говоришь: «Вообще-то я не вправе рассказывать вам об этом» или «А не хотите взглянуть на наши секретные материалы?» Бойся Иезавели, диктофон приносящей. — Бобби Джей, ты бы расстался на время со своей

молельной командой. А то в тебе начинает проступать нечто странноватое.

— Я только говорю, что в большинстве своем мужички, столкнувшись со смазливой журналисточкой, слишком много болтают.

— Ладно, спасибо за совет.

— Спорим на сотню долларов—ты начнешь метать перед ней бисер в таких количествах, что его потом никаким пылесосом не соберешь. Вы как, госпожа Стайнем, поучаствовать не желаете?

— Я думаю, Ник справится.

— Спорю на сотню, что он самое малое один раз крупно проболтается.

— Принято, — согласился Ник.

— Я свидетель, — сказала Полли и добавила: — А черт! У меня в двадцать три сорок пять. «Прайм-тайм в живом эфире» готовит к следующему четвергу программу о синдроме пьяного зачатия.

— Ох, боюсь, поотрывают они вам головы.

— Я видел недавно по Си-эн-эн репортаж о женщине, которая в первые три месяца беременности выпивала каждый день по галлону водки. И знаешь, ребенок у нее родился какой-то чудной.

— Ты мне ничего не посоветуешь? Ник задумался:

— Право, не знаю. Против детей-уродов особенно не попрешь. Мне-то повезло. От нашего товара они лысеют лишь перед самой смертью.

— Да, это утешает.

— Оспорь их данные. Потребуй, чтобы тебе показали истории болезни матерей. Плюс бабушек и прабабушек. Тверди одно: «Слушайте, при чем здесь наука? Это же просто смешно».

— Может, тебе стоит немного потискать этих детишек?—предложил Бобби Джей. — Помнишь, как миссис Буш тискала больного СПИДом младенца?

— Господи, Бобби, да не дадут они мне их тискать.

— Кто делает программу? Дональдсон или Соьер?

— Вроде бы Соьер. Они не особенно разговорчивы, но, поскольку мы имеем дело с ее режиссером, я почти уверена, что это она.

— Тяжелый случай.

— Почему?

— Потому что она-то как раз и будет их тискать. Слушай, если дело дойдет до этого, если ты увидишь, что она потянулась к кому-то из малышей, постарайся ее опередить.

— Не могу сказать, чтобы я с нетерпением ждала этой возможности.

— Учреди благотворительный фонд,—предложил Бобби Джей.—Фонд заботы о воскресных детях. ФОЗАВОД.

— Ага, так и вижу физиономии Эрни Мелча, Пека Гибсона и Джинно Греначи, когда я объявляю им, что мне нужны деньги на матерей-пьяниц. Да еще признаюсь, что мы именем прямое отношение к воскресным детям. Блестящая идея. Впрочем, прости. Я забыла, что разговариваю с человеком, ухитрившимся так ловко использовать знаменитую кровавую баню в церкви Карбюратор-сити.

— А что дурного в таком фонде? Он лишь покажет, сколько в вас сострадания и сердечного благородства.

— Сам-то ты учреждаешь фонды помощи застреленным? — ядовито поинтересовалась Полли. — Не учреждаешь, потому что они тебя по миру пустят.

— Не оружие убивает людей, Полли.

— Иди ты! — Да нет, он прав,—сказал Ник. — Людей убивают пули.

— Ладно, мне пора, — тяжело вздохнула Полли. — Господи, какой кошмар меня ожидает!

Ник проводил ее до «Альянса за умеренность». Прекрасный весенний день стоял в Вашингтоне (за прелесть вашингтонских весен природа мстит жутким вашингтонским же летом), на углу Род-Айленд и Семнадцатой цвела магнолия. Ник вдруг заметил, что на | Полли белые чулки, в которых что-то серебристо поблескивало, словно ее длинные ноги, там, где они скрывались под плиссированной синей юбкой, опушил иней. Он поймал себя на том, что не может оторвать глаз от ее ног. Разговор насчет титек Хизер Холлуэй, воспоминания о Гэзел в отеле «Мэдисон», весенняя погода—все это повернуло мысли Ника | в известную сторону. Белые чулки—господи, какая прелесть! — напомнили ему ту ночь десяти-, нет, двенадцатилетней давности, когда он впервые приехал в Вашингтон, летом, и они с Амандой, расправившись с двумя бутылками бодрящего холодного «Сансер», решили прогуляться до Мемориала Линкольна. Июльский вечер выдался парным, ситцевое в цветочек платье влажно липло к Аманде, и, ладно, насчет Хизер Холлуэй он не в курсе, но Аманде своего тела стыдиться не приходилось... гм!.. и на ней тоже были белые чулки, длинные, до самых бедер, из тех, что не требуют пояса, но позволяют без затруднений добраться до лежащей чуть выше страны грез, и, в общем, Ник... гм!... ну, чего уж там, Ник питал явную слабость к таким чулкам. Они обошли мемориал, выйдя туда, откуда открывается вид на Арлингтонское кладбище, и Аманда прислонилась к ребристой колонне, хихикая, потому что гранитные грани щекотали ей спину. Ник опустил на колени — не самая удобная на мраморе поза, но Ник тогда не о своих коленях думал — и приподнял цветастую ткань, медленно, медленно, осыпая поцелуями ее ноги, пока не достиг прохладных бедер и следом треугольника белых—снова белых! — шелковых трусиков и... — Не хочешь немного выпить со мной вечером, после шоу Кинга?—спросил Ник. Полли взглянула ему в лицо.

—Выпить?

— Студия расположена на углу Масс авеню и, как ее, Третьей, что ли. Мы можем зайти в «Иль Пеккаторе».

Ресторан этот недавно прославил сенатор Финистер, племянник убитого президента: официантка вошла с подносом в снятый им кабинет и обнаружила, что сенатор завалил на стол свою молодую помощницу. Происшествие попало в газеты, и с тех пор туристские автобусы останавливаются вплотную к выставленным на тротуар столикам «Иль Пеккаторе», и гиды орут в мегафоны: «Вот здесь произошел тот самый случай с сенатором Финнстером», и туристы из Индианы щелкают фотоаппаратами, а несчастные посетители, которых угораздило усесться перекусить на свежем воздухе, давятся своим ракет-сапатом и кальмарами, стараясь не чувствовать себя статистами в порнографическом шоу.

—Я..!

— Ну, соглашайся.

— Нет, пожалуй, не стоит.

— Почему?

— У меня обед с Комитетом сознательных водителей.

— Тогда после обеда. Когда он закончится? С секунду ему казалось, что Полли вот-вот согласится. Но она сказала:

—Я правда не смогу. Как-нибудь в другой раз.

Глава 8

Сэмми Наджиб, режиссер шоу Лэрри Кинга и сама по себе явление природы — шесть футов с хвостиком, дородная, добродушная,—встретила Ника в приемной и повела его в гримерную.

—Я в свое время курила как паровоз, — сказала она.

— Никогда не поздно начать заново. Кстати, кто у вас во второй части программы?

— Вам лучше об этом не знать, — сказала Сэмми. Ник остановился.

— Случаем, не больной раком ребенок?

— Да нет. Вы не у Опри. Но примерно из той же оперы.

— Так кто?

—Поверьте, вы с ним не столкнетесь, обещаю. Я позаботилась об этом.

—Кто?

—ЛорнЛатч.

—Я должен выступить в одном шоу с Перекати-Поле? Вы спятили?

—Вы ни с кем выступать не должны. Две совершенно разные части программы. И это не подстроено, уверяю вас. Лэрри очень хотел вас заполучить, но после ему позвонили из Атланты и сказали, что нужно взять кого-то с другой, так сказать, стороны—для равновесия.

— Для равновесия, — пробормотал Ник.

— Все будет хорошо. Лэрри страшно понравилось ваше выступление у Опри. Он ваш поклонник. И он сам когда-то выкуривал по три пачки в день.

—Привет, — сказала гримерша.

Ник, все еще негодуя в душе, уселся перед зеркалом.

Господи, Перекати-Поле! Больше двадцати лет он был истинным символом не вылезающего из седла американского курильщика, в давние счастливые дни его словно бы из гранита высеченное, покрытое глубокими морщинами лицо можно было увидеть на задней обложке любого журнала, на рекламных щитах, на экранах телевизоров. А теперь он дышит сквозь проделанную в гортани дырку и с каждым вдохом и выдохом, коих, если верить Гомесу О'Нилу, возглавляющему разведслужбу Академии, ему, слава богу, осталось немного, мостит себе дорогу к Жемчужным Вратам, предупреждая всех и каждого о вреде курения. Как это ни смешно, но именно Ник уговорил руководство компании «Тотал Табакко» не подавать на Лорна в суд за нарушение контракта, убедив ее директоров, что судебное преследование умирающего человека, имеющего троих детей и дюжину внуков, лишь повредит доброму имени табачной индустрии, тем более что хриплые призывы, с которыми Перекати-Поле обращался к шериканскому юношеству, сделали из него любимца средств массовой информации (во всяком случае, национальных, которым так и так запрещено рекламировать сигареты). «Может быть, — подумал Ник,—мне стоит сегодня выставить в свое оправдание эту трогательную подробность». Сэмми слонялась поблизости, словно опасаясь, что он, даже не сняв нагрудника, удерет из гримерной по пожарной лестнице.

Лэрри Кинг встретил его очень радушно.

—Рад вас видеть. Спасибо, что пришли.

—Ну что вы, — выдавил Ник. Трапецидальные мышцы его свело от напряжения. Ох, не избежать ему скорого свидания с доктором Витом. Собственно говоря, свидание (доктором Витом не помешало бы ему и сейчас.

— Знаете, я выкуривал по три пачки в день, — сообщил Лэрри. — И должен признаться, меня и сейчас тянет покурить. Мы с вами проведем сегодня отличное шоу. Масса звонков. Весьма эмоциональных.

— Насколько я понимаю, вторым у вас идет Лорн Латч, — сказал Ник. Лэрри пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Но знаете, что я вам скажу?

—Что?

— Он очень приятный человек.

— Да, мне уже говорили. — кстати, вам известно, как называется эта дырка? Та, что в гортани. Стома. Слово, скорее всего, греческое,

так?

— Несомненно. — Ник подключил свой наушник.

— Добрый вечер всем, кто нас видит. Мой первый гость сегодня — Ник Нейлор, общественный представитель табачного лобби в Вашингтоне. Добрый вечер, Ник.

— Добрый вечер, Лэрри.

— Пару дней назад вы выступали в шоу Опри и наделали шуму, не так

ли?

— Похоже на то, Лэрри.

— А теперь министр здравоохранения вместе с Главным врачом требуют, насколько я понимаю, вашей отставки. Такое нечасто случается, верно?

— Ну, в том, что касается табака, этих двух дам вряд ли можно назвать людьми непредубежденными. Хотя мне казалось, что сообщение о готовности нашей индустрии потратить пять миллионов на широкую кампанию по борьбе с курением подростков могло бы их и порадовать. Но, по-видимому, верх взяли политические соображения. Очень жаль.

— Пять миллионов—это большие деньги.

— Немаленькие, Лэрри.

— Позвольте мне спросить вас кое о чем, Ник. Курение — занятие вредное, так? Я имею в виду...

— Нет, Лэрри, это не вполне верно.

— Я был заядлым курильщиком, перенес три сердечных приступа и операцию шунтирования сердца. И мой врач сказал, что выбор у меня невелик — либо бросить курить, либо умереть.

— Мне не хотелось бы обсуждать вашу историю болезни, Лэрри. Тем более что неизвестно, насколько распространены в семействе Кингов сердечные заболевания. Разумеется, я рад, что вы чувствуете себя лучше. Но если вы согласитесь немного отвлечься от частных случаев и перейти к научным данным, то факты таковы: девяносто шесть процентов заядлых курильщиков вообще не подвержены серьезным заболеваниям.

— Вам не кажется, что в это трудновато поверить?

— Ну, конечно, насморки, там, головные боли и прочие заурядные расстройства, к примеру, бурсит большого пальца стопы... Бурсит?

— ...у них случаются, но настоящими, серьезными заболеваниями они не страдают.

—Откуда у вас такие сведения?

—Из Национального института здравоохранения, что в Бетесде, штат Мэриленд. — Пускай НИЗ завтра опровергнет его; завтра людей будет

интересовать другое—Босния, повышение налогов, новый фильм Шерон Стоун, последний роман Пэтти Дэвис о том, какой стервой была ее мамочка. И Ник добавил до кучи: — И из Центра по контролю заболеваемости, Атланта, штат Джорджия.

—Это действительно новость, — Лэрри пожал плечами. Лэрри был человеком слишком вежливым, чтобы называть своих гостей бессовестными врунами. Наверное, пото-; му он так и нравился Россу Перо. Если Нику хоть немного везет, никто из сотрудников НИЗ и ЦКЗ его сейчас не видит.

—Разумеется,—сказал Ник,—и мадам Фуриозо, и Главный врач, а они обе, как и прежде, отказываются дискутировать со мной по этим вопросам, не хотят, чтобы это стало известным, потому что опасаются сокращения своих бюджетов. Печально, но правда.

—Очень интересно.

—Существует множество связанных с табаком фактов, — со вздохом сообщил Ник, — которые правительство предпочитает утаивать от народа. Ну, скажем... Что «скажем»? — ...скажем, тот неоспоримый научный факт, что табак отдаляет возможность развития болезни Паркинсона.

—То есть нужно только дожидаться, когда нам стукнет шестьдесят пять, а там начинать дымить что есть мочи?

—Нет, Лэрри, мы никого курить не уговариваем. Наше дело — знакомить людей с тучными фактами. Например, с только что опубликованным отчетом, показывающим, что табачный дым способствует восстановлению озона, уничтожаемого хлорофторуг-леродами.

— Правда? — сказал Лэрри. — Что ж, может мне стоит снова начать курить? Вне-яи, так сказать, личный вклад в стягивание озонной дыры. Хотя, пожалуй, я все же посоветуюсь сначала с врачом.

— Ну, у врачей свои заморочки. Мне хотелось бы еще привлечь ваше внимание к отчету, появившемуся на прошлой неделе. В нем говорится, что курящие канцелярские служащие в меньшей мере страдают от кистевого туннельного синдрома — это такое заболевание запястья, — потому что чаще прерывают работу. Существует много такого, о чем — открываем кавычки — медицинский истеблишмент — кавычки закрылись — не желает вас осведомлять.

—Давайте примем несколько звонков. Спокан, штат Вашингтон, вы в эфире.

—Алло?

— Вы звоните в шоу «Лэрри Кинг в живом эфире».

—О! Э-э... да, здравствуйте.

— У вас есть вопрос?

— Да. Я хотел спросить вашего гостя: чиста ли у него совесть?

— То есть вы не одобряете того, что он делает?

—Он преступник, Лэрри. Таких сажать надо. Если не хуже. Смертного приговора — вот чего он заслуживает.

—Какие-нибудь комментарии, Ник?

— Да, в общем-то, нет, Лэрри.

—Блу-Хилл, штат Мэн, вы в эфире.

— Да. Я курил много-много-много лет. А потом у меня появились эти, как их, опухоли. О-хо-хо.

— И доктор сказал, это от курения, ну, я бросил, а опухоли никуда и не делись, я и подумываю: не закурить ли мне снова?

— Ага. А ваш вопрос?

— Врач, который со мной говорил, молодой такой парень, думаю, он сказал мне это, просто чтобы я бросил. По-моему, опухоли с курением никак не связаны.

— Хорошо. Милуоки, штат Висконсин, вы в эфире.

— Я курю и ничего, здоровехонек. А вот от чего действительно можно окочуриться, так это от воды, которая тут у нас из кранов течет. Я разок хлебнул, так, думал, помру.

— Спасибо. Что же, сегодня ни у кого нет вопросов?—Лэрри взглянул на сидящую в своей кабинке Сэмми, и та жестом показала, что несколько позвонившее уверяют, будто вопросы у них имеются.

—Ладно, хорошо бы все же услышать вопрос. Атланта, штат Джорджия...—у Ника екнуло под ложечкой, —.. вы в эфире.

—Спасибо, Лэрри. Я работаю в Центре по контролю заболеваемости и хочу отме-тить, что эта... личность... пытается создать абсолютно ложное впечатление. Девяносто шесть процентов курильщиков, может, и вправду никогда не страдают серьезными заболеваниями, но отсюда вовсе не следует, будто курение не опасно. Оно чрезвычайно опасно. В Соединенных Штатах это убийца номер один, даром, что защититься от него ничего не стоит. С начала сороковых и по настоящее время было проведено шестьдесят тысяч исследований, установивших связь между курением и разнообразными болезнями. А заявление этого типа, что мы якобы подтверждаем безопасность курения, свидетельствую о полной его аморальности. Оно совершенно смехотворно.

—Ник?

Ник откашлялся:

— Если этот джентльмен желает поспорить со мной на научные темы, я готов. Наш позиция всегда была такова: предоставьте Нам данные.

— Он нагло врет, Лэрри, только и всего. Все его рассказы — просто куча дерьма.

— Ну что ж, — сказал Ник, — довольно трудно вести разумную дискуссию, когда тебя поносят последними словами. Впрочем, в наше время поношения—обычный удел курильщиков.

Вот, правильно, отодвинем эту еще дымящуюся кучу от себя подальше.

—Их унижают, мучают, их сторонятся —это еще если им повезет, в большинстве же своем они вынуждены сносить оскорбления. В самый разгар зимы их выпихивают курить на улицу, и они там трясутся от холода. Я хотел бы спросить у этого джентльмена из ЦКЗ, если он действительно оттуда, что он думает о недавней вспышке пневмонии.

— Какой еще вспышке? Не было никакой вспышки.

—Хо! И кто из нас врун? Вспышка была, Лэрри, вспышка этой страшной, губительной для жизни болезни, и она превосходно документирована медицинскими авторитетами, большое им спасибо. А чем она вызвана? Да тем, что курильщиков выставляли под открытое небо при минусовых температурах. Постарайтесь все-таки смотреть фактам в лицо, сэр, вы и вам подобные обратили в прокаженных пятую часть населения Соединенных Штатов. Это называется тиранией большинства—вот и давайте о ней поговорим.

— Сдаюсь, Лэрри, если я послушаю его еще минуту, я впаду в буйное помешательство.

— Весьма эмоционально, — сказал Лэрри. — Херндон, штат Виргиния.

—Да-а, — произнес мужской голос тоном, в котором ощущалась некоторая

нервоз-ность,—у меня вопрос к мистеру Нейлору. Я хотел бы узнать его мнение о никотиновых пластырях, которыми многие сейчас увлекаются.

— Хороший вопрос, — сказал Лэрри.

— Да, хороший. Честно говоря, сэр, нас в Академии табачных исследований несколько смущает их! популярность.

— Почему? — спросил Лэрри. — Они снабжают организм никотином, как и сигареты, а вы ведь считаете, что сигареты не приносят вреда.

— Видите ли, — сказал Ник, — обычные сигареты вводят в организм относительно малые количества никотина, даже очень малые. Между тем как один-единственный из этих смертельно опасных пластырей...

— Минуточку, — перебил его Лэрри, — вы сказали: «смертельно опасных»?

— Ну разумеется. Люди по всей стране мрут от них. С этим, наверное, согласился бы даже грозный доктор, с которым мы только что разговаривали.

— Я читал, что у некоторых людей, продолжавших курить после того, как они стали пользоваться этими пластырями, случались сердечные приступы, — сказал Лэрри — Но...

— Вот-вот. Сердечные приступы. Знаете, что я вам скажу, Лэрри, и вам, мистер простите, не знаю вашего имени, мистер из Херндона, я бы эту липучку и близко к своей коже не поднес.

— Любопытно услышать это именно от вас, — произнес голос. — Буду с ними поосторожней. Послушайте, Лэрри, кто-нибудь раньше грозился убить одного из гостей вашего шоу?

— Нет, — сказал Лэрри,—хотя нам часто звонят очень сердитые люди.

— Ну так считайте, сегодня у вас удачный день, поскольку я как раз и звоню сообщить вам, что на будущей неделе мы собираемся погасить мистера Нейлора — за в беды и страдания, которые он породил на этом свете.

Наступила неловкая пауза.

— Погодите минутку,-произнес,наконец,Лэрри,-вы что же , угрожаете ему?

— Да ,Лэрри.Приятно было побеседовать с вами.Хорошее у вас шоу,-послышался щелчок.

— Весьма эмоционально,сказал Лэрри.

Глава 9

Короткая заметка в разделе «Надежный источник» последнего выпуска «Сан» была,оазаглавлена : «Человек,позвонивший в шоу Кинга,угрожает «погасить»представителя табачного лобби».Ник почувствовал обиду.Этот ти – явный псих,не знающий,куда девать свободное время ,но чего добивается «Сан»,приделявая каламбур к сообщению об угрозе убийства? В этом безумном,свихнувшемся мире?

Ник прямо из машины позвонил в «Сан»,объяснил телефонистке,что у него имеется жалоба , которую он хотел бы довести до сведения заместителя главного редактора, и телефонистка переключила его на автоответчик.

—Вы звоните в отдел жалоб «Вашингтов Сан».если вы считаете,что вас неточно процитировали ,нажмите еденицу.Если ваш разговор с репортером не предназначался для печати,но вы тем не менее были

упомянуты в статье ,нажмите двойку. Если вы предоставили информацию на условиях полной конфиденциальности, но были названы по фамилии , нажмите тройку.Если вас процетировали точно, но вы считает , что репортер выпустил суть сказаного , то нажмите четверку. Если вы являетесь конфиденциальным источником сведений, имеющих отношение к Белому дому,и звоните,желая предупредить журналиста, что приездент разгневан утечной информации и распорядился проверить все исходящие вызовы, зарегистрированные в учетной книге Белого дома,нажмите пятерку.Чтобы поговорить с редакторомЮнажмите шестерку.

Ник утомился и положил трубку.Телефон тут же затренькал.Это была Гэзел,встревоженная тем ,что Дженнет носиться по Академии, рассказывает всем , что пять или шесть крупных фармацевтическиз фирм,производящих никотиновые пластыри, грозят обратиться в суд , если Ник не выступит с заявление ,дизавуирующим сказаное в шоу Кинга.Вот в чем прелесть автомобильного телефона: ты еще и до работы не добрался а утро уже изгажено.

В коридорах встречные приветствовали его.

—Здорово,Ник,так держать!

—Ты как,Ник,в порядке?

—Господи,Ник,кто этот тип?

Гэзел принесла ему чашку кофе,сообщив ему при это что его хочет видеть БР.

Когда он вошел в кабинет начальника, там уже сидела Дженет.Она вскочила, подлетела к Нику и ... обняла его.

—Слава Богу! – сказала она.

—Ник, - собрав чело в три озабоченные складки,произнес БР, - с тобой все в порядке?

—Да .А в чем дело?

—Дело в том , - в голосе БР послышалось удевление, - что твоя жизнь в опасности.

Ник закурил «кэмел».Приятно , что теперь он может курить в кабинете БР.

—Да брось.Мало ли придурков на свете.

—У меня на этот счет иное мнение.И у Капитана тоже.

Ник выдохнул дым.

—У Капитана?

—Он только что мне звонил.Капитан хочет, чтобы тебе обеспечили полную защиту, до тех пор пока ... пока мы не будем знать, с кем имеем дело. — Дурдом.

—Извини, Дженнет,—сказал БР,—ты не могла бы оставить нас вдвоем? Дженнет вышла.

— Ник, наши с тобой отношения сложились не очень удачно, это моя вина, и я приношу тебе извинения. Я иногда веду себя довольно гнусно. Тут... тут все дело в среде, в которой я начинал, в торговых автоматах. Это жестокий мир. Меня временами заносит. Не обращай внимания. Я только недавно по-настоящему понял, какую ценность ты представляешь для нашей табачной команды. Так что,—БР улыбнулся,—моя забота о твоей безопасности вызвана не одними лишь теплыми чувствами. Мне просто-напросто не хочется, чтобы ты нас покинул. И уж тем более, стал жертвой какого-то психопата.

Ник был ошарашен.

—Ну,—выдавил он,—я тебе очень признателен, БР.

—Стало быть, договорились. Тебе выделяют охрану.

— Постой-постой, на охрану я не согласен.

— Если хочешь, скажи это Капитану, Ник.

—Да я получаю дюжины, сотни угроз. У меня их целая папка набралась, так и называется: «Угрозы». Стоит на полке под литерой «У». Какой-то идиот написал, что собирается обмазать меня смолой и вывалить в перьях. Набрать одноразовых сигаретных мундштуков с фильтрами, вытопить из них целую бочку смолы, намазать меня ею, а после вывалить в перьях. Нельзя же к такой ерунде относиться серьезно.

— Тут другое дело. Живой эфир, национальное—да что там, международное телевидение. Если даже считать, что звонил какой-то псих, он мог заронить эту мысль еще и чью-то голову. Насколько я помню, есть такой термин—«имитационное убийство». Как бы там ни было, рисковать мы просто не вправе.

— Ты хочешь сказать, — спросил Ник, — что ко мне приставят телохранителя?

—Телохранителей, множественное число.

— Не было печали. Это совсем не в моем стиле.

— Тогда разговаривай с Капитаном сам, — сказал, протягивая Нику телефон, БР. Кстати, в нашем городе телохранитель—это знак высокого положения.

— Черт подери, что же мне теперь — наркобарона изображать?

— Не подумай, что я хочу нажить капитал на безобразной ситуации, но, как бы это выразить? — короче говоря, обстоятельства — прискорбные обстоятельства—таковы, что старший вице-президент крупной деловой ассоциации вынужден обзаводиться охраной, чтобы его не прикончила горстка антитабачных фанатиков, и это здесь, в столице

государства...

— А ты, похоже, все как следует обмозговал.

—Ник, может быть, это то самое дерьмо, из которого нам удастся слепить конфетку

—Возможно, и все же...

— Значит, договорились. С Хизер Холлуэй из «Мун» ты сегодня завтракаешь?

—Да,—ответил Ник, дивясь осведомленности БР. Дженнет.

—Ну вот, она увидит твоих телохранителей и упомянет о них в статье. Нам это только на руку.

От БР Ник ушел в препоганом настроении. Из своего кабинета он позвонил Капитану и спросил, действительно ли это смехотворное распоряжение исходит от него. Да, та оно и было, причем об отмене его Капитан и слышать не желал.

— Будем считать, сынок, что это свидетельство того, как высоко мы тебя ценим. Рисковать мы не вправе. Я только что говорил по телефону со Скипом Биллингтоном и Лемом Татвейлером, так они вообще хотят усадить тебя в бронированный автомобиль Биллингтон и Татвейлер возглавляли, соответственно, «Блу Лиф Тобакко, Инк.» и «Тарном», самые крупные из фирм, входящих в табачную Большую шестерку, вследствие чего оба занимали кресла—очень просторные кресла—в совете директоров АТИ.

—Я думаю,—сказал Ник, — что мы переоцениваем этого психопата.

— Ты уж позволь нам об этом судить, ладно? Как там подвигается голливудский проект?

Ник замялся—правильный ответ был: никак. Капитан со свойственной ему проницательностью мгновенно понял это.

—Надеюсь, ты сумеешь заняться им как можно скорее. Вообще говоря, сейчас, когда ты стал мишенью для террористов...—по мнению Ника это было сказано слишком сильно, однако паранойя—штука заразная, так что и сам он начинал уже нервничать, — ...тебе, может, и стоит на несколько дней убраться из города, слетать туда и... они ведь все там прохлаждаются с утра до вечера у бассейнов со своими телефонами и очаровательными звездами, верно? Так что поездка может оказаться приятной,—Капитан хмыкнул.

— С другой стороны, почему бы тебе не приехать сюда и не поруководить немного табачным бизнесом, а я смотаюсь в Голливуд и сам поваландаюсь у бассейнов с красивыми женщинами. Только не рассказывай об этом предложении миссис Бойкин, не то она мне в толчок крокодила запустит. И продолжал, уже серьезным тоном:

— В общем, слушайся ребят из службы безопасности и особенно не высовывайся. Кстати, БР сообщил тебе о моем знаке признательности?

— Да, сэр, сообщил, — ответил Ник, спохватившись, что он так и не поблагодарил Капитана за чрезвычайно щедрое повышение жалованья. — Спасибо. Вы очень добры.

— Табак сам о себе заботится. Когда доберешься до бассейна, позвони мне, расскажи, какие там женщины. Мне нравится одна — как же ее?.. — блондшючка, помнишь фильм, где они наживались на феллахх, которые бросались со скалы, обвязав ноги резиновым жгутом...

—Фиона Фонтейн.

— Точно. Отличный экземпляр. Вот если ты ее закурить заставишь, это будет нечто.

Ник пошел к Карлтону, бывшему агенту ФБР, похожему на кого угодно, только не на агента—более всего на мороженщика с благодушной от глупости физиономией. Ко всему прочему Карлтон был коротышкой, тихим и щуплым. Вот только глаза его имели обыкновение все расширяться и расширяться, пока вы ему что-нибудь рассказывали, так что под конец разговора он взирал на вас, как на серийного убийцу с топором в руках.

— Я тебе честно скажу, Ники, — работники службы безопасности прибегали к [уменьшительным именам, полагая, что таким образом они сразу оказываются с вами на короткой ноге, — по-моему, мы перебарщиваем.

— Ха, это ты мне рассказываешь? — сказал Ник.

— Однако сверху велели обеспечить твою безопасность, так что мы закрепим за тобой целую группу.

— Группу? Насчет группы речи не шло.

—Сверху сказали—группу. Это недешево стоит, можешь мне поверить. Кто-то там, наверху, шибко тебя любит.

Ник застонал, а Карлтон продолжал гнуть свое:

— Смотри на это дело так: ты сэкономишь целое состояние на одних только разъездах.

—Ну уж дудки, — сказал Ник. Компания предоставила в его распоряжение «БМВ», и Нику нравилось водить эту машину.— Водить я буду сам. Хотят ездить за мной, пусть ездят. Но за рулем буду сидеть я, причем один.

—Ники, Ники, Ники.

—Карлтон, не называй меня так больше, ладно?

—Послушай,—сказал Ник Майку, главному из трех охранников,—не могли бы вы хоть в ресторан за мной не тащиться? Мне нужно побеседовать с журналисткой, а если я вопрюсь туда с вами со всеми, я буду чувствовать себя полным слизняком.

—Не могу, Ники. Приказ.

И Ник вошел в «Иль Пеккаторе», стараясь по возможности опередить троицу своих совершенно очевидных охранников. У каждого выползал из-под воротника и вползал в ухо идущий от рации проводок. Хотя с кем им было держать связь? Ник сильно подозревал, что ребятам просто-напросто хочется, чтобы их принимали за агентов Секретной службы. Он оглядел ресторанный зал. Сенатор Финистер отсутствовал—после того прискорбного инцидента он по возможности избегал «Иль Пеккаторе». Зато присутствовал его племянник, сенатор Ортолан К. Финистер, завтракал с обозревателем «Сан» Алексом Бимом — несомненно объясняя, до чего ему не с руки баллотироваться в губернаторы штата Виргиния, «когда у него столько работы здесь, в Конгрессе» и так далее и тому подобное.

На месте была уже и Хизер Холлуэй — сидела за угловым столиком, просматривая подготовленные к интервью заметки.

Хм. Действительно очень мила, этакая помесь Морин О'Хара с Бонни Райт, но без единого седого волоса. В очках. Ник считал, что очки делают женщину более эротичной. Аналитичка, к которой он таскался во время развода, поведала ему, что в этом его воззрении таится глубокий смысл, но какой — не сказала, велев Нику догадаться самому. Ник ответил ей, что, получая семьдесят пять долларов за час—за пятьдесят минут, если быть точным, — она могла бы, черт побери, быть поразговорчивей, однако аналитичка твердо стояла на своем. Фигура, да, пожалуй, насчет фигуры Бобби Джей был прав, фигура более чем привлекательная, округлая, но спортивная. Так, а что у нас под столом? Ух ты! Светлые, цвета слоновой кости чулки. Зеленый костюм с короткой юбкой, открытая шея, золотые серьги. Улыбается ему из-за очков. Ямочки на щеках. Ямочки!

— А это кто? — спросила Хизер после того, как Ник представился, и указала на Майку, Джеффа и Томми, его телохранителей.

— Не для печати?

—О нет,—она улыбнулась,—для печати. В том, что вы приятный собеседник, я не сомневаюсь, но у нас же не публичный завтрак. Что ж, начало обнадеживающее. Ник объяснил, в чем дело, подчеркнув, что считает охрану ненужной.

— Я разговаривала со множеством людей, — сказала Хизер, — которые относятся к вам не... ну, то есть я не назвала бы их вашими страстными поклонниками.

— Никуда не денешься — табак, — Ник открыл меню. — Палтус «in flagrante» — рекомендую.

— «In flagrante»?

— Названо в честь сенатора Финистера. Хизер недоуменно смотрела на него.

— Ну, помните, его прервали в самом разгаре... здесь, в отдельном кабинете? Вы могли читать об этом в газетах.

А ты мог бы воздержаться от сексуально окрашенных шуточек сомнительного вкуса (и остроумия тоже) хотя бы в первую минуту знакомства. При рыжих ее волосах она вполне может оказаться

католичкой.

— В общем, здесь все неплохо. Спагетти. Телячья отбивная а-ля Валдоста, очень хороша. А форель так просто великолепна. С кучей миндаля — если вы любите миндаль.

Хизер попросила принести ей салат и минеральную «Сан-Пеллегрино», отчего почувствовал себя обманутым в лучших ожиданиях официантом. Сам он, оказавшись пленником собственных рекомендаций, заказал форель, хотя форель с кучей миндаля была далеко не любимейшим его блюдом.

— Ну-с, — осведомился Ник, — и давно вы в мунитах ходите? Я хотел сказать, дав но ли вы в «Мун»?

Молодец! Две минуты — две глупости. Теперь добавь что-нибудь обворожитель-5 вроде: «Грудь у вас — просто блеск! Настоящие?»

— Год, — ответила Хизер. — Можно, я включу диктофон?

— Ради бога, — великодушно позволил Ник. Она положила диктофон на стол между ними.

— Мне всегда кажется, что вот вернусь я в редакцию, а на ленте ничего нет, кроме статических помех.

— Это мне знакомо.

Духи. «Dioressense»? «Krizia»? «Fracas»? Похоже, «Fracas».

— Это, случаем, не «Fracas» от вас веет?

— Нет.

— О!

— В прошлом году, когда «Стоуне» выступали в Кап-центре, — включив диктофон, сказала она, — я брала интервью у Мика Джаггера. Вернулась к себе — на пленке одно Шипение. Думала, меня выгонят. Пришлось восстанавливать все, что он говорил, по памяти. Выделяя курсивом.

— Ну, — сказал Ник, — он все равно ничего интересного сказать не способен.

По взгляду, брошенному на него Хизер, Ник понял, что, забрасывая грязью самую большую икону рок-н-ролла, ему навряд ли удастся стать в ее глазах более привлекательный. Правда, человек, занимающий пост общественного представителя вашингтонской деловой ассоциации, по определению наделен сногшибательной сексуальной привлекательностью...

— То есть, — продолжал он, — я, вообще-то, и сам поклонник «Стоуне». Просто... Проснись, Ник!

— Итак, — сказал он, — о чем, собственно, вы собираетесь писать? Да, вот именно, давайте поговорим обо мне.

— О вас.

— Видимо, я должен чувствовать себя польщенным.

— Поначалу я собиралась написать о том, что я называю «новым пуританизмом».

— Да, этого добра у нас тут хватает. Оливок?

— Нет, спасибо. Я думала побеседовать с лоббистами непопулярных индустрии. Табак, оружие, крепкие напитки, асбест, китовый промысел, токсичные отходы, ну, вы — Все те свиньи, что разоряют планету и губят человечество.

— Не обязательно, — покраснев, сказала Хизер. — Потом увидела вас в шоу Опри подумала... в нем есть что-то интересное.

— То есть идея состоит в том, чтобы выяснить, как мне удастся жить в мире с собой, сказал Ник, вгрызаясь в обжигающий кусочек

поджаренного хлеба.

— Нет,—улыбнулась она. —Я вовсе не уверена, что для вас это проблема. Во всяком случае, не больше, чем для...

— Геббельса?

—Я не о нем подумала,—осторожно сказала Хизер,—хотя аналогия интересная, значит, вот кем вы себя считаете?

«Лоббист считает себя Геббельсом от торговли».

— Ничуть. Я считаю себя промежуточным звеном между двумя сегментами общества, пытающимися как-то приспособиться один к другому. Пожалуй, меня можно назвать посредником.

—Или сводником?

—Виноват?

Хизер полистала страницы своей записной книжки. «Массовый убийца», «спекулянт», «сутенер», «кровосос», «детоубийца», «яппи-Мефистофель», ага, вот оно, «массовый сводник».

—Что там у вас?

—Интервью. Я брала их, готовясь к нашей встрече.

— И с кем вы разговаривали? С главой ассоциации «Легкие»?

—С ним пока нет.

—Честно говоря, не похоже, что у вас получится очень уж объективная статья.

— Вот вы и посоветуйте, с кем мне еще поговорить.

— Для начала, с пятьюдесятью пятью миллионами американских курильщиков. Или! с табачными фермерами, которых третируют, как производителей кокаина, хотя единственное их преступление в том, что они производят совершенно законный продукт. У них, знаете ли, наверняка имеется свой взгляд на эту проблему.

—Я вас обидела. Простите. Я действительно собиралась побеседовать с фермером.

— У меня среди них много знакомых. Очень милые люди. Соль земли. Могу дать вам несколько телефонов.

— На самом-то деле меня больше всего интересует, почему вы избрали себе такое занятие. Чем вы руководствовались?

—Меня то и дело спрашивают об этом. И ожидают услышать в ответ: «Это испытание сил» или «Возможность доказать, что записанное в Конституции соответствует действительности», — Ник помолчал, задумавшись. — Вам хочется знать настоящую причину? — еще одна задумчивая пауза. — Это позволяет оплачивать закладную.

Судя по всему, его мужественное признание отозвалось в душе Хизер Холлуэй лишь легким разочарованием.

— Мне говорили, что вы, скорее всего, именно так и ответите.

— Да что вы?

— Вы притворяетесь яппи на Нюрнбергском процессе, верно?

—При чем тут яппи? Это термин восьмидесятых годов. А нынче у нас девяностые

— Прошу прощения.

— И к тому же, — продолжал он, принимая обиженный вид,—получается, что вы меня в нацисты зачислили?

—Нет. Это вы почему-то черпаете аналогии из истории Третьего рейха.

— Ну, одно дело называть нацистом себя. Своего рода самоуничтожение. Когда же тебя называет так кто-то другой, получается уже осуждение. Не очень-то это хорошо с вашей стороны.

— Приношу извинения. И все же оплата закладной как-то не годится в качестве жизненной цели.

— То есть совершенно. Хотя девяносто девять процентов всего, что делается в этом мире, дурного и хорошего, делается ради оплаты закладных. Если бы все просто снимали квартиры, мир был бы куда более приятным местом. Ну, и потом детей нужно учить. Вот она, главная сила зла в современном мире.

— Вы женаты?

— Разведен, — чуть поспешней, чем следовало, сообщил Ник.

— Дети?

— Сын. Но он уже почти взрослый.

— Сколько ему?

— Двенадцать.

— Он у вас, видимо, развит не по годам. И как он относится к вашей работе? — Бели честно, двенадцатилеток не очень-то интересует, откуда берутся деньги. Я мог бы податься в вивисекторы, но, пока я способен исправно снабжать его роликовыми коньками и снегокатами, ему это будет до лампочки. Конечно, я не ставлю знака равенства между вивисекцией и табачным делом. На самом деле, я очень сострадаю животным, которых используют в сомнительных научных экспериментах. Тем, которых мучают в НИЗ. Несчастливым кроликам. Сердце разрывается, когда видишь, как они сидят по клеткам, выпуская клубы дыма.

— Дыма?

— Они там устроили такие машинки для курения. Преступники. Слушайте, если я начну выкуривать в день по семь тысяч сигарет, мне, скорее всего, поплошеет. А я курю много.

— Но разве вам приятно, когда вас обливают грязью? Разве нет более легких способов оплачивать закладную и обучение ребенка?

— Если людям нравится воображать меня последним негодяем, между тем как я всего-навсего предоставляю им информацию о законном и, должен добавить, освященном веками промысле, — превосходно, нет проблем. Всегда готов к услугам.

Хизер полистала блокнот, заронив в душу Ника мрачные подозрения.

— Вы ведь работали репортером в ВРТК?

— Угу, — сказал Ник и щелкнул зажигалкой. — Вы не будете против, если я закурю? Похоже, Хизер это позабавило.

— Да, пожалуйста. Эта тема вас не очень смущает?

— Нимало, — сказал Ник, выдыхая дым так, чтобы он не попал ей в лицо, хотя для этого ему пришлось задрать голову, будто бронзовому дельфину в фонтане.

— Я просмотрела тогдашние газетные сообщения, — мягко сказала она, — но, согласитесь, будет лучше, если вы сами мне все расскажете. Чтобы я ничего не напутала.

— Ну, если это и новость, то с бородой. Вы собираетесь построить на ней большую часть вашей статьи?

— Нет. Не большую. Итак, все произошло в Кемп-Лагроун...

— Угу, — Ник неторопливо загасил сигарету. Спасибо Господу, сотворившему сигареты, которые позволяют человеку собраться с мыслями или, по крайности, принять философический вид.

— Вы помните, президент Бродбент любил общаться с молодыми парнями — он-де сам когда-то служил в морской пехоте и все такое. Я сидел в нашем фургоне, прослушивая обмен радиосообщениями. Мы

получили данные о частотах от одного... ну, в общем, от человека, имя которого вам, скорее всего, известно, поскольку вы так и так знаете всю эту историю, — Ник вздохнул. — Стало быть, частоты мы знали, вот я и слушал, Что на них говорится, и вдруг сплошняком пошли сообщения о том, что Бродяга подавился костью и умер. А «Бродяга» — это было кодовое имя, которым Секретная служба обозначала президента Бродбента, причем я знал, что президент в эту самую минуту завтракает с курсантами, так что я, сами понимаете...

— Связали одно с другим?

— Угу. А после выяснилось, что речь шла о другом подавившемся Бродяге.

— Собаке начальника базы?

— Да. Короткошерстным немецком пойнтере. Шестилетнем короткошерстным немецком пойнтере, весившем шестьдесят семь фунтов. Это он подавился куриной костью.

— И?..

— Этот эпизод не способствовал моему продвижению по службе.

— Вы, наверное, ужасно себя чувствовали... мне очень жаль.

— Туг, знаете, с какой стороны посмотреть. Многим ли выпадал случай, объявить народу: «Президент мертв»? Произнося эти слова, испытываешь очень сильные чувства, раже если президент живехонек.

— Да, — сказала Хизер. — Могу себе представить. — Порок? — с нервным смешком переспросил он.

Хизер придвинулась еще ближе и принялась теребить двумя пальчиками шелковый галстук Ника.

— Впрочем, мне редко доводилось видеть его в столь привлекательной упаковке, — Она медленно подняла взгляд и уставилась Нику в глаза. — Ощущение просто болезненное, правда?

— Не знаю, — пожал плечами Ник, — не мне судить.

— Я даже ходила из-за этого к психиатрам. По их словам, все дело в моем отношении к религии, к авторитету церкви. Некоторые женщины заводятся от непристойных разговоров. А я — от общения с нравственными вырожденками.

— Вообще-то, я не считаю себя....

— Ох, — хриловато сказала она, — бросьте вы это и расскажите подробнее о ваших планах пристрастить побольше детишек к курению.

— Вы ничего не перепутали?

— О нет, — сказала Хизер, обмакивая палец в свой «дзабайоне» и неторопливо засовывая его в рот, — не думаю.

— Не для печати?

Грудь Хизер приподнялась.

— Как насчет... полнейшей... конфиденциальности?

— Договорились.

И Ник махнул рукой официанту.

Глава 10

Сверхсовременный торговец смертью:

НИК НЕЙЛОР, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ТАБАЧНОЙ ИНДУСТРИИ

Злонамеренный яппи или сводник,
обслуживающий 55 миллионов
американских курильщиков?

ОН ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО «БОЛЕЕ ЧЕМ ГОРД» ПРОГРАММОЙ АТИ,
НАПРАВЛЕННОЙ ПРОТИВ КУРЕНИЯ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ.

Хизер Холлуэй Корреспондент «Мун»

Бобби Джей и Полли поджидали Ника за их всегдашним столом у Берта, близ под-дельного пламени. На лице Бобби цвела самодовольная улыбка величиной с Башню Трампа. Полли, похоже, еще не решила, как ей относиться к статье Хизер, занявшей в "Мун", в разделе «Стиль жизни», целую полосу, однако запоздавшего к обычному времени Ника она, пока тот усаживался, разглядывала с непривычным любопытством. — У тебя усталый вид, — язвительно сообщила она.

— Тяжелое утро, — пожаловался Ник. — Совещание насчет нашей стратегии в слу-чае запрета рекламы, сочинение меморандума по синдрому тошноты, радиодebаты с Крейгхедом. Представь только — зануды и сволочные скудоумцы используют теперь фразу «табак и другие наркотики» во всех своих публикациях. Так что, отныне мы ничем не отличаемся от торговцев героином. Или алкоголем, — прибавил он, чтобы поддеть Полли.

Он заказал водку «негрони». Милое все-таки дело, эти ленчи «Отряда ТС». Можно пропустить рюмочку чего покрепче в разгар рабочего дня, и никто не сочтет тебя пристрастившимся к бутылке неудачником.

Странно, но в Америке пятидесятых, на самом пике ее промышленной и имперской мощи, люди пили за завтраком двойные мартини. А теперь, в пору ее упадка, пьют шипучую воду. Что-то где-то пошло не так.

— А с ним что такое? — спросил Ник. Бобби Джей сосредоточенно изучал статью Хизер, глаза его бегали по черным колонкам, словно выискивая нечто жизненно важное.

— Никак не пойму, выиграл я свои сто долларов или проиграл, — сказал Бобби. — «Торговец смертью», ну ты подумай. Толковая девушка.

— Неужели ты... — Полли устала на Ника с еле сдерживаемой яростью.

— Разумеется, нет. Кто я, по-твоему, такой?

— На этот счет, — сказала она, постукивая сигаретой по краю пепельницы, чтобы сбить столбик пепла, — у меня полной уверенности не имеется.

Бобби Джей прочитал вслух:

— «Мораль тут решительно ни при чем, — сказал Нейлор корреспонденту «Мун» — Табак представляет собой стопроцентно законный продукт, доставляющий удовольствие почти шестидесяти миллионам взрослых американцев, — точно такой же, как кофе шоколад, жевательная резинка или любой другой освежитель дыхания».

— «Освежитель дыхания»? — переспросила Полли. — Это ново.

Ник подмигнул ей.

— Вроде как мятная карамель, нет? Бобби Джей продолжал читать:

— «Даже враги Нейлора, а их у него немало, признают, что противник он опасный. «Он очень, очень изворотлив, — сказал Гордон Р.

Крейгхед, глава Отдела по предотвращению злоупотреблений дурманящими веществами в Министерстве здравоохранения и социальных служб,

являющегося основным противником табачного лобби на федеральном уровне,—и очень, очень умен, что делает его очень, очень опасным. Его индустрия убивает около полумиллиона американцев в год, а этот хорошо одетый, сладкоречивый, разъезжающий на «БМВ» Йозеф Геббельс ухитряется повернуть все дело так, будто мы выступаем против свободы слова».

— Насчет «БМВ» это он меня здорово уел, — ухмыльнулся Ник.

По счастью, в расписании доктора Вита имелся просвет, что позволило ему принять Ника сразу после завтрака. Несмотря на упоительные ночи с Хизер, в которые дело заходило гораздо дальше простого снятия напряжения, да и удовольствие он от них получал куда большее, чем от «прозака», угрозы, услышанные им у Лэрри Кинга, плюс необходимость таскать за собой телохранителей изрядно его измотали.

Ник посещал доктора Вита уже около года. Обширная клиентура доктора состоял из людей, сильно выкладывающихся на работе. У Ника временами сводило шею, да так, что он не мог повернуть голову, а поскольку часть его работы в том и состояла, чтобы появляться на телевидении в качестве «говорящей головы», последняя должна была вертеться беспрепятственно. Ник последовательно испробовал нервно-мышечный массаж, йогу, иглоукалывание, аппарат электронной релаксации, испускавший блеющие звуки мигающий красными огоньками, каковые, предположительно, убеждали ваш мозг, что вы расслаблены, а не напуганы до смерти; он испробовал валиум, хальцион, атаракс и иные новейшие успокоительные — от одних вроде и был какой-то прок, от других ним кого. В конце концов общественная представительница Ассоциации сбережений и ссуд посоветовала ему повидаться с ее ДО, сиречь остеопатом, самым, заверила она Ника настоящим, дипломированным врачом. Ник отправился к нему, и доктор Вит, приятный молодой человек (Ник с некоторым огорчением стал замечать, что превосходит годами не только большинство полицейских, но и большинство врачей), ощупал его шею, пощелкал языком и провел быструю серию не очень сильных тычков, каждый из них сопровождался жутким треском разнообразных костей, но в результате Ник приобрел способность вертеть головой почти как девочка из фильма «Изгоняющий дьявола». Ник обратился в ярого приверженца МОМ, то есть метода остеопатических манипуляций, и даже время от времени бесплатно помогал профессиональному объединению остеопатов. Это он придумал для них удачную рекламную формулу: «ДО — доктора для народа». Доктор Вит ощупал его трапециевидные мышцы, мышцы подзатылочную и груди-но-ключично-сосковую. Ник уже разбирался в них так же хорошо, как в арлингтонских пригородах, устроенных в общем и целом посложнее человеческого тела.

— Ну и ну, — сказал доктор, разбитной, добродушный уроженец Среднего Запада, — будь это наша первая встреча, я, пожалуй, решил бы, что у вас началось трупное окоренение. Что это вы над собой творите?

Он провел уже привычную серию тычков, но результатом остался недоволен, вышел из кабинета и вернулся, толкая перед собой страшноватую машину на колесиках. Судя по виду этого устройства — все сплошь ремни и электроды, — иракская тайная полиция вполне могла урезонивать с его помощью людей, пишущих на стенах: «Саддам сука!» Доктор Вит смазал грудь Ника каким-то студнем, прикрепил к ней

электроды и сказал:

— Будет немного жечь.

Ощущение было такое, словно тебя лупят по спине крокетными молотками. При каждом разряде лежавшего на столе Ника сгибалось дугой, точно гальванизируемую лягушку на уроке биологии.

—С-сколько в-вольт?

— Уже дошли до тридцати трех. Впечатляет, правда? Выше четырех сотен я подниматься, пожалуй, не стану. Запах горящего мяса может отпугнуть других пациентов.

Доктор Вит питал склонность к черному юмору. Он подробно объяснил Нику, что постоянный ток, проходящий сейчас через его тело, предпочтительнее переменного, способного остановить сердце и вообще сварить человека заживо. По прошествии пятнадцати минут доктор отключил аппарат, повертел туда-сюда голову Ника и объявил, что все еще недоволен достигнутым.

— Вы не подумывали о том, чтобы подыскать для себя работу не столь напряженную? — спросил он, открывая шкафчик и извлекая из него шприц и пузырек с какой-то жидкостью.—К примеру, податься в

авиадиспетчеры?

— И бросить на произвол судьбы пятьдесят пять миллионов уповающих на меня американцев? — отозвался Ник, осматривая свою грудь в поисках ожогов. — А это что?

— Это, — сказал, наполняя шприц, доктор Вит, — предназначено для особо запущенных случаев.

Он всадил иглу в плечо Ника у самой шеи. Ощущение не из приятных, но... — оооооох! — какое блаженство разлилось вдруг по всем его напряженным сухожилиям. Чувство было такое, точно он вдруг вырос до небес.

— Ууф! — сказал Ник, которому казалось, будто он сидит в кружащем на месте маленьком вертолете. — Так что это?

— Новокаин. На нем пока и прервемся.

— А рецепт вы мне на него не выпишете?

— Не стоит. Я дам вам таблетки, называются «сома». Принимайте по четыре в день, за руль не садитесь, а через два дня приходите ко мне.

Катя по пятидесятому шоссе в сторону Вашингтона и прикидывая, как бы ему ото рваться от охраны, Ник чувствовал себя лучше некуда. Он придумал новую игру. Проскочив мост Рузвельта, он резко свернул направо, к Рок-крик, потом налево, к Уайтхер-сту, и взлетел по Фоксхолл к Св. Эвтаназию, где его ожидал преподобный отец Григе. Телохранители, визжа покрывками, подлетели к школе, когда он уже направлялся к ее административному зданию, и, обливаясь потом, бегом устремились за ним.

— Привет, ребята.

Ребята выглядели как-то нерадостно.

— Ники, я тебя очень прошу, не делай этого, иначе одному из нас придется пересесть в твою машину.

— Рас-слабься, Майк. Всего-то кубик новокаина, а сколько удовольствия... Преподобного пришлось ждать, он появился через несколько минут и явно испугался, обнаружив в своей тихой приемной скопище одинаково одетых крепышей.

—А-а, да, — придя в себя, сказал он. — Это, надо полагать, те

джентльмены, о которых я сегодня читал в газете. Ужасная история. Ник сказал «ребятам», что в кабинете преподобного покушения на него ожидать не приходится, и оставил их наедине с выпусками «Англиканского дайджеста» и «Современного учителя», а сам отправился выяснять, ради какого дела его сюда призвали.

—Большое вам спасибо за то, что пришли, — сказал Григе, подводя его к кожаном) креслу. Кабинет, казалось, обставлялся еще в 1535 году: тюдоровский дуб от пола до потолка, узкие окна со средниками, вытертый персидский ковер и чуть приметный залах разливавшегося здесь в последние сто лет сухого хереса.

Для начала они поболтали немного о недавнем весьма спорном назначении женщины на пост викарного епископа. Бывший когда-то давно католиком, Ник смутно предоставлял себе иерархическую структуру англиканской церкви. Собственно говоря, он понятия не имел, что означают слова «викарный епископ», ему всегда казалось, будто это такой епископ, который кого-то победил. Но понемногу до него начало доходить, что речь идет просто-напросто о помощнике епископа.

Поскольку все будущее Джоя зависело от его преподобия Григса, Ник изображал острый интерес к теме разговора, даже когда его преподобие таковой утратил и, откашлявшись, перешел, наконец, к сути дела.

—Как вам известно, мы каждый год проводим аукционы, собирая деньги на содержание наших стипендиатов. Вот я и подумал, может быть, ваша Ассоциация пожелает принять участие в таком аукционе? Из-за нынешнего спада все оказались стеснены в средствах. Даже самые, — он улыбнулся, — денежные из наших родителей.

Господи ты боже мой! И из-за этого Ник целую неделю корчился точно на углях! Между тем как преподобный отец всего-навсего собирался поклониться у него нем нон денег. «Сома» с новокаином привели Ника в благодушное состояние. Теплая, уютна мысль посетила его: в сущности говоря, с 1604 года ничего практически не изменилось. В тот год Яков I, король Англии, опубликовал (анонимно, поскольку писать памфлеты монархам не к лицу) «Осуждение табака». В памфлете сообщалось, что в 1584 году и остров Септед привезли двух индейцев из Виргинской колонии, дабы они продемонстрировали новомодный обычай, именуемый курением. Если судить по стандартам, установленным «Танцами с волками» и «Последним из могикиан», политической корректностью Яков решительно не отличался.

«Какие доводы чести либо политики, — гневался Его королевское величество, 4 способны подвигнуть нас на то, чтобы мы подражали варварской и скотской повадке диких, безбожных, пребывающих в рабстве индейцев, особенно по части обыкновения столь низкого и зловонного?» Далее Его милость признавал, что поначалу курение использовалось в качестве средства для избавления его родственницы, Елизаветы I, от «ос-пин», погубивших ее внешность, но писал при этом, что ныне доктора считают ом мерзостным, отвратительным обыкновением,—представив своего рода отчет Главного врача за 300 лет до опубликованного в 1964-м отчета Лютера Терри.

Что до собственных его воззрений, сообщал Его милость, то курение кажется ем «обычаем, отвратным для взора, ненавистным для нюха, губительным для мозга и опасным для легких, в особенности черным зловонным дымом своим, напоминающим всего более стигийский дым преисподней».

Однако уже к 1612 году Яков I передумал. К этому времени казначейство его трещало по швам, распираемое сборами за импорт табака, который ввозился из Виргинской колонии, расположенной в долине названной в его честь реки. Собственно, Его величество не соизволил сказать более ни единого слова относительно сего мерзостного обыкновения. Что, кстати, напоминает нынешнее поведение правительства США, которое то и дело вскрикивает, совсем как капитан Рено после перестрелки в кафе Рика: «Это ужас, ужас!», между тем как его торговые представители насаждают на другие правительства— в особенности на азиатские, — требуя, чтобы те не особенно усердствовали по части предупредительных наклеек и тарифов при ввозе в их страны американского зелья.

— Ничего, если я закурю?

На миг его преподобие остолбенел.

— Нет, конечно. Пожалуйста, да, разумеется.

Ник закурил «Кэмел», воздержавшись, впрочем, от того, чтобы выпустить дым плотным колечком, хотя из него получился бы превосходный нимб для головы его преподобия.

—А... пепельница?

— Конечно, конечно, минуточку, — пробормотал преподобный отец, беспомощно оглядывая свой кабинет. — Пепельница у нас наверняка где-нибудь имеется.

Однако пепельницы нигде видно не было, а сигарета Ника уже дымилась, точно запальный шнур. Ник, чтобы ускорить процесс, затянулся поглубже.

— Маргарет, — отчаянно воззвал в телефон его преподобие, — есть у нас где-нибудь пепельница? Любая, да.

И преподобный отец снова сел.

— Сейчас найдут.

Ник затянулся еще разок. Пепел опасно навис над персидским ковром. Дверь отворилась, Маргарет внесла треснувшее чайное блюдо с гербом школы Св. Эвтаназия.

— Все, что смогла найти, — произнесла она тоном, в котором смущение смешивалось с негодованием на то, что ей приходится играть роль пособницы при человеке, извергающем черный зловонный дым.

— Да, Маргарет, спасибо, — сказал его преподобие, чуть ли не вырвав из ее руки блюдо и вручив его Нику всего за миг до того, как пепел пал на школьный девиз: «Esto excellens inter se» — «Превосходить друг друга во всем».

— По преимуществу, — сообщил Ник, — мы спонсируем разного рода спортивные состязания. Однако полагаю, нам удастся что-нибудь придумать.

— Чудесно! — сказал его преподобие.

—Мне придется согласовать это с людьми из отдела общественных программ. Впрочем, мы с ними говорим на одном языке.

— Великолепно, — сказал его преподобие, ерзая в кресле времен королевы Анны. —Я вот подумал, будет ли необходимо э-э... промульгировать э-э... происхождение полученных средств?

— «Получено от Академии табачных исследований на выполнение наших программ», —Ник выдохнул дым. — Стандартная формулировка.

— Да, безусловно. Да. Я думал лишь о том, что, возможно, существует какая-то иная... корпоративная организация, которой мы могли бы

выразить благодарность. Э-э... всемерную, разумеется.

— Хм, — произнес Ник. — Вообще-то, есть еще Совет по табачным исследованиям.

— Да, — разочарованно откликнулся его преподобие, — я так и полагал. СТИ попал недавно в выпуски новостей в связи с процессом Бенавидеса. Суд установил, что табачные компании основали СТИ как «витринную организацию» в пятидесятые годы, когда американские курильщики обнаружили, что кашляют они все сильнее а удовольствия получают все меньше. Идея состояла в том, чтобы убедить всех, будто табачные компании спят и видят, прости господи, как бы им досконально разобраться в «вопросах здоровья». В первом же докладе СТИ вина за распространение рака легких и эмфиземы взваливалась на глобальный прирост объемов цветочной пыльцы. Похоже его преподобие все это

знал.

— А каких-либо иных организаций не существует? Ник сложил ладони крышей.

— Мы входим в состав Коалиции за здоровье.

— А! — Его преподобие хлопнул в ладоши. — Замечательно!

Григе проводил Ника до самой машины. И только рядом с ней Ник спросил:

— Кстати, как дела у Джоя?

— Джоя?

— У моего сына. Он учится у вас в седьмом классе.

— О! Превосходно, — сказал преподобный отец. — Очень умный паренек.

— Значит, все в порядке?

— Более чем. Ну что же, — он пожал протянутую Ником руку, — спасибо, что заглянули. Буду ждать новостей от... — он подмигнул, этот сукин сын в собачьем ошейник так-таки взял да и подмигнул! — ...от Коалиции за здоровье.

Глава 11

Новокаин уже выветрился, но Ник, вылетая впереди своей охраны с автостоянки Св. Эвтаназия, по-прежнему пребывал в приподнятом настроении, а то, как он управился с его преподобием, подмешивало к этому настроению толику торжества. «Сома» уж кралась на кошачьих лапках по центральной нервной системе Ника и мурлыкала там или шипела, отгоняя дурные мысли. Он оторвался от Майка с ребятами, внезапно свернув с Массачусетс авеню налево — на красный свет, — чудом уклонился от летевшего навстречу фургона химчистки, едва не передавил целую компанию возвращавшихся из мечети мусульман и только тут вспомнил наконец, что доктор Вит не велел ему и за руль-то садиться, а не то что изображать Парнелли Джонса в самой гуще городского движения;

Дженнет позвонила ему в машину сообщить, что он нужен ей на совещании о выработке реакции АТИ на посвященный пассивному курению отчет Агентства по по ране окружающей среды, который будет опубликован на следующей неделе. И еще одна хорошая новость замаячила на горизонте табачников: Эрхард, их научный эксперт, подготовил доклад насчет того, что курение сдерживает развитие болезни Паркинсона.

— Буду через десять минут,—сказал Ник, уже испытывая усталость от перспективы участия в очередном совещании. Вся его жизнь — одно сплошное совещание. Интересно, в средние века люди тоже совещались с утра до вечера? А в Древнем Риме, в Греции? Не диво, что обе эти цивилизации погибли — видимо, упадок и визиготы в конце концов показали им предпочтительней все новых и новых совещаний.

—Я заскочу в «Кафе Оле», запасусь капучино, — Ник зевнул, ощущая во всем организме некую «сома»-тозность. — Тебе прихватить?

—О да, пожалуйста.

Он оставил машину в подземном гараже, с удовлетворением отметил отсутствие Майка, Джефа и Тома—тоже мне, телохранители — и поднялся наверх, в Атриум. Здесь находилось около дюжины заведений с названиями вроде «Пекинский гурман» (весьма посредственный интерьер и цыплята с глютамином), «Паста-Паста» (развесная торговля Спагетти), «ПИЙ» (Просто Изумительный Йогурт) и «А ну-ка, бублики!». Вокруг фонтана располагались столики, за которыми можно было поесть. Хорошее, в общем, место для перекуса, особенно вашингтонским летом, когда мало кому хватает решимости вылезать на плавающийся тротуар.

Ник стоял у прилавка «Кафе Оле», дожидаясь двух своих двойных капучино, как вдруг ощутил уставленный ему в спину взгляд. Он обернулся, но никого не увидел—не считая какого-то бродяги. Ник, рожденный в 1952 году, по старинке называл их «бродягами» вместо «бомжей», но, разумеется, про себя, а не в лицо. Некоторое время назад он пытался протолкнуть программу бесплатной раздачи сигарет в приютах для бездомных, однако записные антитабачные горлопаны пронюхали о ней и надавили на Министерство здравоохранения, чтобы оно воспрепятствовало ее осуществлению, так что люди, более кого бы то ни было нуждающиеся в бесплатном куреве, такового не получили. Ник знал большинство бродяг, попрошайничавших в Атриуме, пока их не шугала охрана, но этот был ему незнаком. Недурной образчик — крупный, нескладный, а уж грязен! Бродягу облекали останки дюжины, примерно, разных пальто. Волосы сальными прядями свисали на лицо, похоже раззнакомившееся с водой и мылом где-то в семидесятых.

Бродяга приблизился.

—Щитвертаканинайжется? — глаза у него были неожиданно ясные, у большинства ему подобных они смахивали обычно на желтки протухших яиц.

Ник протянул бродяге доллар и спросил, не хочет ли он покурить.

—Жааблажаславитибябох.

Ник отдал ему всю початую пачку.

— Ашпицки?

Ник отдал ему и разовую зажигалку.

Принесли капучино. Ник направился к эскалатору, ведущему к холлу с лифтами. Бомж поплелся за ним. Ник вовсе не собирался завязывать с ним близкое знакомство, но, как бывший католик, так и не смог совершенно избавиться от мысли—хоть и считал ее глупостью, — что один из этих убогих вполне может оказаться Христом в штатском, пришедшим посмотреть, кто являет милосердие к ничтожнейшим из тварей Его и кого, стало быть, Он сможет в дальнейшем избавить от вечного пламени, в сравнении с которым и летний Вашингтон покажется Антарктидой.

—Как тебя зовут?—Спросил Ник.

—Режжжарх.

—Ник. Ты откуда?

— Балмурр.

— Приятный город, — они уже поднимались по эскалатору. Ник сказал: — Ладно, удачи.

Что-то ткнуло его в середину спины, что-то, похожее на кончик зонта.

Затем он услышал, как голос — определенно принадлежавший бродяге, но звучащий совсем иначе — произнес:

— Не оборачивайся. Не дергайся и не вякай. Это дуло девятимиллиметрового, не будешь делать, что тебе говорят и когда говорят, окажешься в морге с биркой на ноге раньше, чем остынет твой кофе.

В качестве вступительного слова это, несомненно, производило сильное впечатление. Эскалатор кончился. Их окружало множество людей, и Ника подмывало крикнуть: «На помощь!» — но этот голос... голос очень и очень не советовал ему так поступать.

— Видишь тот лимузин? — спросил бродяга.—Топай к нему, но медленно. Бежать не надо.

Ник и не побежал. Окна лимузина были непроницаемо черны. До него оставалось футов пятьдесят. Вот он, Ник, вот люди—и вот его среди бела дня похищают на глазах у сотен свидетелей. И—для чего?

Не дойдя до машины футов пяти, Ник притормозил. Пистолет впился в спину.

—Пошевеливайся.

Надо запомнить подробности. Черный. Нет, темно-синий. «Кадиллак».

Нет, «линкольн». Нет, «кадиллак». Здорово ему это поможет. Лимузины в Вашингтоне так редки...

Распахнулась задняя дверца.

В сознании Ника замельтешили все истории о бейрутских заложниках, какие он когда-либо слышал. «В последний раз его видели четыре года назад—запихиваемым в багажник черного «седана». Его, по крайней мере, хоть в багажник не запихивают...

Ник ощутил боль в руках. Он так и держал два пластиковых стакана с кофе. Сердце колотилось. Кофеин ему не понадобится.

Резко повернувшись, он швырнул стаканчики в бродягу с пистолетом. Стаканчики ударились о грудь бродяги и отскочили. Но крышки на них удержались. Стаканчик» шмякнулись на пол и лопнули, ошпарив Нику ступни пенистым капучино. Сколько раз за последние годы пластиковые крышки таких вот стаканчиков слетали в самое неподходящее время, обжигая ему руки, колени, портя обшивку сидений в машине, оставляя бурые пятна в паху светлых летних брюк—как правило, перед важной встречей. Но не сейчас, не в тот единственный в жизни раз, когда ему это действительно было нужно,—сейчас они держались, наглые, насмешливые пластиковые ублюдки.

Бродяга затолкал его на заднее сиденье. Ник успел еще приложиться головой о косяк дверцы. Бродяга дернул его на себя, и пока в зрительных нервах Ника пульсировал все звезды Млечного Пути, на голову ему сноровисто натянули черный шелковый мешок, а руки связали за спиной чем-то вроде ленты, какой стягивают мешки с мусором. Машина медленно тронулась, выруливая на улицу.

—Привет, Ник. Данятно наконец-то повидаться с тобой. Станный акцент, среднеевропейский; вкрадчивый, елейный голос.

—В чем, собственно, дело?—спросил Ник.

—Как тебе там дышится, под мешком? Будет просто ужасно, если ты не сможешь дышать,—короткий смешок. Что-то знакомое в голосе, что-то...

—Куда мы едем? — спросил Ник.

—Какой невероятно нереалистичный вопрос, Ник. Ты полагаешь, что мы назовем тебе адрес?

Акцент. Точно—Питер Лорри, актер, игравший в «Касабланке» маленького, сального проходимца, как же его? Угарте. Но Лорри, насколько Ник помнил, давным-давно помер.

— Это все ради выкупа?

— Это все ради дакладной, Ник.

Смешок. Ник решил воздержаться от дальнейших попыток завязать дружескую беседу.

Примерно через полчаса машина остановилась, дверцы открылись, чьи-то руки выволокли его наружу, затем он услышал стук отворявшихся и захлопывавшихся дверей, приглушенные голоса, поднялся по лестнице, спустился в какую-то комнату, растворилась и захлопнулась еще одна дверь, его затолкали в кресло, привязали лодыжки к ножкам. Все это не обнадеживало. Мешок с головы не сняли. А вот это обнадеживало: значит, они не хотят показывать ему свои физиономии. Нику развязали руки, а затем началось то, что Нику ничуть не понравилось,—его стали раздевать.

—Простите. Что происходит?

—Не беспокойся, Ник, женщин д' десь нет. Можешь не стесняться. Этот голос. Вкрадчивый, пугающий. Голос из фильмов с Питером Лорри, даром что «Касабланка»—одна из любимых его картин.

—Ах да, прости, ты, наверное, умираешь от желания покурить.

Это верно, сигарета ему сейчас не помешала бы.

—С другой стороны, если ты немного подождешь, то получишь столько никотин сколько сможешь усвоить.

Смех. Отнюдь не внушающий розовых надежд—смех человека с серьезно расстроенной психикой. И все же надо постараться поддерживать разговор.

—Может быть, нам стоит обсудить происходящее? Людям обычно объясняют, ради чего их похитили. Иначе вроде бы получается бессмыслица.

—Ты днаешь, ради чего, Ник. Мы хотим, чтобы ты перестал убивать людей. Многих многих людей. Больше полумиллиона в год. И это только в Соединенных Штатах.

—Нет никаких данных, которые подтверждали бы это,—сказал Ник. — Ник! Это не пройдет. Ты не в шоу Опры Уинфри.

—Да ведь настоящая цифра и близко к полумиллиону не лежит. Даже антитабачные Горлопаны не решаются называть больше 435 тысяч.

— Горлопаны. Очень данятно, Ник. Это ты так именуешь людей, которым хочется, чтобы табачные компании перестали совершать в погоне да прибылями человеческие жертвоприношения?

Ника уже раздели до трусов. Он услышал звук открываемых картонных коробок. Когда вам на голову надевают непроницаемый мешок, вы приобретаете восприимчивость к разного рода шумам. Послышался треск, с каким разрывается пластик.

Рука надавила Нику на грудь. Он подскочил в кресле, напрягая лодыжки и заново связанные запястья. Рука отстранилась, что-то оставив на

груди, что-то липкое, льнущее, да бандаж.

Другая рука—или та же—прижалась к груди, чуть сместясь, и тоже что-то оставила. Так оно и продолжалось, пока ему не залепили всю грудь, а следом руки, спину и ноги, от трусов до лодыжек.

Настал черед лба и щек. Скоро оклеенным оказался каждый квадратный дюйм его тела. Поерзывая в кресле, он ощущал себя некой клейкой массой, слепленной из пластырей куклой.

—Послушайте, может, все-таки поговорим?

— Ты помнишь, Ник, как я пообещал у Лэрри Кинга тебя погасить?

Меня? Погасить? До Ника дошло наконец, что этот психопат облепил его с головы до ног никотиновыми пластырями. И стало быть, прямо сейчас огромное, может быть, смертельное количество никотина просачивается сквозь кожу в его кровь. Оно конечно, научных доказательств того, что никотин вреден, не существует...

Он произвел в уме вычисления. Сколько там никотина в одном пластыре

— двадцать два миллиграмма? А в сигарете около одного, то есть каждый пластырь — это примерно пачка сигарет... а на него, похоже, налепили штук сорок... четыре блока? Даже по меркам табачной индустрии для одного дня многовато.

— Радреша я тебе кое-что почитаю,—сказал Питер Лорри. — Это ид листка, который прилагается к пластырям, по одному на коробку.

Надывается «Побочное действие». Мой любимый рад'дел. Насчет опухолей в дашечных мешках хомяков и передних отделах желудков крыс Ф344 мне не очень интересно. Я даже понятия не имею, что это да крысы такие. Вообще, тут столько всего понаписано, прямо не днаю с чего начать. Давай я тебе пивное дачитаю.

Ника начинало подташнивать. И пульс, похоже... конечно, он нервничает—как тут не нервничать? — но сердце бьется слишком уж быстро.

—Послушайте, я считаю, что некурящие имеют полное право дышать воздухом, не смешанным с табачным дымом. Наша индустрия трудится рука об руку с общественными и правительственными организациями, добиваясь того, чтобы...

— Ник... Ты просто слушай, ладно? Тут скадано «эритема». Днаешь, что это? Мне так пришлось в словаре посмотреть. Покраснение кожи, вот что, вроде как от химического отравления или когда на солнце обгоришь. Осмелюсь даметить, у тебя будет ну очень красная кожа, Ник. Может тебя даже в кино водьмут, на роль индейца. Хе-хе. Ой, прости, Ник, это была неудачная шутка.

—Моя индустрия получает в год сорок восемь миллиардов прибыли. Мне кажется, для вас тут кроются очень интересные возможности. Думаю, никто из присутствующих здесь не откажется пораньше уйти на покой и скоротать остаток дней на Сен-Бартеле или еще где-нибудь.

— А вот это я и сам понял. «Боли в брюшной полости, сонливость» — это когда в сон клонит, верно?—«кожная сыпь, потливость. Боли в спине, дапор, диспепсия, тошнота, миалгия». Ну и словечки у них. А, вот хорошо: «головокружение, головная боль, бессонница». Чего-то я не понял, то у них сонливость, то бессонница. Ладно, выясним опытным путем. Днаешь, Ник, ты внесешь черт-те какой вклад в науку. Про тебя напишут в «Медицинском журнале Новой Англии». Ну-с, что еще? «Фарингит»? Это когда по горлу полоснут, что ли? «Синусит и... дисменорея». А вот что это такое, я и днать не хочу, уж больно

страшно двучит. Ты мне про нее поподже расскажешь.

Жжет. Сильно жжет кожу.

— По-моему, для начала вам стоит потребовать пять миллионов. А после поднять цифру. Не хочу хвастаться, но на мне держится очень важная часть нашей стратегии в сфере средств массовой информации, так

что...

— Да ведь мне деньги-то не нужны, Ник.

— Так что вам тогда нужно? Мне не терпится услышать. Сердце. Ничего себе! Бу-бум, бу-бум.

— А что нужно каждому ид нас? Скромный достаток, любовь достойной женщины, не слишком большая дакладная, хорошо поджаренный бекон. У Ника совсем пересохло во рту да еще появилось чувство, будто его завернули в фольгу. В голове бухало. Сердце дергалось, как отбойный молоток. И в желудке начало что-то такое завариваться... что долго там не задержится.

— Фуух.

— Кстати, ты видел статью в «Ланцете»? Насчет того непостижимого факта, что в ближайшие десять лет в индустриальном мире дагнется от курения 250 миллионов человек? Каждый пятый, Ник. Потрясающе, а? Впятеро больше, чем погибло в прошлой войне.

Бумбумбумбум.

— Агхrrrrr.

— Все население Соединенных Штатов.

— Я уволюсь. Пойду... работать... в ассоциацию... «Легкие»...

— Очень хорошо, Ник. Мальчики, вам не кажется, что Ник делает большие успехи?

— Ахrrrrr.

— Тебе вроде неможется, Ник?

— ...хrrrr...

Бумбумбумбум. Сердце колотилось о ребра с криком: «Гулять хочу!»

— Нет худа бед'добра, Ник. Готов поспорить, на курево тебя больше никогда не потянет.

— ...бррлуп.

Глава 12

— Видал? — спросил патрульный полицейский у своего напарника, сидевшего рядом с ним в машине на авеню Конституции, неподалеку от Мемориала ветеранов Вьетнама.

— Для бега трусцой поздновато, — зевнул напарник.

— Давай-ка посмотрим.

Они вылезли из машины и двинулись в сторону парка Конституции, освещая фонарями объект своей любознательности. Мужчина, белый — хотя кожа у него странноватая, оттенок какой-то неживой и рыхлая, что ли, — шесть футов, 170 фунтов, шатен, сложение атлетическое. Спотыкаясь, бежит вдоль пруда. Наркоман, конечно.

— Сэр. СЭР. Пожалуйста, остановитесь и повернитесь к нам лицом.

— Ты видел его лицо?

Да уж. Как у загнанного оленя. А что у него на теле?

-Повязки, вроде.

-Ты не слышал, из больницы никто не удирал?

-Сообщений вроде не было. А быстро бегают, сукин сын. Нет, ты только глянь.

-Кока?

-Не-а. Похоже на ангельскую пыль.

Они догнали его на маленьком островке посреди парка Конституции, том, где можно прогуляться по преамбуле к Декларации независимости, вырезанной в граните вместе с именами подписавших ее людей.

-Сэр?

-Отстань от меня! Ты мне даже в кино не нравился! Ненавижу «Касабланку»!

-О чем это он?

-Спокойнее, приятель. Мы не причиним тебе зла.

-Свяжите меня с Главным врачом! У меня для нее сведения чрезвычайной важности!

- Ладно, друг, поехали к Главному врачу. -Об этом никто не должен знать, только она! - Хорошо, приятель. Что это у тебя не шее?

-Плакат.

- «Казнен за преступления против человечины».

-Человечности.

-И что это значит?

- Понятия не имею, но для казненного он больно уж шустрый.

— О господи, отойдите в сторонку.

-Ничего, приятель. Вдохни поглубже. Сроду не видел, чтобы кто-нибудь так блевал.

-Явно чем-то накачался. Вызови-ка «скорую». А, черт, держись подальше, он опять

—Знаешь, на что они похожи — на эти штуки для курильщиков, на пластыри.

— Джо Ринкхауз их пробовал. Все равно курит.

—Спорим, он на себя столько не лепил. Эй, приятель, ты в порядке?

—В каком там порядке! Ты посмотри на него.

—Похоже, придется ему КПП делать.

— Милости прошу.

- Ну вот еще. Нынче твоя очередь.

— Давай «скорую» подождем. Не нравится мне все это. Может, тут какое новое извращение?

—Интересная мысль.

—Готово.

—Что у нас есть?

—Имя неизвестно, сильно возбужден, рвота, резкое обезвоживание. Давление двести сорок на сто двадцать. Рвота, эритема. Пульс сто восемьдесят, стабильный. Похоже на ППТ.

— Сэр? Сэр, вы меня слышите? СЭР? Ладно, продолжайте нитраты. Верапамил,десять миллиграммов, в четыре приема. И сегодня, пожалуйста.

—Приходит в себя.

—Чем это он облеплен?

— Похоже на никотиновые пластыри.

— Новый способ самоубийства?

— Снимите их, и побыстрее. Этого хватит, чтобы лошадь угробить.

—Ух ты, беднягу ожидают неприятные ощущения.

—Беднягу ожидает могила. Сэр? СЭР? Как вас зовут?

— А, чтоб тебя! Дефибриллятор!

— Ладно, сейчас мы тебя прокатим на молнии. Поставь на максимум. Давайте электроды. Готово? Все отошли.

Вввввамп!

— Еще разок. Отошли.

Вввввамп!

— Отлично, отлично! Есть синусовый. Ставьте капельницу с лидокаином.

Ник очнулся под писк какого-то устройства и сразу ощутил головную боль, заставившую его пожалеть, что он еще жив. Во рту стоял вкус горячей смолы, смешанной с голубиным пометом. Руки, ноги и нос ледяные. Какие-то провода подведены к груди, трубки входят и выходят из всех отверстий тела—кроме одного, и на том спасибо. Нику только что снился удивительный сон. Он лежал на, столе, подключенный к машине, работающей на постоянном токе, и тут доктор Вит внезапно спятил. Он врубил напряжение, которого хватило бы для питания всего вашингтонского метро, и при этом радостно кудахтал, что лучшего шанса попасть в «Медицинский журнал Новой Англии» Нику никогда не представится.

— О-ох, — простонал Ник, вспугнув медицинскую сестру, тут же побежавшую за врачом.

Появились и нависли над ним люди в белом. Они о чем-то негромко переговаривались. Голос позвал его:

— Мистер Нейлор?

— Угр.

Вроде бы кто-то произнес слово «морфий», затем по руке разлилось тепло, затем... затем явилось видение: роскошная рыжая дева, в очках, голая, верхом на лошади. Лошадь-то откуда?

Вошли двое в одинаковых костюмах.

— Мистер Нейлор? Я специальный агент Монмани, ФБР. Это специальный агент Олман. Нам поручено ваше дело. Не могли бы вы рассказать, что случилось?

Сквозь наркотический туман Ник взгляделся в прибывшее подкрепление. Монмани высок, поджар, с внимательными, светлыми, волчьими глазами. Виски седеют. Хороший агент, опытный. Олман коренаст, сложением напоминает пожарный гидрант. Замечательно. Такой без труда превратит физиономию Питера Лорри в свиную отбивную. У него румяное, почти жизнерадостное Лицо, придающее ему сходство с любимым учениками школьным учителем. Ник предпочел бы, чтобы он был похудошавее и понеприветливее, как Монмани, но ничего, сойдет, лишь бы оба действовали заодно и каждый день вмазывали пистолеты. Он вдруг увидел, как Питер Лорри, стоя на коленях, взывает к их милосердию, а они всаживают ему прямо в грудь пулю за пулей из своих девятимиллиметровых.

Способная сделать честь любому цунами волна тошноты прокатилась через Ника. Он кое-как сфокусировал взгляд на Монмани, взиравшем на него без тени сочувствия. Да, настоящий убийца, вид у него такой, словно он чистит зубы не шелковой ниткой, как все, а фортепьянной струной.

Они начали задавать Нику вопросы. Много вопросов. Одни и те же, раз за разом. Ник рассказал им все, что знал: его похитил и пытал давно

покойный киноактер венгерских кровей. Он рассказал и о том, как швырнул стаканчики в бродягу. На К-стрит кто-нибудь наверняка сможет это засвидетельствовать. Последнее, что он помнит? Ощущение, что сердце изо всех сил старается покинуть его тело — вместе со всем съеденным им за два предыдущих года. И кстати, до чего же он голоден! Гэзел принесла ему печень-од с двойной прослойкой крема, но сестра, бросив на них один только взгляд, утащила пакетик из палаты с таким видом, точно он был набит токсичными отходами.

Агент Монмани заставил Ника повторять свой рассказ снова, и снова, и снова, пока Нику это не надоело настолько, что он испытал искушение добавить что-нибудь от себя. Агент же Олман просто стоял у койки, не без приятности кивал и жизнерадостно улыбался. Могли бы проявить немного сочувствия. Но им нужны были детали, детали и детали. Ник начинал злиться. Его так и подмывало спросить, чем они занимались во время последнего задания—утюжили танками Уэйко?

По счастью, явился доктор Вильяме, и агенты ушли. Стоило им выйти, как доктор принялся травить анекдоты про обыкновение Дж. Эдгара Гувера разгуливать по дому в красной балетной пачке. Доктор Вильяме был кардиологом, очень приятным человеком лет пятидесяти с лишком, носившим слуховой аппарат — следствие службы врачом на миноносце во время вьетнамской войны. Мысль о том, что ему всего-то в сорок лет понадобился кардиолог, встревожила Ника, но доктор Вильяме успокоил его, объяснив, четко и дружелюбно, что с ним произошло.

В общем-то, он еле выкрутился. Огромная доза никотина привела к развитию пароксизмальной тахикардии—это как если ведешь машину на шестидесяти милях в час, сказал доктор, и вдруг переключаешься на первую скорость. Сердцу пришлось заниматься работой, для которой оно не приспособлено, а именно—с безумной быстротой перекачивать кровь. Уже в реанимации тахикардия перешла в желудочковую фибрилляцию, при которой волокна сердечной мышцы слабеют, и тахикардия сердце вообще перестает качать кровь, лишая мозг кислорода. Пришлось воспользоваться дефибриллятором, то есть несколько микросекунд пропускать сквозь Ника здоровенный разряд, который затормозил собственную электрическую активность сердца и восстановил его жизненно важную функцию. Ник слушал, с трудом одолевая страшную слабость. В середине лекции ему пришло в голову, что большую часть времени, прошедшего между его последним посещением доктора Вита и приходом к нему этого доктора, он только и делал, что сидел на электрическом стуле. Как это ни смешно, сказал под конец доктор Вильяме, но курение, похоже, спасло ему жизнь. Не будь он курильщиком, такое количество никотина наверняка остановило бы его сердце гораздо раньше.

На следующее утро пришла медсестра — проверить все его проводки и трубочки,—пришла и обнаружила, что грудь Ника смазана нитроглицериновым желе, умаляющим токсичное действие никотина. Сестра побледнела, затем вдруг явно разозлилась и принялась стирать желе, бормоча: «Иисусе Христе!», что заставило Ника насторожиться. Поначалу она отказывалась объяснить ему, в чем дело. Но в конце концов сказала, что нитроглицериновое желе всегда наносят на руки и никогда, никогда, никогда на грудь. Почему? Потому что если ночью сердце опять остановится и доктора прибегут с тележкой приложат к его груди электроды, прямо на нитроглицерин, то... сестра взмахнула

«руками, как бы говоря «бум!». Затем она вылетела из палаты, чтобы отыскать санитаря, оставив Ника гадать, не безопаснее ли было б ему лежать дома в собственной постели.

Его навещала куча народу. Пришел со своей матерью Джой, которого восхитила техническая сторона истории о том, как санитар обратил отца в живую бомбу, и который засыпал Ника вопросами, где можно купить нитроглицериновое желе и дефибриллятор.

Пришли Бобби Джей и Полли—с цветами, корзинами фруктов, запретными чизбургерами и «Кровавыми Мэри», подарком от Берта. Еще они притащили электрокамин, стоявший в гриль-баре Берта — это чтобы Ник чувствовал себя как дома, очень трогательный поступок, хоть сестра и запретила камин включать. Полли даже прослезилась, увидев, какой он бледный, а местами — там, где никотин вызвал сильное сужение сосудов, отчего кровь перестала поступать в конечности, — еще и синий. Эротические мечтания Ника покамест не посещали, но он надеялся, очень надеялся, что к моменту выписки по крайней мере в одной конечности кровотока будет в полном по-рядке.

Дважды, иногда трижды в день приходила Дженнет. Очень озабоченная, очень участливая. Нику стало казаться, что он в ней все же ошибся. В мире мужчин женщинам приходится туго, вот они и ожесточаются, но ведь это не значит, что Они по природе своей мужеподобны и непременно рвутся к главенству. Дженнет принесла ему трюфели, и клубнику из гастронома на Саттон-плейс, и цветы, любопытные, между прочим, цветы, почему-то наведшие Ника на мысли далеко не приличные. Может она для него что-нибудь сделать? Заглянуть к нему на квартиру, посмотреть, все ли там в порядке? Забрать одежду из чистки?

Проверить почту? Сводить Джоя на матч Малой лиги?

Заявился БР, изобразил генерала Паттона, совершающего внеплановую инспекционную поездку, и умчался внушать главному врачу, что у него в палате 608 лежит Очень Важный Пациент и что он, БР, ну вот как бог свят, ожидает, что с Ником будут обходиться как с таковым, даже если начальнику придется лично подносить ему утку в четыре утра. После этого БР звонил Нику по пяти раз на дню, требуя доклада о состоянии его здоровья. Академия — да нет, вся табачная индустрия — разъярена происшедшим и уже потребовала от конгрессменов, питающихся из ее кормушки, чтобы члены Конгресса от табачных штатов все как один надавили на Белый дом, дабы тот надавил на генерального прокурора, дабы прокурор надавил на ФБР. (Чем, возможно, и объяснялась некоторая сухость агента Монмани.)

Регулярно звонил Капитан, этот сам докладывал, как подвигается его работа с конгрессменами. Он поговорил с сенатором Джорданом, этой шлюхой, захапавшей его «Гольфстрим», и объяснил, что от него требуется: сенатору надлежит лично позвонить президенту и «уведомить его», что он должен приказать ФБР «из штанов выскочить, а изловить этих сукиных детей». Иначе ему, сенатору, не видать больше «Г-5», как своих ушей.

Все это очень утешало. Ник был растроган. Табак сам о себе заботится.

Хизер, чтобы не нарваться на кого-нибудь из Академии, прокралась к нему по окончании отведенных для посещений часов. Они с Ником решили сохранять свои отношения в тайне, просто безопасности ради. Ему не хотелось, чтобы БР или кто-то другой пронюхал, что он спит с

врагиней. Не то чтобы Хизер писала о них совсем уж нелестно, но на взгляд БР, все репортеры — враги. Она села на край его койки, в легком летнем платье, причесанная, как идеальная американка конца прошлого века—локоны спадали на шею,—очень соблазнительная. Но Нику пока еще не хватало сил на возбуждавшие ее безнравственные разговоры, и он просто слушал рассказ Хизер о беседе с Атертоном Блэром, немного самодовольным, неизменно в галстук-бабочке, выпускником одного из престижных университетов, заместителем главного редактора «Сан», почтенной вашингтонской газеты. Она хотела напечатать в «Сан» статью о недавно нанятом президентом новым имиджмейкере; у Хизер имелись сведения, что он некогда консультировал близкого родственника Эриха Хонек-кера, прежнего диктатора Восточной Германии, построившего Берлинскую стену.

На следующий день позвонила Дженнет сообщить, что она «уломала» Кэти Коурик из программы «Тудей» провести с ним выездное интервью — прямо в палате. Как ни мила была Дженнет, Ник все же сомневался, что ей пришлось так уж сильно хлопотать насчет интервью. В конце концов, Ник стал одной из главных новостей, красующихся вверху первых газетных полос. Академия, надо полагать, завалена просьбами об интервью.

— Ты только не думай, что мы пытаемся нажиться на происшедшем, — сказала Дженнет, — но если ты в силах, то, по-моему, этой возможности упускать не стоит.

Тоже верно. Похищение Ника было, в своем роде, благословением свыше. Антитабачные организации из кожи вон лезли в попытках откреститься от «никотеррористов», как уже прозвала преступников желтая пресса, и что-то старательно лопотали о своем неприятии этого «отвратительного», «экстремистского», «омерзительного», «недопустимого» деяния. Даже Рон Гуди, на котором Ник отрабатывал у Опры прямой в челюсть, и тот, если верить приведенной «Ньюсуиком» цитате, заявил, что, каким бы ни было его личное мнение о Нике, последний определенно не заслуживает смерти за свои взгляды. Несомненно, эту свинью заставили так сказать, и, столь же несомненно, чувствовал он себя при этом хуже покойника.

—Спасибо, Брайан. Четыре дня назад Ник Нейлор, главный общественный представитель табачного лобби, был похищен неподалеку от своего офиса в Вашингтоне, округ Колумбия. Той же ночью его обнаружили с плакатом на шее, в котором говорилось, цитирую: «Казнен за преступления против человечности». Тело его было облеплено смертоносным количеством никотиновых пластырей, которые прописываются желающим бросить курить. Врачи из больницы университета Джорджа Вашингтона говорят, что, когда его доставили сюда, он был при смерти. Дело это, по-видимому, свидетельствующее о том, что по меньшей мере один из участников антитабачного движения решил прибегнуть к тактике террора, сейчас расследуется ФБР. Сегодня мистер Нейлор, еще не покинувший своей койки в больнице университета Джорджа Вашингтона, присоединится к нам. С добрым утром.

— С добрым утром, Кэти.

—Я знаю, для вас это было тяжелым испытанием. Первое, о чем я хочу

спросить: как вам удалось выжить? Говорят, вы были буквально облеплены пластырями.

— Пожалуй, я мог бы сказать, Кэти, что жизнь мне спасло курение.

— Как это?

— Я курю, разделяя это удовольствие с пятьюдесятью пятью миллионами других взрослых американцев, и потому смог выдержать огромную дозу никотина, хотя она меня едва не убила. Если бы полицейские обнаружили меня чуть позже, я почти наверняка не болтал бы с вами сегодня.

— К курению мы еще вернемся...

— С вашего разрешения, Кэти, все это лишь доказывает то, о чем мы давно уже говорим, а именно: «Люди, не связывайтесь с никотиновыми пластырями. Это убийцы».

— Но, разумеется, не в том случае, если вы правильно их используете.

— Кэти, из уважения к тем, кто нас сейчас видит, я не стану особенно задерживаться на том, что сделали со мной эти штуки. Тошнота, безудержная рвота, пароксизмальная тахикардия, прекращение подачи крови в мозг, онемение и холод во всех конечностях, страшный кожный зуд, нарушение зрения, невралгическая мигрень... на всем этом я задерживаться не стану и скажу только одно: если такое способна учинить пачка этих липучек, нам остается лишь воображать, какой вред может причинить нормальному, здоровому курильщику всего одна из них. Так вот, чтобы не тратить слов попусту: скажите пластырям «нет».

— Насколько нам известно, похитители прислали в «Вашингтон сан» записку.

— На этот счет мне сказать нечего, Кэти.

— Она опубликована в сегодняшнем номере.

— Да что вы?

— Номер у меня с собой. Хотите узнать, что в ней написано?

— Ну...

— Цитирую: «Ник Нейлор несет ответственность за смерть миллиардов...»

— «Миллиардов»? Наверное, «миллионов».

— Нет, тут сказано «миллиардов».

— Но это же чушь. Я работаю в Академии шесть лет, и если мы примем цифру 435 тысяч в год—тоже, кстати, совершенно нелепую,—я должен нести ответственность, в кавычках, за два миллиона шестьсот тысяч. Так откуда эти господа взяли «миллиарды»? Кто я, по их мнению, Макдоналдс?

— Дальше читать?

— Да, конечно, непременно читайте, я весь внимание.

— «Его устранение должно послужить предупреждением табачным компаниям. Если они немедленно не прекратят производство сигарет, мы уничтожим и других».

— А скажите, записка, случаем, написана не на бланке Главного врача?

— Прошу прощения?

— Слог уж больно знакомый. Да нет, Кэти, я шучу, конечно. Юмор, знаете ли. Луч-шее лекарство...

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, кто это сделал?

— Нет, но если они нас слышат, а я уверен — они не меньшие ваши поклонники, чем я, значит, слышат, — я хотел бы сказать им: не прячьтесь, покажитесь, я не стану выдвигать против вас обвинения.

— Не станете?

— Нет, Кэти, я думаю, что люди, способные на такое, нуждаются прежде всего в помощи.

— Вы очень терпимый человек. — Видите ли, Кэти, слово «терпимость» начинается, как и слово «табак», с буквы «т». Наша позиция всегда была такой: мы понимаем людей, резко настроенных против курения. И мы говорим: давайте работать вместе. Давайте вести диалог. У нас большая страна, в ней найдется место и для курящих и для некурящих. Первым позвонил Капитан:

— Блестяще, сынок, блестяще! За ним поспел БР:

— Не могу не отдать тебе должное, Ник, ты сбил нас с ног. Мы тут никак отдышаться не можем.

Следом Дженнет:

— Ник, я такого еще не видела. Потом Полли, эта смеялась:

— Так что же все-таки произошло?

— Понятия не имею, — сказал Ник. — Надеюсь только на одно — что возили меня, не в Мэриленд, а в Виргинию.

— Почему?

— А потому, — ответил Ник, — что в Виргинии все еще существует смертная казнь.

Глава 13

В день возвращения Ника на работу БР, собрав всех сотрудников Академии, произнес приветственную речь. Из нее следовало, что Нику удалось одурачить своих похитителей и сбежать. На самом деле Ник понятия не имел, как он оказался на Эспланаде, и очень сомневался, что успел кого-либо одурачить, поскольку дурачить людей, когда у тебя сердечный приступ плюс непрерывная рвота, дело довольно сложное. Сотрудники Академии и так-то вели себя с Ником как с героем, вернувшимся с войны, отчего он начал уже смущенно поеживаться. А тут еще БР затеял изображать Генриха V, обращающегося под Азенкуром к горстке счастливых, братьев. Под конец он даже процитировал слова, сказанные Черчиллем в самый мрачный для Британии час: «Никогда не сдаваться, — сказал он. — Никогда. Никогда. Никогда!» Сотрудники аплодировали. Некоторые прослезились. Что говорить, ничего подобного Ник в Академии табачных исследований еще не видел. Содеянное с ним привело к удивительному результату — к общему подъему духа. Как будто затянувшееся тягостное перемирие между Академией и враждебным миром наконец завершилось, вылившись в открытые военные действия, и, видит бог, — воевать так воевать! Мы готовы. Люди, отродясь не переступавшие порога военной базы и уж тем более не глядевшие в дуло пистолета, произносили в коридорах слова вроде «обходной маневр» и «удар с фланга». Это действительно бодрило — честь мундира и все такое. Ник был тронут.

— Ник, — обратился к нему Гомес О'Нил, — вопрос.

Рослый, смуглый и рябой Гомес, с ручищами толщиной в тросы, на которых держится Бруклинский мост, возглавлял в Академии службу разведки, то есть отдел, отвечающий за сбор информации о частной жизни самых приметных антитабачных крикунов и сутяг. Прежде он работал в какой-то правительственной службе — в какой, оставалось

неизвестным, поскольку Гомес не любил вопросов о своем прошлом. Отпуска он проводил в одиночных походах по таким симпатичным местам, как Баффинова Земля и пустыня Гоби. БР, похоже, недолюбливал Гомеса, что, похоже, оставляло Гомеса равнодушным — уволить его было так же непросто, как Дж. Эдгара Гувера.

— Шмаляй,—вырвалось у Ника словечко, которым, беседуя с Гомесом, следовало пользоваться с осторожностью.

—Ты курить не бросил?

Послышались нервные смешки. По правде сказать, Ник уже больше недели не прикасался к сигаретам. У него как-то не возникало потребности ввести в свой организм еще немного никотина. Он даже подумывал, что, пожалуй, может теперь претендовать на пособие по нетрудоспособности. Все смотрели на него с ожиданием. Подвести этих людей он не мог. Ныне он был не просто их общественным представителем, он был их героем.

— Закурить у кого-нибудь найдется? — спросил он.

Двадцать рук одновременно протянули ему по пачке. Ник выбрал «Кэмел», прикурен, набрал немного дыма в легкие и выдохнул его. Ничего, даже приятно, затянись еще разок и выпусти дым. Вокруг одобрительно заулыбались.

Тут перед глазами его поплыли яркие звездочки, вскоре заплясал уже целый млечный Путь. Ника прошиб холодный пот, комната качнулась и—о нет, только не сейчас, не перед всеми сотрудниками...

— Ник? — окликнул его БР.

—Все в порядке, — неверным голосом ответил Ник и опустил сигарету в пепельницу. Ну и вкус же во рту. Бр-р.

—Ты сразу-то не налегай, — сказал БР.

— Может, для начала попробуешь с фильтром, — неуверенно предложил кто-то. Ник стоял перед смущенно молчавшими коллегами, промаргиваясь, слегка пошатываясь.

— Слушай, Ник, — произнес наконец Джеф Тобиас, — ты уже видел данные по женщинам от восемнадцати до двадцати одного?

—Угу.

Отдам полцарства за мятный леденец.

— До двадцати процентов выросли.

— Замечательно, — пробормотал Ник. БР добавил:

— Подождите, пока Ник начнет кампанию против курения. — Кто-то фыркнул. — Кстати, когда нам покажут плакаты?

— Сегодня после полудня у меня видеосвязь со Свеном, — сказал Ник, чувствуя, как у него холодеют пальцы. Может, Позвонить доктору Вигу? «Вы курили?!»

—Нам всем не терпится увидеть, что он для нас приготовил, — сказал БР. — Ну ладно, передаю слово Карлтону, он ознакомит нас с новыми процедурами обеспечения безопасности.

Карлтон начал с анекдота про двух парней в походе, на палатку которых напал медведь гризли,—один из них натянул кроссовки и начал их зашнуровывать. «На что тебе кроссовки? —спросил другой. — Гризли тебя все равно догонит». «Я не от гризли хочу оторваться, —ответил первый, — а от тебя». Когда имеешь дело с террористами, пояснил Карлтон (некоторые поежились), уцелеть можно, лишь заставив их заняться кем-то другим. Слушатели его обменялись смущенными взглядами: «О нас, о горстке счастливых, братьев».

Явно воодушевленный — когда еще случится ему поговорить на любимую тему? — Карлтон остановился на важности нешаблонного поведения. Выходить из дому на работу следует в разное время, избирая разные маршруты и внимательно приглядываясь к окружающим, особенно к тем, что одеты в какую-нибудь форму. Он раздал фотокопии листовок, озаглавленных «Что делать, если Вас засунули в багажник автомобиля». Люди молча разглядывали фотографию здорового окровавленного мужика. «Засунули... в багажник?»

— Теперь насчет адских машинок.

Эта часть выступления Карлтона заняла целых пятнадцать минут.

Карлтон потратил их на описание примерно трех дюжин различных бомб, включая и ту, которая крепится к дворникам ветрового стекла.

— Вы включаете дворники и — ба-бах! — получаете весь заряд прямо в физиономию.

Бетти О'Мейли побледнела. БР перебил Карлтона:

— Давай-ка теперь хорошие новости.

Карлтон открыл чемоданчик и раздал всем маленькие, черные, похожие на бипер приспособления. То были электронные маяки, посылающие сигналы тревоги, — такие используются на спасательных плотках. Если на вас напали, достаточно нажать две кнопки одновременно и все правительство США устремится вам на помощь. Затем он открыл другой чемоданчик и выдал каждому по баллончику с перечным газом. Газом полагалось прыскать в лицо всякого рода подозрительным типам. Но только если они начнут первыми. И только если вы уверены, что они хотят вас убить. В прочих же случаях, пусть даже вас засовывают в багажник, делайте в точности то, что вам говорят.

Вопросы есть? К этой минуте уже можно было бы услышать, как булавка падает на пол, даром что его покрывал ковер.

— Я что-то не понял, — спросил Чарли Нобл из юридического отдела, — мы что же, все на прицеле?

— Я не знаю ответа на этот вопрос, — сказал БР, — я просто не хочу рисковать. Карл-тон принял необходимые меры для того, чтобы каждый из вас — каждый, без исключения, кроме, разумеется, Ника, — провел следующие выходные в тренировочном лагере в Западной Виргинии. Будете вместе с работниками правительственного аппарата осваивать навыки, необходимые водителю при наличии угрозы со стороны террористов.

Общий ропот.

— Вас всех обучат. Чему их обучат, Карлтон?

— Обнаружению мин в машине, слаломной езде, развороту прыжком и бутлегерс-кому развороту, технике тарана и обнаружения слежки.

— Мин? — переспросил Сид Берковиц из «Коалиции за здоровье». — Нам угрожают мины?

— Это всего лишь предосторожность. Уверяю вас, ФБР вот-вот схватит этих людей. Пока же мы договорились с 1800-м полицейским участком на К-стрит о том, что будем оставлять машины в их подземном гараже. Так что в наш гараж машин больше не ставьте.

На сей раз ропот заметно усилился. БР пришлось повысить голос, иначе бы его никто не услышал.

— Спокойно, спокойно. Повторяю, это предосторожность, не более.

Никто нам минами не угрожал. Да и вообще, мы с вами занимаем верхний этаж, так что при взрыве в подвале разве что дыму наглотаемся.

Дженнет засмеялась. Но только Дженнет. После совещания БР отвел Ника в сторонку. И вручил коробку пластырей «нико-стоп». Если бы БР передал ему из рук в руки свежую, еще парную какашку, это вряд ли произвело бы на Ника большее впечатление.

— Угадай,—сказал БР, — на сколько упали продажи этих «смертельных нашлепок» после твоего интервью «Тудей»? На сорок пять процентов! Ник, содрогнувшись, вернул ему коробку. На сегодня хватит с него никотина.

—Неприятно, конечно, извлекать выгоду из этой гнусной истории, но, боже ты мой, ступив в дерьмо, розой пахнуть не станешь. Посмотри, какая пресса,—он передал Нику толстую папку, настоящий «богатырский бутерброд», из которого во все стороны торчали, словно листья салата и ломти ветчины, газетные и журнальные вырезки.

Большую их часть Ник уже видел. Его поминали во всех утренних шоу, по всем кабельным программам. Европейцы и азиаты, которые все еще дымили себе и горя не знали, говорили о Нике и не могли наговориться. Волнующее ощущение человека, который слышит параллельный перевод собственных слов, оказалось для Ника в новинку. Интервью-ерша-французенка, обаятельная, прелестная женщина, не поленилась ознакомиться с физиологическими последствиями сужения сосудов и, основываясь на этом исследовании, спросила у Ника, не сказалось ли пережитое на его «романтических способностях»? Ник зарумянился, ответил «нет», *pas du tout*, но тем не менее облился холодным потом. Его показало даже словацкое телевидение — немалое достижение, поскольку «Агломе-рейтед Тобакко», компания, принадлежащая самому Капитану, осуществляла массированное вторжение в страны бывшего Восточного блока, наводняя их сигаретами, название которых переводилось как «горлодер». Жители этих стран, выросшие на сигаретах, напоминающих вкусом горящие ядерные отходы, отличались пристрастиями старомодными: им требовалось не меньше, а по возможности больше никотиновых смол. Рак легких сходил у них за знак качества.

— Дженнет сказала, что «Молодой современник» собирается сделать о тебе репортаж для рубрики «Одна неделя такого-то».

— Да, — сказал Ник, в очередной раз испытав раздражение при мысли об информационном канале Дженнет—БР, — но как раз с ними мне связываться не хочется.

— Япония для нас очень важна, там уже курят двое мужчин из трех в возрасте от шестнадцати до двадцати одного.

В Академии эту возрастную группу называли «первым этажом».

— Просто неохота, чтобы японские репортеры целую неделю торчали в моем кабинете. Да, собственно, и любые другие. Еще немного, и публика будет сыта мной по горло.

— Двое из трех, Ник. Миллионы и миллионы современных японских юношей; В их глазах ты герой. Это налагает определенную ответственность.

— Давай поговорим об этом после.

Спасибо и на том, что Ник обратился теперь в звезду размером с Кинг-Конга, которая может позволить себе фразу «Давай поговорим об этом после».

—Я сегодня разговаривал с Капитаном. Он надеется, что ты с этим справишься.

«Агломерейтед» вторгалась и в Японию тоже, благо торговый представитель США пригрозил повысить на 50 процентов тариф на импортный соевый соус, если Япония не откроет свои порты и легкие для американского курева. .

— С ним я тоже поговорю после, — конечно, тут Ник малость переборщил, но все, что мог позволить себе БР, это скривиться и сказать: «Ладно, надеюсь, ты понимаешь, что делаешь».

Проклятая популярность уже начинала действовать Нику на нервы. Вон и Сэмми Наджиб позвонила сегодня утром и попросила—потребовала,—чтобы он снова выступил в шоу Лэрри Кинга. Они с Лэрри уверены, нутром чуют, что этот мерзавец позвонит еще раз, — разве Ник не понимает, какая роскошная получится передача?

— Да, кстати, — театральным тоном произнес БР, — на следующей неделе сюда приезжает Пенелопа Бент, и догадайся, с кем ей хочется повидаться?

Пенелопа, ныне леди Бент, подписала недавно с «Бонсакер интернэшнл» (прежней «Бонсакер табакко») контракт, по которому ей выплачивалась семизначная сумма за ежегодные выступления перед советом директоров и собранием акционеров. В последнее время Большаятабачная шестерка все чаще прибегала к услугам знаменитостей: ветеранов, переживших вьетнамский плен, бывших президентов престижных университетов. Шестерка пыталась даже подрядить мать Терезу — чтобы та поработала для нее зазывалой под прикрытием пресловутой свободы слова либо Конституции. Последним ее приобретением стала Пенелопа, занимавшая до недавнего времени пост премьер-министра Великобритании.

—Ну-ну?—отозвался Ник.

— Капитан позвонил мне сегодня утром. Все они по-прежнему благоговеют перед ней и ни слова поперек сказать не смеют. Видимо, она и впрямь обладает даром внушения. Как бы там ни было, Капитан считает, что ты мог бы воспользоваться этой возможностью, чтобы немного натаскать ее на случай, если ей станут задавать неприятные вопросы насчет наших с ней отношений. Ну, чтобы она пела на один голос с нами. Главное — подчеркнуть нашу разносторонность.

«Агломерейтед» это не только табак, но и детское питание, замороженные продукты, смазочные вещества, воздушные фильтры, шары для боулинга. В общем, сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал Ник, раздраженный тем, что его учат делать хорошую мину при плохой игре, — однако сомневаюсь, чтобы «титановая леди» нуждалась в моих наставлениях насчет обращения с прессой.

—Ей просто хочется познакомиться с тобой, Ник,—радостно сказал БР.—Я бы на твоём месте чувствовал себя польщенным.

—Ладно, я польщен.

— Может, она даст тебе пару советов насчет того, как обходиться с террористами. Помнишь, что она учинила с ИРА, после того как ее бульдоги подорвались на мине?

— Я вроде бы в Голливуд собирался?

— Мы пытаемся устроить тебе встречу с Джефом Мегаллом и его людьми. Это посложнее, чем добиться аудиенции у Господа Бога.

— С Джефом Мегаллом?—удивился Ник.

—С ним самым. Однако Капитан хочет, чтобы ты немного поболтался здесь—пусть пресса, пока она от тебя не устала, знает, где тебя искать. Честно говоря, если бы я предвидел, что твое похищение

наделает столько шума, я бы тебя сам похитил. Да, и еще: когда будешь в Лос-Анджелесе...

— Да? — насторожился Ник.

— Это насчет твоего приятеля, Лорна Латча...

— Он мне не приятель, БР. Все, что я для него сделал,—это отговорил твоих людей судиться с ним. У Лэрри Кинга мне пришлось спрятаться в туалете, чтобы с ним не столкнуться.

— В последнее время он здорово нам досаждал,—сказал БР.—Ты читал, что он наговорил о нас на прошлой неделе? Нет, ты же еще в интенсивной терапии лежал. Твоя подружка Опра вытащила его на шоу вместе с этой дамочкой, награжденной «Серебряными дубовыми листьями». Видел бы ты, как они вякали через свои резонаторы. Дуэт для двух дуделок. Ник поздравил себя с тем, что в этом шоу Опра ему участвовать не пришлось.

— Трогательное было зрелище. Ладно, она женщина, ее я могу простить. Но не его. У этого малого нет никакого чувства личной ответственности.

— Он умирает, БР. Самое для нас лучшее—оставить его в покое. Будь моя воля, я бы ему еще и денег дал, на расходы. —Не уверен, что я выбрал бы этот путь,—сказал БР,—однако Капитан придерживается в аккурат такого же мнения.

— Ну хорошо, —сказал Ник глядевшему на него с экрана видеотелефона Свену, — как у нас насчет безликости?

Свен ответил:

— Должен с самого начала подчеркнуть, что мы здесь все до единого пришли в ужас от задания соорудить неэффективную рекламу, которая вообще никак не подействует на людей.

У Ника вдруг возникло чувство, что их разговор прослушивается. Как будто он в самый разгар Уотергейтского дела сидит в Овальном кабинете и беседует с Никсоном.

— Я просто хочу объяснить, как мы себе представляли нашу роль,—продолжал Свен.

— Ладно, я понял: вам выпала роль терзаемого муками художника,—сказал Ник. — Что дальше?

Эти мне творческие натуры, ну чисто оранжерейные орхидеи. А еще из Миннеаполиса. Ник впервые побывал там полгода назад и чуть уши не обморозил.

— Нам вроде бы оставалось одно — взять за основу нечто вроде «КОЕ-КОМУ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ТЫ ЗАКУРИЛ. МЫ ЭТОГО НЕ ХОТИМ» и вообще не

касаться темы здоровья, но попытаться сыграть на присущей подростку боязни оказаться марионеткой в руках взрослых. Однако тебе это не понравилось бы.

— Нет, потому что могло сработать.

— Вот-вот, и мы эту идею отставили. На наш взгляд, тут необходима резкость, нужно говорить с подростками властным тоном, который уже въелся им в кишки, пилить их— что-то вроде «шел бы ты в свою комнату» — и таким образом полностью выйти у них из доверия.

— А вот это мне нравится, — сказал Ник.

— Отлично, — откликнулся Свен. — В этом направлении мы и пошли. Он подтянул плакат в поле зрения камеры. Только текст, и ничего больше. «Все, что родители говорят тебе про курение, — чистое золото».

—Хм, — произнес Ник.
— Знаешь, чем он мне нравится? — спросил Свен. — Он скучный.
— Это да, — согласился Ник.
— Скулы сводит. Любой мальчишка, взглянув на него, только и скажет: «Блевотина». «Пожалуй, — подумал Ник, — Джой именно так бы и отреагировал».
—И при всем при Том, — продолжал Свен, — он не имеет себе равных по подрывной силе.
— Не понял?
— Произнеси вслух последние три слова.
— «Курение — чистое золото».
— Безлик снаружи, зато берет человека изнутри. Троянская индейка.
— Да, — сказал Ник, — пожалуй, это я могу показать нашим деятелям.

Ник нетерпеливо ждал ленча с Полли и Бобби Джеем — все-таки час-другой нормальной жизни. Будучи обладателем докторской степени по отмыванию черного кобеля добела, он хорошо понимал, почему Капитан и БР норовят выдавить из курочки, пока она еще дышит, все золотые яйца до последнего, однако слава давалась ему все же недешево. Как говаривал Фред Аллен, знаменитость—это человек, который кладет первую половину жизни на то, чтобы прославиться, а вторую ходит в темных очках, чтобы к нему не приставали на улицах. По пути из Академии к Берту Ник обнаружил, что люди, мимо которых он проходит, пихают друг друга локтями, шепча: «Это он?» А стоя в ожидании зеленого света на углу К-стрит и Коннектикут авеню, услышал за спиной женский голос, пробормотавший: «И поделом тебе».

Ник круто обернулся, но женщина уже прошла мимо, а догонять ее, чтобы спросить, не ослышался ли он, что-то не захотелось. По спине его пробежал холодок. Он не считал себя размазней и тряпкой, ему приходилось слышать от целой толпы людей слова «массовый убийца», а то и похуже (иногда произносимые хором), но толпу эту, как правило, составляли горлопаны с плакатами или «профессиональные здравоохмурители», норовившие заткнуть Нику рот. Однако когда люди, совершенно тебе незнакомые,—среди бела дня в Вашингтоне, на самом оживленном его перекрестке—подходят, чтобы выразить солидарность с теми, кто похитил тебя и пытал, это, видимо, означает, что где-то на жизненном пути ты ошибся поворотом.

Ник заскочил в универмаг «Троувер» и купил дешевые солнечные очки. Очки позволили ему пройти остаток Коннектикут и добраться до Род-Айленд авеню, не услышав больше ни одного пожелания скорой кончины.

Ощущение безопасности вернулось к нему лишь у Берта. Берт подошел и обнял его и вообще ужасно суетился; подходили и официанты, жали руку, уверяли, что он отлично выглядит. В последние дни он часто слышал: «Отлично выглядишь, Ник», несмотря на то, что потерял десять фунтов и кожа у него приобрела серый, рыбий какой-то оттенок. Берт сказал, что едят они сегодня за счет заведения, и сам отвел Ника к привычному столу у поддельного камина, по кирпичам которого уютно скользили язычки поливинилового пламени.

Бобби Джей и Полли уже поджидали его. Оба встали, здороваясь, что совсем доконало Ника. Если издавна заведенный порядок когда-нибудь доставлял ему удовольствие, так именно здесь, а до сих пор ни один

из членов «Отряда ТС» не вставал, приветствуя другого. Среди торговцев смертью царило равенство. Полли так даже обняла и поцеловала его. Ну на что это похоже? Ник уже устал от всеобщей участливости.

— Я в порядке, — сказал Ник, — ничего сверхъестественного со мной не произошло.

— Отлично выглядишь, — сказал Бобби Джей.

— Да, верно, — сказала Полли. — Просто здорово. Ник смерил обоих взглядом.

— Вы что, работу сменили? Пишете тексты для поздравительных открыток? Выгляжу я дерьмово.

Бобби Джей и Полли переглянулись. Полли тронула Ника за локоть.

— Мы просто рады, что ты вернулся.

— Ну так и радуйтесь, а кудахтать надо мной не надо.

— Извини, — отдергивая руку, сказала Полли. — Не знала, что ты нынче не в настроении.

— БР только что передал мне пожелание Капитана, чтобы я всучил взятку умирающему от рака Перекати-Поле, дабы тот нас больше не поносил. Я вынужден соглашаться на каждое вшивое интервью. Завтра вечером я выступаю у Лэрри Кинга — и он и ФБР намерены использовать меня в качестве приманки для этого маньяка, Питера Лорри, — а только что какая-то баба на улице прошипела мне в спину, что похитили меня за дело. Так какого, к дьяволу, настроения ты от меня ожидаешь?

— Да, городок у нас непростой, — сказал Бобби Джей.

— Это ты мне рассказываешь? Ну-ка, вычисли моих телохранителей.

— Которых?

— А, не можешь? Вон та, в джинсах, и вторая, у которой сумка размером со спальник. Обе работали раньше в Секретной службе. Знаешь, что у нее в сумке? Обрез. Очень надеюсь, что эта сволочь попробует сцапать меня еще раз. Вы представляете, какую драную двойную дыру проделывает в человеке заряженный картечью обрез?

— Я, — сказал Бобби Джей, — представляю.

— Эта парочка хотя бы пытается слиться с толпой. Не то что прежние — в одинаковых костюмах и с проводами в ушах. «Внимание, все! Мы телохранители! Будьте добры, нападите на нашего подопечного!» Толку от них было как от козла молока.

— Мне казалось, ты сам пытался от них оторваться, — сказала Полли.

— Полли, — произнес Ник снисходительным тоном, подразумевающим, что вопросы безопасности — не женского ума дело, — хорошие телохранители не позволяют Отрываться от себя людям, которых они, предположительно, охраняют.

Он вздохнул:

— Господи, вы только посмотрите, до чего я докатился! До телохранительниц.

— Судя по тому, как идут дела, — сказала Полли, — скоро они всем нам понадобятся. Ты заметил, какой шум подняла в этот уик-энд пресса вокруг пьяного зачатия?

— А что, очень трогательно получилось, — вставил Бобби Джей. — Тебе не кажется, что «Сан» попросту опозорилась, отведя этим людям столько места? Я переговорила с Дином Джарделом из «Скотча и бурбона», а это две трети продажи спиртного в Вашингтоне, так он сказал, что на следующий месяц «Вашингтон сан» никакой рекламы от

них не получит.

— Эх, — вздохнул Бобби Джей, — вот был бы у нас рычаг вроде этого... Да только оружие они рекламировать не желают. Даром что купить его в Вашингтоне проще простого.

— Послушать их, так мы подстрекаем беременных женщин пить горькую. Такую развели политическую корректность, что мне захотелось...

— Ну-ну?

— Я даже удивилась, что нынче утром никто не похитил меня по дороге на работу.

Ник слушал Полли, вспоминал встреченную на улице женщину, и в нем крепло подозрение, что у него того и гляди отнимут честно заслуженные им никотиновые нашивки за отвагу.

— Полли, — наконец сказал он, — вряд ли у тех, кто работает в индустрии спиртных напитков, есть резон бояться похищения.

Наступило натянутое молчание. «Спиртные напитки» прозвучали в его устах как «слабительная микстура» или «кошачий корм». Полли неторопливо закурила, затянулась и выпустила краем рта длинную струю дыма — подчеркнуто невозмутимо; глаза ее не отрывались от глаз Ника, нога постукивала по полу.

— Так мы теперь уже не такие нечестивцы, как ты?

— Постой, — сказал Ник, — я не имел в виду ни тебя, ни Бобби, просто табак, сравнительно со спиртным и оружием, ненавидят куда сильнее.

— Да ну? — отозвалась Полли. — Это ново.

— Ладно тебе, — сказал Ник. — Я каждый день сравниваю наши цифры с вашими. Курево уносит четыреста семьдесят пять тысяч жизней в год, это тысяча триста в день...

— Минутку-минутку, — сказала Полли. — Ты же сам кричишь на всех углах, что четыреста семьдесят пять тысяч — это дерь...

— Хорошо, пусть будет четыреста тридцать пять. Двенадцать сотен в день. Сколько людей ежегодно мрет от спиртного? От силы сто тысяч. Двести семьдесят с чем-то в день. Не будем мелочиться, возьмем двести семьдесят. Скорее всего, примерно столько же гибнет, поскользнувшись в ванной комнате на куске мыла. Так что я не понимаю, с чего бы террористам озлобляться настолько, чтобы похищать кого бы то ни было из работающих в алкогольной индустрии.

Бобби Джей сказал:

— Слушаю я, как ты считаешь потери в живой силе, — ну вылитый Макнамара. Поостыньте, детки.

Ник повернулся к нему: — Сколько людей каждый год погибает в США от огнестрельного оружия?

— Тридцать тысяч, — сказал Бобби Джей, — это если брать чохом.

— Восемьдесят человек в день, — фыркнул Ник, — меньше, чем на дорогах.

— На самом-то деле гораздо меньше, — мирно ответил Бобби Джей. — Пятьдесят пять процентов этой цифры дают самоубийства, еще процентов восемь убийства с целью самозащиты, так что на нас приходится чистыми одиннадцать тысяч сто.

— Тридцать человек в день, — сказал Ник. — Вообще говорить не о чем. Никакие террористы в вашу сторону, и не посмотрят.

— Видел бы ты угрозы, которые я время от времени получаю по почте, — вспыхнула Полли. Ник не помнил ее такой сердитой со дня, когда ей пришлось разговаривать на телевидении с родителями детей, пострадавших в разбитом пьяным водителем школьном автобусе.

— Угрозы? Время от времени? — Ник саркастически усмехнулся. — Да вся моя почта состоит из одних угроз. Я теперь и бандеролей-то не распечатываю. Просто-напросто исхожу из того, что внутри бомба. Всю мою почту отправляют прямехонько в лаборатории ФБР. И там мужики в свинцовых костюмах вспарывают ее струей перегретого пара. Так что насчет почты ты со мной состязаться даже и не пытайся.

— Может, снимем боксерские перчатки и закажем что-нибудь? — сказал Бобби Джей. — Я есть хочу.

— Верно, — стиснув зубы, выдавил Ник. «Ждешь от них Юного-никакого сочувствия... стоп, стоп, Полли и была полна сочувствия, пока я не вылез с поздравительными открытками». Снова во рту этот поганый вкус, точно окурочка держишь под языком. Врачи говорят, что никотин будет выводиться из организма еще месяца три. Еда больше не доставляет ему удовольствия, а специи так и вовсе отдают «Драно».

Ник заставил себя сказать:

— Я вовсе не утверждал, будто я нечестивее вас.

— Пустяки, — лаконично отозвалась Полли.

Чтобы не смотреть друг на друга, Полли и Ник уставились в меню.

Разговор пришлось вести Бобби Джей — собственно, это был монолог.

Бобби сокрушался по поводу близящейся годовщины покушения на президента Финистера. Каждая из них сопровождалась оргией, как выразился Бобби, писем в газеты с призывами запретить продажу ручного оружия: все почему-то забывали, что Финистера застрелили из охотничьей винтовки с оптическим прицелом.

— Что же, у нас теперь и охотничьи ружья отнимут?

— Никогда, разве что вырвут их из наших охладевших, мертвых рук, — пробурчал Ник, остановившийся на спагетти в надежде, что хоть они не будут отзываться пятновыводителем.

А Бобби Джей уже рассказывал об упреждающей пропагандистской кампании, планируемой его Обществом по распространению в предвидении этой годовщины. Через своих людей в Конгрессе Общество пыталось также добиться от Белого дома разрешения на проведение «Недели распространения знаний о мерах безопасности при обращении со стрелковым оружием», на которую годовщина как раз бы и пришлась.

Белый дом пока чинил им препоны, но Обществу именно благодаря этому удалось загнать его в угол: «Мы просили Белый дом, мы умоляли его поддержать в масштабах страны недельные мероприятия, которые позволят внушить людям более ответственное отношение к оружию, и чего мы добились? Ничего...» Кроме того, Стоктон Драм, которого программа «Лицо нации» обвинила недавно в геноциде по отношению к молодежи негритянских гетто, распорядился, чтобы каждый высокий чиновник Общества один час в неделю отрабатывал в общественных организациях, подвигающихся среди чернокожего юношества. Так что в следующий раз, когда какой-нибудь либеральный ханжа обвинит Драма в массовых убийствах, тот сможет поотрывать ему яйца. Большинство подчиненных восприняло приказ начальства без особого энтузиазма, но кое-кто продемонстрировал и высокую гражданскую сознательность.

Один, например, предложил создать в гетто бесплатные стрелковые курсы. Если эта шпана, говорил он, собирается превратить улицы в зону свободного огня, так уж лучше научить их стрелять пометче, чтобы они не убивали ни в чем не повинных прохожих. Бобби Джей это предложение отклонил.

— Самое грустное, — вздохнул он, прилаживая специальной конструкции нож к крюку на протезе (им уже принесли еду), — что идея-то неплохая.

Подали кофе глясе. За едой Полли молчала. Ника все пуще томило раскаяние за свое поведение. Пока он размышлял о том, как загладить содеянное, Бобби Джей упомянул о статье в сегодняшней «Вашингтон мун», и Полли с нарочитой небрежностью спросила:

— Ну, как там Шизер?

— Шизер?

— Хизер.

— Хорошо, — сказал Ник. — Вроде бы. Не знаю. Пытается получить работу в «Сан». Беседовала с Атертоном Блэром.

— С этой поганой задницей? Скорее всего, он-то и вытащил пьяное зачатие на первую полосу. Он ведь у нас трезвенник.

— Непьющий газетчик, — вздохнул Бобби Джей. — Дожили!

— Мало того, он состоит в АА.

— Неужто? — удивился Ник.

— По нашим сведениям. Таскается зачем-то в Рестон, а зачем — никто не знает.

— Интересно, — произнес Ник. — Надо будет сказать Хизер. Полли нахмурилась:

— Это еще для чего?

— Не знаю. Вдруг да пригодится. Может, ей удастся всучить ему статью, восхваляющую АА, или еще что-нибудь.

— И лишний раз вывалить нас в грязи? Это конфиденциальная информация. Как и все, что говорится за нашим столом.

— Да ладно, что ты так дергаешься? Я просто.

— Вознамерился передать своей цыпочке конфиденциальную информацию. Вмешался Бобби Джей.

— Не думаю, что кто-то из нас способен и на секунду предположить, будто сказанное за нашим столом может уйти дальше... ну хоть вот этой сахарницы.

— Правильно, — сказал Ник.

— Правильно, — сказала Полли. А Ник мирно прибавил:

— Вообще-то, я последние несколько недель с ней почти не разговаривал. И без того было о чем подумать — восстановится ли когда-нибудь чувствительность пальцев или понадобится ли трансплантация печени.

— Если ты решил превратить ее в своего глашатая, выкинь все эти мысли из головы и приступай прямо к делу, — сказала Полли. И, посмотрев на часы, добавила, что ей пора. В город съехались калифорнийские виноделы — они надеются протолкнуть через Конгресс постановление о борьбе с филлоксерой. Кроме того, у нее совещание с рекламной службой: необходимо что-то противопоставить опасному мнению насчет того, что только французские красные вина способны защитить человека от сердечных заболеваний.

Ник и Бобби Джей смотрели, как Полли уходит — на плече сумочка с торчащей наружу антенной сотового телефона, каблочки щелкают об пол. Юбка на Полли сегодня короче обычного, заметил Ник, соблазнительная такая, плиссированная юбочка.

— Что с ней происходит? — спросил Ник у Бобби Джей. — По-моему, она сегодня не в форме.

—Письмо от Гектора получила, — ответил Бобби Джей. — Он хочет начать все за-ново. Только ей придется перебраться а Лагос.
— Ишь, умник!—усмехнулся Ник.—Ладно, тогда вопрос снимается.

Вернувшись к себе, Ник только-только начал вникать в неотложные бумаги, как в кабинет его вошел и плотно прикрыл за собою дверь Гомес О'Нил.

—В чем дело?

—Не знаю, — хмуро ответил Гомес. Ник растерялся:

— Это что, новая буддийская притча?

— Побереги спину, малыш, — сказал Гомес и вышел.

Глава 14

Ник позвонил Капитану. Его ожидала неприятная новость: секретарша Капитана сообщила, что тот в больнице. «Нет, ничего серьезного, — сказала секретарша, — мелкий ремонт». Вроде бы несколько пороссячьих сердечных клапанов, пересаженных другим людям, начали барахлить, и Капитана решили обследовать на всякий случай. Голос у Капитана был больной.

— Алло? Нет, черт побери, не хочу я прочищать кишечник. Я вам уже четыре раза сказал, это не вашего ума дело. Алло? Ник, сынок!

Благослови Господь мою душу, как приятно тебя услышать. Что со мной? Со мной все было отлично, пока меня не затащили в эту средневековую камеру ужасов. Знаешь, в чем главная беда нашего здравоохранения? В существовании больниц.

Ник услышал, как медсестра—судя по голосу, крупная немолодая негритянка, полагающая, что ей принадлежит вся полнота власти, — потребовала, чтобы Капитан отложил разговор, пока они не закончат дел поважнее. Капитан, как и всякий южанин, был перед нею бессилён. Ей же было решительно наплевать на то, что он — Капитан, титан индустрии, самый важный в Уинстон-Сейлеме человек.

— Я тебе сейчас перезвоню, — сказал Капитан. — Дай только управиться с этой бабой.

Перезвонил он минут через десять.

—Когда она получит новое назначение, в аду станет куда прохладней.—И

Ник снова услышал голос сестры: «Пока вы не примете эту таблетку, я отсюда не уйду». — Да принял я уже вашу чертову таблетку. Я тебя видел вчера у Лэрри Кинга. Ты молодец, Ник. Превосходная работа. Жаль, что малый, который тебя похитил, так и не позвонил.

—Скорее всего, он догадался, что ФБР записывает звонки. Капитан, я потревожил вас по двум поводам — леди Бент и Лорн Латч.

— Да,—сказал Капитан,—пожирательница керосина и нематода. Последнее обозначало червя, вредителя табачных растений. А первое содержало намек на то, что бывшая премьер-министр Британии получила в полное свое распоряжение Капитанов «Гольфстрим». Человек, владеющий реактивным самолетом, всегда нарасхват.

—БР говорит, вы хотите, чтобы я ее натаскал?

— Верно. Ты молодой, красивый, жертва похищения. Тебя она послушает. А меня слушать не станет, это могу точно сказать.

— Так, понял. Еще он сказал, будто вы хотите, чтобы я, когда поеду в

Калифорнию по киношным делам, дал Латчу взятку. Мне эта идея не очень нравится.

— Это моя идея.

— По-моему, она может выйти нам боком.

— Всякий раз, включая телевизор, я вижу, как он каркает через это его переговорное устройство, объясняя очередному сентиментальному ведущему, что жить ему осталось два месяца и он хочет потратить каждую из своих последних минут на то, чтобы отвратить нашу молодежь от курения. Для человека, который и дышит-то с трудом, он лишком много говорит. Нам было бы куда легче, если б он просто загнулся в постели от курения, как те бедолаги, что с нами судились.

Некоторое время назад трое людей, заболевших раком легких и судившихся из-за этого табачными кампаниями, ухитрились заснуть с зажженными сигаретами и задохнуться.

— Не думаю, что он причиняет нам такой уж серьезный ущерб, — сказал Ник. — Он просто спускает пар.

— Скажи это моему старшему вице-президенту по торговле. Три недели назад Латч выступал у Донахью—меня до сих пор мороз по коже дерет, стоит вспомнить, как воровала эта парочка, — и продажа «Перекасти-Поля» упала на шесть процентов. Шесть процентов, Ник!

— Когда он умрет, все восстановится.

— Я бы не стал на это рассчитывать. Латч — перебежчик очень высокого ранга.. Эти горлопаны намерены превратить его в мученика, — Капитан понизил голос до шепота. — По сведениям Гомеса О'Нила, они собираются учредить фонд. Фонд Лорна Латча. Построят ранчо для детишек, больных... — он не смог заставить себя произнести это

слово.

— Раком?

— Меня от одной мысли об этом страх берет.

— Именно потому нам и нужна антитабачная кампания, адресованная детям.

— Каждый раз, как я включаю телевизор и вижу человека, когда-то делавшего для юс рекламу, я думаю: а что, если и у него рак?

Помнишь, как Дик Ван Дайк и Мэри Тай-лер Мор рекламировали «Кент» в шестидесятых? Боже ты мой, а что, если и у нее рак? Представляешь? Любимица всей Америки хрипит в шоу Донахью... Я хочу, чтобы ты переговорил с ним, сынок. Тебя он послушает.

— С чего бы это? — спросил Ник.

— Латч знает, что, когда он поднял весь этот шум и мы надумали отодрать ему седельную мозоль, именно ты нас отговорил. А тут еще похищение. Ты вроде бы кровь пролил, пострадал. Он же ковбой, он с уважением относится к подобным вещам. Да и сноб к тому же—я ведь хорошо его знаю, — а поскольку ты у нас теперь вон какая звезда, он не устоит перед искушением познакомиться с тобой. Сделай это для меня, сынок.

Ник вздохнул:

— Хорошо, хотя, по правде сказать...

— Ну и прекрасно. Теперь торговаться нам с ним не с руки, поэтому первое же наше предложение должно быть достаточно впечатляющим. Где мои очки? Сперла-таки, чертова баба! А, вот они. Тут у меня справка Гомеса О'Нила... Так, в прошлом небольшие проблемы с выпивкой, пара драк в барах, ничего особенного, даже жену не бил. Деть бросил...

вступил в АА. Никто теперь больше не пьет, верно? Только и делают, что пекутся о здоровье. Здоровье, здоровье, здоровье, трусцой, трусцой, трусцой. Раньше жизнь была куда веселее. Я в прошлом году ездил по делам в Калифорнию, так там приходишь на коктейль и ничего, кроме разговоров об уровне холестерина, не слышишь. Да, последнее, что мне интересно в человеке, — это какое у него соотношение хорошего и плохого холестерина... Трое детей. Судя по справке, особое преуспеяние им не грозит. Правда, есть еще пять внуков, подростки. Двадцать пять тысяч на пять...—Ник слушал, как Капитан бормочет, производя вычисления, — ...множим на четыре, получается пятьсот тысяч. Подкинем немного за его горести. Пусть будет миллион. Налоги мы платим сами, все по-честному, просто, мило и законно. А чек всегда можно выписать от имени Коалиции за здоровье... Хотя нет, ни к чему, чтобы какой-нибудь репортер пронюхал о погашенном нами чеке. Представляешь, какой поднимется шум? Обойдемся наличными. Да и в любом случае ничто не производит такого драматического эффекта, как толстая пачка прохладных, хрустящих банкнот. Когда я только еще пришел в наш бизнес и занимался торговлей, я набивал саквояж пяти- и десятидолларовыми бумажками и объезжал сельские магазинчики, расплачивался с их владельцами, выставившими в витринах наши сорта. Вот были времена! Да, стало быть, наличными, и деньги на бочку.

Ник сказал:

—Если позволите, я процитирую вам заголовок: «Умиравший Перекати-Поле отвергает плату за молчание, предложенную табачным лобби». Это из «Уолл-стрит джорнэл». Таблоидный вариант будет выглядеть примерно так: «Торговец смертью говорит Перекати-Полю: заткнись и сдохни!»

—Мы ему не взятку даем, — с достоинством произнес Капитан, — ничего подобного. Ангелы понесут тебя туда на своих крыльях, сынок. Это чистой воды благотворительность.

—Но, Капитан...

—Именно так! Жест, исполненный высокой гуманности. Человек направо и налево обзывает нас торговцами смертью, и чем мы ему отвечаем?

—Попыткой привлечения к суду за нарушение контракта.

— Это история давняя. Сейчас мы предлагаем помочь его внукам закончить университет, чтобы им не пришлось, как их родителям, работать на бензозаправках и в ночных магазинчиках. Да еще прикидываем сверху пятьсот тысяч, как бы говоря: «Никаких обид». Мы ему все равно что другую щеку подставляем. Я думаю, сам Христос сказал бы нам: «Ребята, вы поступили как порядочные люди». Сколько я помню, Иисус призывал нас возлюбить врагов наших. Но уж никак не делать этих сволочей богачами.

— Вы хотите сказать,—спросил Ник,—что отдаете ему деньги просто... просто так?

— Ну, а я тебе о чем толкую? Именно что просто так.

—И ему ничего не придется подписывать?

—Ничегошеньки.

—Никаких соглашений о молчании?

—Что с тобой, сынок? Родной язык перестал понимать? Конечно никаких. Хотя, с другой стороны, ты можешь сказать ему, что мы были бы благодарны, если б он сохранил наш жест втайне. Так сказать,

семейное дело. И прибавь еще, что, обратиться он к нам, а не к прессе, мы бы ему помогли. Табак сам о себе заботится.

—Ладно,—с облегчением сказал Ник,—тут я никаких сложностей не вижу. Капитан, оказавшись на больничной койке наедине с мыслями о собственной смерти, решил, по-видимому, примириться с врагами

своими.

—Насколько я понимаю, — сказал со смешком Капитан,—сукин сын проникнется к нам такой благодарностью, что поневоле заткнется. А если нам повезет по-настоящему, то он, увидев такие деньги, просто окочурится.

Гэзел позвонила по внутренней связи—пришли агенты ФБР. Агент Олман, тот, что подружелюбней, пожал Нику руку. Агент Монмани, выглядевший так, словно он сию минуту отобедал гвоздями с толченым стеклом, просто кивнул.

—Вы их поймали? — спросил Ник.

—Кого?—ответил агент Монмани.

—Похитителей. Кого же еще?

Монмани молча смотрел на него. Что это с ним? Ник взглянул на Олмана, однако тот уже углубился в беглый, но доскональный осмотр Никова кабинета. Станные манеры у этих господ.

— Я, может быть, чего-то не понимаю? — спросил Ник.

—Расследование продолжается,—известил его Монмани.

— Хорошо, — сказал Ник, — чем могу быть полезен?

— Для чего?—спросил Монмани. Прелестно, еще один буддист-головорез.

— Вы хотели о чем-то со мной поговорить? — спросил Ник. — Или просто зашли поговорить?

Агент Олман разглядывал плакат с доктором, удостоверяющим превосходные качества «Лаки страйк».

—Занятно, — хмыкнул он.

— Да, — сказал Ник. — В те времена работать нам было гораздо легче.

— Мой старик курил «Лаки».

—Вот как?—откликнулся Ник.

— Угу, — подтвердил Олман тоном, заставившим Ника заподозрить, что отец его долго и мучительно умирал от рака легких. Только антитабачного изувера ему и не хватало.

— Он, м-м, служил... — Ник запнулся, — в полиции?

—Нет, владел гаражом. Сейчас на покое, во Флориде.

Известие, что папа Олман благополучно пребывает среди живых, несколько успокоило Ника.

— Скорее всего, солнце доконает его раньше, чем сигареты, — сказал Олман.

—А, — произнес Ник.

— Кто-нибудь еще вашим служебным телефоном пользуется? — спросил агент Монмани.

— Моим телефоном? Да, конечно, то есть возможно.

— Конечно или возможно?

— Может быть. А что?

—Да так.

Ник и Монмани смотрели один на другого. Следующий вопрос задал Олман:

—Вы сами когда-нибудь раньше использовали никотиновые пластыри?

—Я?—отозвался Ник. Разговор принимал решительно неприятное

направление.

—Я получал удовольствие от курения. Хотел бы получать его и сейчас.

— Вы определенно прибегли к крайним мерам, чтобы бросить курить, — сказал Олман, вертя в руке солдатский кинжал времен первой мировой, используемый Ником вместо пресс-папье.—Жуткая штука.

—Виноват,—сказал Ник.—Вы сказали «прибегли»?

—Разве?

—Да,—твердо сказал Ник.

—Я так сказал? — спросил Олман у Монмани.

—Не расслышал, — ответил Монмани. Ник набрал воздуха в грудь.

— Почему меня не покидает чувство,—спросил он, — что я подвергаюсь допросу?

—Да нет, я тут, знаете, прочел недавно в одном журнале статью насчет рака кожи,— сказал агент Олман. — От него такие рубцы остаются, ужас. В наше время никакая осторожность не лишняя.

—Да, — отрывисто подтвердил Ник. — Тут вы правы.

— Мистер Нейлор, — сказал агент Монмани, — а вы после этого случая здорово прославились.

— Вообще говоря, лоббиста похищают, пытаются и без малого убивают далеко не каждый день, — ответил Ник. — Хотя многие, наверное, считают, что это должно случаться почаще.

—Я не то хотел сказать.

— А что вы хотели сказать, если быть точным?

— Вы изображаете из себя мученика. Героя.

— Агент Монмани, у вас какие-то проблемы с курением?—спросил Ник. На волчьей физиономии Монмани обозначилось слабое подобие улыбки.

— После того как бросил, никаких, — ответил он.

— Знаете что? — сказал ему Ник. — Впервые с тех пор, как я взялся за эту работу, обо мне пишут непредвзято. Теперь сравнение с Геббельсом появляется не раньше четвертого абзаца.

— Занятно, — повторил агент Олман.

Агент Монмани, похоже, ничего занятого в этом не нашел. Все трое продолжали играть в гляделки. Ник не имел ни малейшего желания нарушать молчание первым.

— Вам недавно зарплату повысили, — сказал агент Монмани.

— Было дело, — согласился Ник.

— И весьма основательно. Вдвое.

— Более или менее, — сказал Ник.

—На мой взгляд, вы это заслужили,—заявил агент Олман, поднимаясь со стоящего под «доктором Лаки» дивана. — Похоже, то, что вы делаете, здорово увеличивает продажу сигарет.

— Спасибо, —ядовито поблагодарил Ник.

—Еще увидимся, — пообещал агент Олман.

Глава 15

Сгушавшаяся вокруг него напряженность, которую Ник ощущал теперь очень ясно, привела, как обычно, к сексуальному возбуждению. Он вышел на балкончик своего кабинета и глянул вниз, на фонтан. Стоял теплый весенний день, работавшие в здании женщины уже облачились в летние платья. Ник поймал себя на том, что следит за одной из них,

прогуливающейся внизу, смакуя замороженный йогурт, — привлекательной рослой, пышной блондинкой в легком платье без рукавов, в чулках, на высоких каблуках. Она долгими, ласковыми движениями языка слизывала торчащую из стаканчика верхушку лакомства. Даже с такой высоты Ник различил бретельки ее лифчика. Хизер пользовалась своими очень умело. Служивые вашингтонские дамы из тех, что щедро оделены природой, часто прибегали к одному трюку. Слишком облегающих свитеров или платьев с чрезмерным вырезом они не носили — выставить свои достоинства напоказ полагалось здесь менее явными, но не менее губительными способами, — взамен они, фотографируясь, старались, чтобы какая-то часть бретельки выглянула из выреза платья, а после, увидав снимки, изображали смущение.

Глядя вниз, в атриум, Ник погрузился в мечты. Он пригасил свет, убрал из атриума людей, уплетающих йогурт и чизбургеры. Вокруг фонтана он расположил полный состав симфонического оркестра, состоящего из чрезвычайно соблазнительных женщин, прелести которых прикрывались одними лишь музыкальными инструментами. Виолончелисток Ник поместил в первом ряду. Да. Голым виолончелисткам определенно присущ свой, особенный шарм. Оркестр заиграл песенку о сигарильос из первого акта «Кармен», в котором девчонки, работающие на табачной фабрике, поют серенады своим ухажерам, молодым севильцам. Два года назад Академия финансировала постановку «Кармен» в Кеннеди-центре, и с тех пор Ник, принимая душ, все напевал эту песенку. *C'est fiimee, c'est fumee!*

Взгляни, как струей дымок
улетает, улетает
и в небесах
легкой дымкой исчезает.
Мы вдыхаем аромат,
наслаждаясь, наслаждаясь
и веселясь,
от забот всех отрешаясь.

Ну вот, сцена готова. Не хватает лишь *piece de resistance*. А именно — Хизер *au naturel*, полногрудой, розовой, похожей на купающихся красоток Ренуара, — чтобы она сидела с ним рядом на верхней чаше фонтана, попивая из высокого ледяного бокала шампанское («*Veuve Clicquot*», полусухое).

Ник вернулся в кабинет и позвонил Хизер.

— Привет, — грудным голосом сказала она, — сейчас я не могу подойти к телефону. Оставьте сообщение, я перезвоню вам, как только смогу.

Если хотите поговорить с телефонисткой, нажмите ноль.

Ник оставил сообщение, сводившееся к вопросу, не пообедает ли она с ним нынче вечером в «Иль Пеккаторе», и снова вышел на балкон, посмотреть, все ли еще *vivant ego tableau*. Увы. Оркестр сменили пчелы трудовые, кормящиеся замороженным йогуртом и чизбургерами. Ник уселся за стол и с энтузиазмом человека, в знойный день заменяющего на пыльной дороге спустившую камеру, приступил к неотложной работе. Ему предстояло написать за конгрессмена Джада Джокинса (демократа от Кентукки) письмо в редакцию газеты, ставящее под сомнение недавнее исследование НИЗ, которое показало, что среди детей курящих матерей на 80 процентов больше больных астмой, чем среди отпрысков матерей некурящих. Ник вздохнул.

«Никто более моего, — писал он, — не уважает работу, которую проводит Национальный институт здравоохранения, и все же нельзя не признать прискорбным то обстоятельство, что в пору, когда перед нашей нацией встают по-настоящему тяжелые, связанные со здоровьем проблемы: СПИД, стремительно повышающийся уровень холестерина в крови, недавняя вспышка кори в моем родном штате, и это лишь несколько примеров из многих, — в эту самую пору НИЗ позволяет себе настолько увлечься соображениями политической корректности, что тратит свои бесценные ресурсы, засыпая американский народ фактами, которые ему и без того известны».

Это был один из самых заезженных приемов Ника—все то же старое дежа-вуду, — но, как правило, он срабатывал. Ник уже изливал на бумагу высоконравственный гнев и жалобы на отсутствие в противнике простого человеческого достоинства и честности, когда послышался стук в дверь и голос Дженнет спросил: «Не помешаю?».

Оторвав глаза от лицемерных словес, Ник увидел просунувшуюся в дверную щель голову Дженнет. Сегодня она казалась более раскованной, чем обычно. Всегдашний узел на затылке был распущен—Дженнет собрала свои льдисто-светлые волосы в заколотый пряжкой хвостик. Неизменный темно-синий костюм в стиле «отвали», облекавший ее столь плотно, что под ним явственно различалась каждая минута каждого политого потом часа, проведенного в клубе здоровья, украсился сегодня ярчайшим шелковым шарфиком от «Гермеса», не то от «Шанель», придавшим ей вид богатой дамы, отправившейся на поиски приключений. Что и говорить, Дженнет выглядела превосходно. Видимо, кто-то из регулярно опрашиваемых телезрителей посоветовал ей расслабиться и избавиться от всегдашней надменности. В конце концов, мы выпускаем женщину на экран, чтобы она заставила зрителей забыть о раке, сердечных заболеваниях и эмфиземе, а не леденила их половые инстинкты, грозясь кнутом и цепями.

— Привет, — сказала Дженнет. — Не помешала?

— Нет, — ответил Ник, —я всего лишь пишу письмо в газету. Дженнет закрыла за собой дверь.

—Господи,—сказала она,—я бы, кажется, на убийство пошла, лишь бы перенять твою способность сочинять эти письма.

— Да ну, — сказал Ник, — дело-то проще пареной репы.

—Я наизусть помню то, что ты написал за Джордана, когда Дюкмеджян запретил курение на калифорнийских авиалиниях. «Я питаю глубочайшее уважение к губернатору Дюкмеджяну. Но в данном случае меня заботит его уважение к Конституции». Октябрь восемьдесят седьмого, верно?

Ник порозовел.

— А что толку?

Дженнет села, перекрестив ноги в чулочках - сешдня, заметил Ник, особенно тонких. Подняв глаза повыше, он обнаружил, что взгляд, брошенный им на ее ножки, от Дженнет не ускользнул. Пришлось уставиться в свою писанину и нахмурить чело, как бы в поисках нужного слова.

— Так в чем дело? — официальным тоном спросил он, хотя оба уже отлично понимали, в чем оно, дело.

— У меня появилась идея, которая очень мне нравится.

— Да? — произнес Ник, по-прежнему глядя в лист бумаги.

—Журнал для курильщиков.

— Хм, — сказал, распрямляясь, Ник и поднял на нее взгляд, стараясь не позволять ему сползать ниже талии Дженнет. — Одна-две компании уже пробовали это проделать. Ограниченный круг подписчиков, с лотков не продается...

— Вот тут-то, — сказала Дженнет, — они, по-моему, и промазали. Как раз нужно, чтобы он продавался с лотков. Открыто. Ты посмотри, что на них лежит. Там есть журналы для всех—только не для курильщиков. — И как бы ты его назвала?

— «Затянись!», — сказала Дженнет, — с восклицательным знаком в виде сигареты и комочка пепла под ней. Журнал должен быть динамичным, напористым и смачным.

— Смачным?

— Ну, сексуальным, — пояснила Дженнет. — Пряным.

— «Затянись!», — повторил Ник. — Давай подробности.

— У нас пятьдесят пять миллионов потребителей, которых, словно в наказание, гонят курить на улицу. Думаешь, им не захочется иметь собственный журнал? Да мы получим больше подписчиков, чем «ТВ-гид». Журнал, посвященный стилю жизни курильщика. Женщины с избыточным весом, представители меньшинств, работяги, люди депрессивного склада, алкоголики...

— Ярые индивидуалисты, — сказал Ник. — Независимые умы. Люди, склонные к риску. Самое что ни на есть американское качество. Я иногда думаю, что наши потребители — последние настоящие американцы.

— Вымирающие быстрее всех прочих.

— Документальные очерки об американском Западе, быстрые, сексуальные, спортивные машины, знаешь, эти «сгустки мышц»...

— Прыжки на растяжках.

— Ода!

— Списки ресторанов, в которых разрешают курить. По-настоящему полезный журнал.

— Но сексуальный.

— Смачный. Вроде «Спорте иллюстрейтед»—девочки в купальниках, но только с сигаретами в руках. Курение лишилось былой сексапильности.

— И притом содержательный.

— Более чем. Интервью с курящими знаменитостями...

— А такие есть?

— Кастро.

— Он бросил. Кстати, я не уверен, что карибские коммунисты вообще сохранили какую-либо сексапильность. Никсон! Никсон курит. Об этом мало кто знает.

— По-твоему, Никсон сексапилен?

— Ну Клинтон. Сигары.

— Он никогда их не зажигает.

— Ладно, кого-нибудь откопаем.

По внутреннему телефону позвонила Гэзел. Судя по голосу, ее что-то сильно забавляло.

— Ник, тут два джентльмена из «Современника»...

— Из «Молодого современника», — поправил на заднем плане несомненно японский голос.

— Извините. К тебе. Ник выкатил глаза.

— Идея БР.

— Значит, попозже, — сказала Дженнет.

— Когда попозже? — спросил Ник.
— Сильно попозже. Вообще-то меня уже тошнит от нашей конторы, но я правда хочу обсудить все это с тобой.
— А не хочешь хлопнуть со мной по стаканчику — сильно попозже? Или перекусить сильно-сильно попозже?
— Отлично. БР просил, чтобы я заскочила на заседание «Здорового сердца—2000». Отметиться.
— Ну да. Пуленепробиваемый жилет не забудь.
— Можешь мне поверить, я там не задержусь. В восемь?
— Отлично. Ты как насчет молодых крабов?
— Обожаю.

Хизер позвонила в разгар беседы с репортером и фотографом из «Молодого современника», которые, судя по их вопросам («Кого вы считаете воистину героическими курильщиками современной Америки?»), всей душой стояли за правое дело. С другой стороны, японцы замечательно терпимы во всем, что относится к курению: они даже разрешили рекламу сигарет в детских телевизионных программах. Может, попросить начальство о переводе в Токио?..

— Сегодня я не смогу с тобой пообедать, — сказала Хизер; голос у нее был деловитый, на заднем плане слышались обычные для газетного офиса звуки. Ну и слава богу. Ник вдруг сообразил, что пригласил на обед двух женщин сразу.

— Пустяки. Кстати, на следующей неделе мы начинаем кампанию против курения среди подростков, и я подумал, вдруг «Мун» захочет получить эксклюзивное интервью?

— Ник, я тебе уже говорила, я рекламой не занимаюсь.

— Послушай, мы совершаем экономическое самоубийство. По-твоему, это не новость?

— Для Опры, может быть.

— Что с тобой, ты боишься, что этот долдон из «Сан» заподозрит тебя в симпатиях к табачникам?

— Ну, это вряд ли.

— Ладно, — сказал Ник, — только не вини меня, если на пресс-конференции произойдет что-нибудь интересное.

— Например? Вы объявите, что курение приводит к раку?

— Можешь смеяться, — сказал Ник, — но мы только что получили результаты исследования, показывающего, что курение сдерживает развитие болезни Паркинсона. — И где оно опубликовано? В «Альманахе табачного фермера»?

— Половина моей работы, — положив трубку, сказал Ник «молодым современникам», — состоит в том, чтобы поддерживать добрые отношения с газетчиками. Какой прок от информации, если источником ее не являемся мы? Правильно?

Метрдотель «Иль Пеккаторе» провел Ника в ту же угловую кабинку, в которой он впервые завтракал с Хизер. Почему-то это внушило Нику надежду, что Хизер здесь нынче не объявится, — а впрочем, какого черта, объявится так объявится, разве он не может пообедать с сотрудницей?

Телохранительницы с неизменными сумками на липучке уселись поблизости, готовые превратить «Иль Пеккаторе» в скотобойню, если сюда вдруг нагрянет Питер Лор-ри со своей бандой терминаторов.

Сегодня это были две чрезвычайно неразговорчивые дамы со стальными глазами, способные, предположительно, одолеть любого мужика. И все-таки — женщины-телохранители? Ник пожаловался Карлтону, но тот лишь ухмыльнулся и сказал: «Ники, можешь мне поверить, даже Годзилла дважды подумал бы, прежде чем отодрать этих малышек. Всякий, кто хотя бы заденет тебя плечом, тут же обратится в донора главных жизненных органов. То есть если у него такие останутся».

Дженнет пришла, ужасно извиняясь, в восемь минут девятого и преподнесла Нику большую дорожную сумку с эмблемой «Здоровое сердце 2000».

— Двойной «Дьюар», — сказала она официанту, закурила «Перекати-Поле», затаилась и выпустила дым. — Господи, я уж и не чаяла выбраться оттуда живой. Кардиологи пошли на нас стеной. Ее передернуло.

— Я на их коктейли больше не хожу, — сказал Ник. — Отсиживаю свое на заседаниях, завтракаю с ними, но когда они начинают дуть шардоне и водку — увольте. Тут эти ребята становятся взрывоопасными.

— Там был Фаркли Крел, — сказала Дженнет.

Крел был серым кардиналом сенатора Ортолана К. Финистера, его главным помощником, речеписцем и пресс-секретарем.

— И что же, он выплеснул свой стакан тебе в лицо или просто тебя игнорировал?

— Нет, он был очень учтив. Я подошла, протянула руку — он ее не пожал — и объяснила ему, что мы ждем не дождемся возможности проработать с ним вопрос о пассивном курении.

— Смелый поступок.

— А что мне оставалось? БР сказал — отметить, я и отметилась... Крел посмотрел на меня так, словно я надушилась горчичным газом, и заявил: «Не сомневаюсь, что очень скоро нам придется прорабатывать множество вопросов».

— Так-так. И что это значит?

— Понятия не имею, однако я решила, что стоит позвонить БР и все ему рассказать. Потому и задержалась. БР велел Гомесу разобраться. Так вот, у Финистера есть служанка из Гватемалы, Розария. Работает на их семью еще с того времени, когда Ромул был президентом. И даже раньше, чуть ли не с девонского периода. В общем, она курит. И знаешь что?

— Лучше не говори.

— Вот именно. Врачи дают ей шесть месяцев, самое большее. Ник вздохнул.

— Ну хоть бы одну хорошую новость услышать. Спасибо и на том, что Полли с Бобби Джем по временам сообщают что-нибудь приятное. То «60 минут» выпускают передачу о том, что красное вино предотвращает сердечные приступы, то какой-нибудь парень найдет достойное применение пистолету — серийного убийцу пристрелит, к примеру. Он сокрушенно покачал головой.

— Откуда Гомес узнал про служанку?

— Гомес? Ты шутишь? Гомес знает все. По-моему, он до сих пор работает на ЦРУ. Но что касается Финистера, тут у меня дурные предчувствия. На следующий год его ожидают перевыборы, а шансы у него хлипкие, вот ему и требуется какая-нибудь победа, и желательно легкая...

Ник помешал пальцем водку в своем стакане.

— Ладно, — склонившись к нему, сказала Дженнет, — давай поговорим о чем-ни-будь другом.

Принесли крабов, хрупких, нежных, хрустящих, чуть припорошенных имбирем, политых соусом из икры лобстеров. В карту вин Ник заглядывать не стал, просто спросил у официанта, нет ли у них тридцативосьмидолларового «Сансера», отлично зная, что оно есть, ибо проверил это еще до прихода Дженнет. Метрдотель, играя положенную роль, разворковался по поводу отличного выбора Ника. Вино оказалось нежным, но ударяющим в голову, сухим, но крепким, пикантным, но приятным, густым, но не слишком — в общем, таким, каким и следует быть вину ценой в тридцать восемь долларов.

— А ты хорошо разбираешься в винах, — сказала Дженнет, склоняясь к нему еще ближе.

— Не попросить ли еще бутылку?

— Непременно. А то ведь никто теперь не пьет. Никто не пьет, никто не курит...

Забравшись в машину, Ник сосредоточился на попытках не вывалиться из своей полосы и молился лишь о том, чтобы не нарваться на дорожных патрульных с анализаторами дыхания. Концентрация алкоголя в его крови выражалась к этому времени трехзначным числом.

— Выпьем по рюмочке на ночь, — сказала Дженнет.

— Хочешь, заедем в «Жокейский клуб»?

— Там слишком людно, — сказала Дженнет. — Как насчет твоей конуры? Она ведь на Дюпон-серкл?

— Точно.

Дженнет коснулась его переключавшей скорость руки.

— Ну так вперед, — вкрадчиво сказала она.

— О-ох, — произнесла она.

— А-ах, — произнес он.

— У-ух, — произнесла она.

— О-оо, — произнес он.

— Я хотела этого с той минуты, как увидела тебя, — сказала она.

— У-мм, — ответил он. — У-рр.

— Хочешь, я тебя свяжу?

— М-м? Угу.

— Веревка найдется?

— Угу.

— Бельевая?

— Угу.

— А резиновый жгут?

— Угу.

— А лента для мусорных мешков? Ник сел.

— Нет. Может, зажжем хоть какой-то свет?

Дженнет настояла на полной темноте. Послышался звук растягиваемой резинки.

— Ты что делаешь? — спросил он.

— Резиновые перчатки надеваю.

— Перчатки? Зачем перчатки?

— Люблю перчатки. Они такие сексуальные, — она прикусила мочку его уха.

—У-мм...

— Вот, — сказала она, вручая ему в темноте какую-то коробочку.

—Что это?

—Презервативы, — простонала она.—Самого большого размера.

—О-о-о.

Ник начал вскрывать коробку. Это не те ли, что светятся в темноте? Потому она и захотела выключить свет?

—Ты не против? А то я так легко попадаюсь.

—Нет, — сказал Ник, — конечно нет. Он разодрал картон.

— Ну вот, — сказала Дженнет,—дальше я сама.

— Связывать меня ты ими не станешь?

— Дурачок, — сказала она.

—О-ох,—произнес он.

—А-ах, — произнесла она.

Глава 16

БР позвонил в половине восьмого утра, когда Ник еще напевал под душем «C'est fume, c'est fume!» (Дженнет успела улизнуть до рассвета), и сказал, что с ним только что разговаривал Капитан. Леди Бент предстояло выступить в Нью-Йорке перед Трехсторонней комиссией, и в ее расписании образовалось редкостное пятнадцатиминутное окно. Нику надлежит отправиться в Нью-Йорк и побеседовать с ней по душам.

— Почему мне? — спросил Ник.

— Потому что Капитан думает, будто на тебе свет клином сошелся.

— И что я ей должен сказать? «Когда вас в следующий раз спросят о Ближнем Востоке, не забудьте упомянуть о сигаретах»?

— Капитан считает, что она послушает тебя, потому что ты молодой, красивый...

—Хватит, БР.

— И потому что ты, как и она, стал жертвой терроризма. — Да я даже с британским акцентом говорить не умею.

— Ладно, перезвони Капитану и скажи, что с бывшим премьер-министром ты встречаться не желаешь.

Ник вздохнул. Увы, в игру под названием «Тогда скажи Капитану» умеет играть не он один.

— Хорошо. Но у меня на девять назначена встреча с толкачами.

— Хрен с ними, с толкачами. Предоставь их Дженнет.

— Им нужен я. Не могу же я их подвести.

— У меня от этой публики с души воротит. Шайка неудачников.

— Зато они нам преданы. Знаешь, я успею и к ним и к Бетонным Панталонам.

— Валяй, только помни — в десять у тебя самолет. Да, кстати, держи все в тайне. Если эта шлюшка Холлуэй или еще какой-нибудь репортеришка пронюхает, что Ник Нейлор натаскивает Пенелопу Бент, нас сорок дней и ночей будет поливать дождь из дерьма, так что никому ни слова, даже своим подчиненным.

Ник вернулся под душ, намылился. Перспектива встречи с самой знаменитой женщиной планеты — не считая Лиз Тейлор и британской принцессы — оставляла его до странности равнодушным. Он знал, к чему сведется их встреча. Эта баба разрежет его на тонкие ломтики,

проглотит и после еще выковыряет остатки из зубов его же берцовой костью.

Он снова намылился. Успеть на десятичасовой самолет будет трудно, но подвести толкачей он не может. Для них это очень важно.

«Толкачами» в Академии называли борцов за права курильщиков, группы которых якобы сами собой возникали по всей стране по мере того, как набирало силу антитабачное движение. Группы эти отстаивали права угнетенных курильщиков, которые все с большим трудом находили рестораны с отведенными для них залами, а на службе вынуждены были покидать свои рабочие места и плестись с сигаретой на улицу, под снег и дождь. Толкачи донимали местных политиканов, голосовавших за введение направленных против курения законов, насакивали на Главного врача яростнее, чем это могла позволить себе Академия, устраивали «собрания курильщиков» — довольно трогательные, надо сказать, — и «семинары», тоже трогательные, засыпали неблагосклонных к курильщикам вашингтонских конгрессменов и сенаторов стандартными письмами протеста, присуждали награду «Друг курильщика» — главным образом ресторанам, которые не загоняли курящих к самым бакам дня отбросов, — и распространяли укрепляющие дух курильщика майки и бейсболки с протабачной эмблемой, содранной с давнего Приветственного жеста «Черных Пантер»: поднятый вверх кулак с зажатой в нем сигаретой. Предположительно, то были стихийные объединения простых граждан, плоть от плоти Америки (или опухолей ее?), знаменующие энтузиазм и политическую активность пятидесяти пяти миллионов курильщиков. Да вы посмотрите хотя бы, сколько денег им удалось собрать в поддержку своей деятельности!

На самом деле никакой стихийностью тут и не пахло. То были «форпосты», детище Капитана, созданное по образцу и подобию студенческих организаций, которые в 50-х финансировало ЦРУ. Практически все свои средства толкачи получали от Академии. Деньги отмывались самым что ни на есть законным порядком — передавались разного рода посредникам, а те, изображая анонимных дарителей, жертвовали их кому следует. Расходов все это требовало относительно малых, зато друзья табачной индустрии в Конгрессе и Сенате имели возможность распространяться о всенародной любви к табаку.

Ну, а кроме того, если у какой-либо местной газетки образовывался недостаток новостей, она всегда могла взять интервью у находящегося под боком главы Коалиции за курение в помещениях, или Союза курильщиков за свободу, или несколько более воинственной испанской группы «Fumamos!».

Раз в год все они съезжались в Вашингтон—устраивали на Эспланаде сеанс одновременного курения да бродили по залам Капитолия в надежде отловить какого-нибудь озабоченного по части здоровья конгрессмена и показать ему где раки зимуют.

Академия, естественно, старалась не афишировать свои контакты с этими «форпостами», однако Ник полагал необходимым подбодрять их зажигательными речами. Да, все они марионетки, ну и что с того?

Они-то этого не знают. БР, при всей его чванливости, прав: люди они были, как правило, пустейшие. Нику, по крайности, платили за страстные речи в защиту курения. А эти драли глотку задаром. Как это ни смешно, толкачи сильно походили на антитабачных горлопанов—то же

отсутствие чувства юмора, та же заикленность на одной идее, та же озлобленность.

И все-таки Ник считал, что Академия обязана уделять им хотя бы полчаса в год. Он не вправе обманывать их ради того, чтобы поучить уму-разуму бывшего премьер-министра Британии. Этим утром Ник, даром что поспать ему ночью практически не удалось, пребывал в мире с окружающей действительностью. Постельные труды иногда приводят к такому эффекту. А Нику пришлось-таки потрудиться. Дженнет извела на него две коробочки презервативов. Она, безусловно, знала толк в этих делах. И какая молодчина: когда Ник, которому вовсе не улыбалось, чтобы Хизер, заглянув к нему, обнаружила разбросанные по полу предательские упаковки от презервативов, собрался их выкинуть, оказалось, что Дженнет все унесла с собой. Аккуратистка — наверное, это качество сопутствует навязчивой потребности связывать человека по рукам и ногам.

Когда он появился в Академии, Гэзел сообщила, что в кабинете его ждут агенты Монмани и Олман.

— С добрым утром, — сухо сказал Ник. — Уже поймали? Агент Олман поздоровался в ответ. Агент Монмани промолчал.

— Чем могу быть полезен?—спросил Ник, решив обойтись без дальнейших любезностей. — У меня сегодня очень мало времени. Монмани вытащил блокнот.

— Шесть лет назад, работая в ВРТК, вы объявили в прямом эфире о смерти президента Бродбента.

— И что же?

— Как это случилось?

— Я впал в добросовестное заблуждение.

Физиономия Монмани приобрела выражение, говорившее, что он не намерен слушать столь беспардонное вранье. — Это имеет какое-нибудь отношение к поискам похитителей?

— Нет, — сказал агент Олман. — Ну ладно, вы нынче заняты. Поговорим позже.

Фэбээровцы вышли. «Интересно, — подумал Ник, — в ФБР принимают просьбы о замене приставленных к тебе агентов?»

Толкачи ожидали его в небольшой аудитории. Атмосфера ее ошарашила Ника — комнату заволок такой дым, что задние ряды различались с трудом. Эти люди действительно любили курить.

Его приветствовали бурей аплодисментов. Что ж, приятно. «Наши люди», — подумал он. Глава Союза американских курильщиков Людлоу Клют произнес воодушевленное вступительное слово, из которого следовало, что Ник отбил от похитителей голыми руками. Затем Клют долго распространялся о том, как много значит для них Академия. Ну ничегошеньки не понимают.

Ник вышел на подиум и принялся тарабанить речь, которую сочинил, моясь под душем. В ней он сравнивал своих слушателей с американскими борцами за свободу, длинная череда которых восходила аж к «Парням с Зеленой горы» Итана Аллена. Пришлось немного переиначить историю Америки, но ей это было не впервой.

Ник уже добрался до первой мировой и телеграммы Першинга, требовавшей от Вашингтона побольше сигарет для солдат, — о том, что

за этим последовали первые в Америке случаи заболевания раком легких, он говорить не стал, — когда на нем начал сказываться стоявший в комнате дымина. Сначала закружилась и запульсировала голова, следом напал кашель. Настоящий добротный кашель, когда приходится держать перед собой носовой платок, чтобы не забрызгать окружающих.

— Простите...—задыхаясь, произнес Ник, — простуда... агрррх...

— В заключение, — прохрипел Ник, — позвольте сказать вам, что...

Они с обожанием смотрели на него, впитывая каждое слово. «Наши люди».

—... что именно люди... подобные вам... несут... кха, кха... факел свободы... кха, кха, кха... зажженный... кхы, кхы, кхы... нашей великой нацией...

Еле держась на ногах, он раздал несколько автографов, все больше на сигаретных пачках, и помчался к самолету, развернув по дороге «Нью-Йорк тайме» и прочитав прямо на первой полосе: «Авиалинии Соединенных Штатов из соображений экономии сокращают подачу свежего воздуха в салоны самолетов». И после этого люди обижаются на сигаретные компании?

В ожидании своего рейса Ник заскочил в мужскую уборную аэропорта «Нэшнл». Это было одно из немногих мест, куда телохранительницы последовать за ним не могли. Думая о своем, Ник стоял перед писсуаром, когда голос за его спиной произнес: «Привет, Ник!». Питер Лорри!

Ник развернулся так стремительно, что не успел даже выпустить из рук свой краник, — и обнаружил, что поливает штанины ни в чем не повинного, но чрезвычайно разгневанного бизнесмена.

— Эй! А, дьявол!

— Простите. Простите,— выдавил Ник. — Я...

Бизнесмен, сквернословя, отряхивал брюки. Ник огляделся. Никого. Большую часть полета Ник просидел, неотрывно глядя на спинку сиденья впереди. Прямо из самолета он позвонил доктору Вильямсу и рассказал о случившемся. Доктор Вильяме, со всегдашней его благожелательностью, несколько раз повторил, что Ник перенес серьезную травму, и предложил записать телефон психиатра. Ник сказал, что подумает, попрощался и снова устался в спинку сиденья.

Леди Бент обосновалась на верхнем этаже отеля «Пьер». Попасть туда можно было яишь после того, как портье вставит в скважину на своем щитке управления специальный ключ; человека же, поднимающегося в лифте, не покидало ощущение, что его тело просвечивается вдоль и поперек.

Дверь со звоном отворилась, и перед Ником предстала троица крепких мужчин с припухлостями под мышкой. Ник сразу признал в них сотрудников Службы безопасности— достаточно было оценивающих взглядов, которыми они его смерили. Из-за того, что леди Бент сотворила с взорвавшей ее бульдогов ИРА, она теперь пребывала под защитой Специального отдела. Ирландцы поклялись, что рано или поздно достанут ее.

Телохранителям не понравилось, что Ник явился с собственной вооруженной охраной — слава богу, та хоть обрезы с собой не

прихватила. Ситуация создавалась патовая, поскольку Никовы Валькирии имели приказ не сводить с него глаз, а охранники леди Бент не собирались подпускать их к предмету своих забот. Наконец явился один из ее помощников, установил, продемонстрировав чудеса дипломатичности, вооруженный нейтралитет и пригласил Ника последовать за ним.

Они вошли в бескрайний, бесконечный «люкс». Помощник мягко стукнул в дверь, та растворилась, явив не леди Бент, но ее личного секретаря, человека с лицом вице-короля, высокого, тощего, в отлично сшитом костюме. У него была странная, прозрачная кожа, под которой едва ли не различалось устройство черепной коробки, и нос как у баклана, отчего у Ника возникло желание предложить ему свежей рыбки.

— А, э-э, мистер Нейлор, — без улыбки сказал секретарь и протянул ему руку. — Боюсь, у нас нынешним утром несколько напряженно со временем, так что, если вы согласитесь присесть, мы могли бы переговорить о том, что именно угодно вам обсудить с леди Бент.

— Виноват? — ошеломленно переспросил Ник.

Вице-король соорудил на лице страдальческую гримасу, извещающую, что он не для того получил в Кембридже диплом первой степени по двум специальностям сразу, чтобы тратить время, повторяя свои безупречно сформулированные вопросы умственно отсталому жителю бывшей колонии Ее величества. Впрочем, сказанное он повторил слово в слово.

Ник, слегка откашлявшись, спросил:

— А как по-вашему, что именно мне следует обсудить с леди Бент?

— Люди мистера Бойкина просто сообщили нам, что вы желали бы побеседовать с бывшим премьер-министром о ее отношениях с «Агломерейтед Тобакко». Точный характер беседы нам так и не был указан, несмотря на наши, вынужден упомянуть об этом, неоднократные просьбы прояснить его. Такова, стало быть, ситуация, в которой мы пребываем, — я, впрочем, надеюсь, что никто не решится назвать ее неприятной.

Вице-король продолжал говорить, прибегая к длиннющим оборотам, которыми, пожалуй, и жираф подавился бы, и до Ника стало понемногу доходить, что Капитан, титан индустрии и прирожденный лидер, ни больше ни меньше как боится этой женщины, которой он выплачивает ежегодно небольшое состояние и которая летает туда-сюда на его «Гольфстриме», что само по себе стоит 15 000 долларов в час. Капитан просто не смог заставить себя сказать ей: «Черт подери, произнесите же хоть пару слов в защиту сигарет!»

И судя по всему, вице-король не собирался позволить Нику свидеться со старыми Бетонными Панталонами, не выяснив, на что будет потрачено ее драгоценное время.

— М-м, — промямлил Ник, лихорадочно придумывая, что бы такое сказать. Вице-король молча взирал на него. Ник перешел на шепот: — В этой комнате чисто?

— Прошу прощения?

— Вы уверены, что ее просканировали?

— Просканировали? Что это значит? Вы говорите о жучках? Ник кивнул.

— Я... насколько мне известно, ист. Но простите, почему вас-то это заботит? Ник вытащил блокнот и написал на листке: «Есть здесь ванная комната, в которой мы можем поговорить?»

— Ванная комната? — удивился вице-король. — Что вы, собственно, имеете

в виду? Ник написал: «Это касается личной безопасности Л. Б.». Вице-король в замешательстве взглянул на написанное и раздраженно произнес:

— Ну хорошо.

Ник прошел за ним в ванную, устроил там небольшое представление, якобы отыскивая подслушивающие устройства, а после открыл все краны. Звук получился под стать Ниагарскому водопаду. Ник зашептал:

— Как вам, наверное, известно, на меня покушались радикалы из антитабачного движения.

— А, да. То-то ваше лицо показалось мне знакомым. Но, боже мой, при чем тут леди Бент?

— Мы не знаем, насколько пространен список жертв, намеченных этими людьми. Вы меня понимаете?

— Помилуйте, какие могут быть к ней претензии? Она практически не связана с вашим бизнесом. Несколько появлений на совете директоров, от случая к случаю присутствие на обеде, не более того.

— Она принимает от нас деньги.

— Ну да, но...

— И летает на самолете компании «Аг-Тобакко».

— Да, но она почти...

— Стало быть, если не она с нами, то мы-то с ней связаны.

— Честно говоря, мне кажется, вы принимаете все это слишком близко к сердцу. Не вижу, что может грозить премьер-министру.

— Если вы готовы взять риск на себя, прекрасно. Возможно, вы правы. Возможно, они не станут охотиться на нее. Я просто вернусь к себе и представлю письменный доклад относительно того, что вы не видите здесь никаких проблем.

— Пожалуй, вам все же стоит переговорить с ней. Но прошу вас, очень коротко, очень. У нас сегодня чрезвычайно насыщенный день.

Он открыл дверь ванной — в самой середине номера стояла леди Бент. Очень приятная пожилая дама с грудью матроны, глазами мангусты и копной волос, способной, похоже, сохранить ее голову в целости даже при обстреле ядерными снарядами.

— Ага, — сказала леди Бент. — А я вас везде ищу. Чем вы там занимались, господа прости?

Вице-король покраснел.

Леди Бент предложила Нику кресло и, усевшись сама, спросила:

— Чем могу вам помочь?—явно давая понять, что не собирается вести с ним светскую беседу о Нью-Йорке, отеле «Пьер» или склонности ее секретаря заманивать в туалет симпатичных молодых людей. Ник еще не успел ответить, как она, с любопытством взглядевшись в него, задала новый вопрос: — Вы ведь тот самый человек из сигаретного бизнеса, на которого было совершено покушение, верно?

— Да, мэм, — ответил Ник. Леди Бент оживилась.

— Называть меня «мэм» вовсе необязательно. Я не королева. Наверное, это было ужасно.

— Ну, веселого было мало, — согласился Ник. — Хоть и не сравнить с тем, через что пришлось пройти вам.

— Выходит, у нас с вами есть кое-что общее. Мы оба сознаем, что с терроризмом мириться нельзя. Никогда.

— Несомненно, — сказал Ник. — Однако, леди Бент, нас очень тревожит, что эта группа—вероятно, все еще достаточно большая — может выбрать

следующим объектом нападения вас. Если что-то подобное случится, мы будем чувствовать себя виноватыми. Поэтому я и приехал к вам — попросить, чтобы вы воздерживались, и на публике, и в частных беседах, от каких бы то ни было упоминаний о табаке. И уж тем более, оборони бог, от положительных отзывов о нем.

Леди Бент распрямилась в кресле, точно проснувшаяся львица, и смерила его испепеляющим взглядом. Да, подумал Ник, оказаться в ее кабинете и ощутить на себе этот взгляд, бьющий в упор из-за письменного стола, не очень-то приятно.

— Мистер Нейлор, — произнесла она голосом, подобным арктическому ветру, — я никогда не поступалась принципами из опасения за свою безопасность.

— Разумеется, нет, — сказал Ник. — Я вовсе не это имел в виду. Просто нам кажется...

— Если мы позволим террористам указывать, чего нам нельзя говорить, мы тем самым позволим им указывать, что нам говорить следует. И в этом случае мы как цивилизованные люди существовать перестанем.

— Прекрасно сказано, — подхватил Ник. — И все же я должен настоять на том, чтобы о табаке вы не упоминали. Вы же не хотите довести эту публику до белого каления. Я ничего не знаю об ИРА, кроме того, что добра от нее ждать не приходится, — и, разумеется, то, что ее бойцы сделали с вашими собаками, ужасно, — однако в Америке случаются временами вещи и пострашнее.

Краска бросилась в лицо леди Бент. Она встала, показывая, что разговор окончен, протянула Нику руку и сдавленным голосом, не улыбаясь, сказала:

— Рада была познакомиться с вами.

Ник, сопровождаемый вице-королем, покинул комнату, дверь которой, как по волшебству, сама распахнулась перед ним.

Два дня спустя, в Вашингтоне — Ник готовился к поездке в Калифорнию — его вызвал БР.

— Видел? — спросил он, бросая на стол номер «Уолл-стрит джорнал». Нет, еще не видел. Ник приступил к чтению:

«После обеда в отеле «Пьер» леди Бент произнесла речь, продлившуюся час двадцать пять минут, что немало даже по ее меркам. Темой речи стала свобода предпринимательства после холодной войны. Никого из присутствовавших на обеде, то есть по преимуществу официальных лиц из сфер бизнеса и международной торговли, не удивило, что бывший премьер-министр Британии поднимает свой голос в защиту свободы торговли, язвительно нападая на протекционизм. Однако, помимо этого, она с необычайной страстностью высказалась в поддержку права американских и английских сигаретных компаний свободно конкурировать на азиатском рынке. Леди Бент отдала должное компании «Агломерейтед Тобакко», проявляющей особую активность в стараниях преодолеть существующие в странах Тихоокеанского бассейна ограничения на продажу американских табачных изделий. В состоявшейся после обеда неофициальной беседе с журналистами леди Бент заявила, что ее высказывания о табаке никак не связаны с дружественными отношениями, сложившимися между ней и «Агломерейтед». «Мои воззрения на производство и продажу табака ничем не отличаются от моих воззрений на производство и продажу мороженого, — сказала она, — и они

оставались неизменными на протяжении всей моей карьеры». Далее она осудила антитабачное движение как «направленное против бизнеса».

— Не знаю, что ты ей наговорил, — сказал БР, — но оно определенно сработало. Я получил распоряжение еще повысить тебе жалованье. До двухсот пятидесяти.

В коридоре Ник столкнулся с Дженнет. Она просияла.

— Мы так и не поговорили о «Затянись!», — сказала она.

— Я завтра лечу в Калифорнию.

— Значит, надо будет вечером еще разок выпить по маленькой на сон грядущий, — промурлыкала Дженнет. Ей хотелось снова прийти к Нику.

И все повторилось: погашенный свет, коробочки с презервативами — Дженнет явно питала слабость к резиновым изделиям, — охи и ахи. На следующее утро Ник, квелый и разбитый, вылетел из «Даллеса» в Лос-Анджелес, на важную встречу с важным человеком.

Глава 17

Он полетел первым классом. БР пришлось согласиться на это, поскольку Ник вез в кейсе полмиллиона пятидесятидолларовыми и сотенными бумажками. Плата за молчание Лорна Латча. Странное возникает ощущение, когда тащишь с собой такую кучу денег. Кажешься самому себе наркодельцом или тайным посредником времен Уотергейта. Когда Ника просвечивали в «Даллесе», у парня, глядевшего на монитор и увидевшего все эти пачки, глаза полезли на лоб. Деньги перевозить закон не запрещает, а вот трем телохранительницам Ника, как только они предъявили свои девятимиллиметровые, устроили небольшую сцену. Впрочем, когда Ник уселся в первом классе и над ним склонилась сначала стюардесса, раздававшая нагретые салфетки, а следом другая — с «Кровавыми Мэри», он ощутил приятную расслабленность. Нику нравилось летать, пусть даже авиалинии сэкономили теперь на подаче свежего воздуха в салоны. Пожалуй, подумал Ник, и он и они занимаются одним делом.

Салон первого класса был заполнен. В последние годы между Вашингтоном и Лос-Анджелесом мотается немало людей. Ник узнал пресс-секретаря Барбры Стрейзанд, который, как он читал, прилетал в столицу, чтобы изложить Совету национальной безопасности взгляды Барбры на развитие ситуации в Сирии. Был здесь и пресс-секретарь Ричарда Дрейфуса, познакомивший кабинет министров с отношением Ричарда к реформе здравоохранения.

Прошло почти два часа полета, прежде чем Ник сообразил, что сидящая рядом с ним женщина в темных очках, размерам которых позавидовала бы и Джекки О., это Тар-лина Тамм, телережиссер и близкий друг «первого семейства». Ник, знающий, насколько знаменитости, особенно спорные, не любят, когда их узнают в самолетах, не стал ей представляться.

Однако вскоре заметил, что она украдкой поглядывает на него из-под очков. Когда их взгляды встретились в третий раз, оба смутились, и Ник улыбнулся ей. Она же спросила:

— Вы не тот человек из табачной промышленности, которого недавно похищали?

— Тот, — сказал Ник, польщенный, что знаменитость заговорила с ним первой. Он уже собрался произнести ответную любезность, когда она

выпятила челюсть и пророкотала:

— Я знала немало людей, умерших от рака легких. Хороших людей.

— А плохие все выжили? — поинтересовался Ник.

Тарлина смерила его свирепым взглядом, поозиралась в поисках пустого кресла и, не обнаружив такового, вернулась к лежащему на ее широких коленях сценарию и принялась сердито черкать его большим красным карандашом. За дерзость Ника придется расплачиваться какому-то сценаристу.

Лос-Анджелес Ник любил. Всякий раз, как он прилетал сюда—даже в разгар напряженной рабочей недели, — ему казалось, будто уже пятница. Он испытывал радость, спускаясь по самолетному трапу и воображая, как поедет по Малхолланд-драйв в спортивном «мустанге», нанятом для него Гэзел, как будет поглядывать на огни города, раскинувшегося внизу—далеко, насколько видит глаз. Жаль, что нет с ним ни Хизер, ни Дженнет. Может, стоило сманить Хизер с собой? Или Дженнет.

Все эти приятные мечтания разлетелись в прах, едва он увидел ближневосточного обличия шофера со стрижкой стоимостью долларов в сто. Шофер поджидал его у выхода из аэровокзала, держа перед собой табличку «М-р Нейлор». Невинная попытка отобрать у Ника кейс обошлась шоферу дорого: телохранительницы едва не выдрали бедняге руку из плеча. Шофер извиняющимся тоном представился—его звали Махмуд, а послал его мистер Джек Бейн из Ассоциации творческих дарований — и вручил Нику конверт с запиской от Бейна, содержавшей просьбу позвонить при первой же возможности. Ник еще пуще пожалел о несостоявшемся «мустанге», когда дошел до машины Махмуда, приземистого лимузина длиною в бассейн для соревнований по плаванию. Люди, стоявшие невдалеке в ожидании автобуса, завидев Ника, его свиту и смахивающий на Моби Дика лимузин, тут же принялись кланяться у него автографы, действуя телохранительницам на нервы. Ник успел дать только один — человек, получивший его, взгляделся в подпись, нахмурился и сказал: «Это не он». Уже успевшая собраться небольшая толпа тут же растаяла.

Внутри автомобиль походил на прохладную пещеру, освещенную десятками крохотных лампочек, словно бы снятых с рождественской елки. На огромном телеэкране прямо перед Ником созданный компьютером фейерверк сложился в слова: «Добро пожаловать в Лос-Анджелес, мистер Нейлор». В открытой микроволновой печи стояла чаша с нагретыми салфетками; в баре, тоже открытом, обнаружились свежавыжатые соки четырех видов и выпивка. На сиденье валялись последние номера «Лос-Анджелес тайме», «Верайети» и «Асахи симбун». Так, а где же махровый купальный халат?—удивился Ник.

Внезапно фейерверк исчез, смененный огромным лицом: дочерна загорелым, с зубами столь белыми, что на них больно было смотреть, с глазами, неразличимыми за тонированными очками авиатора. Ник попытался сообразить, почему телевизор переключился сам собой и ведущего какой именно телеигры он видит, но тут лицо сказало: «Ник!» Ник вытаращил глаза.

— Джек Бейн. Все в порядке?

Вопрос прозвучал так действительно и тревожно, как если бы Джек ожидал, что Ник ответит: «Нет, Джек, не все. Все далеко не в

порядке. И тебе, твоей семье и собаке придется за это дорого заплатить».

— Да, — придя в себя, сказал Ник, — все отлично. Спасибо.

— Поверить не могу, что не сумел лично встретить тебя в аэропорту. — Нику осталось лишь толковать эту фразу как ему заблагорассудится. — Джефф ждет не дождется встречи с тобой. Как только освобожусь, сразу подскочу к тебе в отель. Вот мой домашний номер, звони в любое время, хоть в полночь, хоть когда. Когда угодно. Я это серьезно — договорились?

— Договорились, — сказал Ник.

Полчаса спустя они остановились перед отелем. Не перед «Пенинсулой», где заказывала номер Гэзел, а перед «Энкомиумом» — обсаженным пальмами, воздушным, с бьющим внутри гигантским фонтаном работы Ицека Макклеллана. На тротуаре Ника поджидал заместитель управляющего.

— О, мистер Нейлор, а мы ждем вас, ждем. Управляющий просил передать вам искреннейшие сожаления, что ему не удалось встретить вас лично, А эти дамы, — спросил он, оглядев трех обступивших Ника крепких женщин, — с вами?

Ник сказал, что с ним.

— Вы все остановитесь в одном номере?

— О нет, — ответил Ник.

— Тогда прошу за мной.

Багаж Ника испарился. О том, чтобы зарегистрироваться в отеле, никто и не вспомнил. Заместитель управляющего вручил Нику магнитную карточку, позволявшую пользоваться его, Ника, личным лифтом, и поднялся с ним в этом лифте — наружном, стеклянном — в колоссальных размеров пентхауз с утопленной в пол мраморной ванной, камином, балконом, водопадом и необъятной, уже разобранной постелью. На стенах висели работы Хокни, подлинники. Посреди номера Ника ожидал его персональный лакей, молодой азиат в безупречном фраке, державший серебряный поднос с водкой «Негрони» Е наполненным кубиками льда стаканчике «баккара». Ничего не скажешь, встретить умеют

— Мы позволили себе, как только узнали, что вы прибываете, позвонить в ваш офис и навести кое-какие справки, — сообщил заместитель управляющего. — Разрешите наполнить для вас ванну? — спросил лакей. Зазвонил телефон.

— Можно я? Номер мистера Нейлора. Да, пожалуйста. Это вас, сэр.

Мистер Джек Бейн из АТД.

— Ник? Джек. Все нормально?

— Да, Джек. Все хорошо.

— Ты уверен?

— Да вроде бы.

— Ты там подписывай все подряд. И ни о чем не думай. Так это что же

— все задаром? Какой хороший город!

— Если тебе что не понравится, непременно позвони мне, — сказал Джек.

— Что бы то ни было. Или если проснешься ночью и захочешь поговорить. Я буду здесь. Я знаю, что такое оказаться одному в чужом городе. Запиши номер, это телефон на столике у моей кровати. Он известен всего трем людям на свете. Майклу Эйзнеру, Майклу Овицу, ну и Джеффу, конечно, а теперь и тебе. Да, еще моей матери, выходит,

всего пятерым. У тебя мать есть? Они просто чудо, верно? Увидимся за завтраком. Хайфон там?

— Кто?

— Лакей. Тебе что, не предоставили лакея? Иисус Христос на роликах, что там творится?

— Это вы Хайфон? — спросил Ник у лакея. — Да, Джек, он здесь.

— Дай-ка мне его.

— Он хочет с вами поговорить, — сказал Ник, протягивая трубку.

Хайфон, множество раз повторив отрывистое «да, сэр», положил трубку.

— Вы позволите прислать вам массажистку, сэр? Она очень хорошая.

Превосходно обучена.

— Ну-у...

— Тогда я пришлю.

— Хайфон, — сказал Ник, — можно задать вам вопрос?

— Да, сэр.

— Мистер Бейн, он что, как-то связан с этим отелем?

— Все гости АТД и ее клиенты из других городов останавливаются в «Энкомиуме».

— Понятно, — сказал Ник.

— Так я пришлю Берни.

Ник сидел в шезлонге, потягивал водку «Негрони» и смотрел, как за Санта-Моникой опускается в океан солнце. «Кампари» и водка уже начали вливать в его члены приятную вялость, когда Хайфон стукнул в дверь и объявил о прибытии Берни. Она вошла с широкой калифорнийской улыбкой — «всем привет!» — миловидная, мускулистая блондинка лет двадцати пяти, в белом обтягивающем «боди» с треугольным вырезом. Те несколько раз, что Ник подвергался массажу — это не были «массажные» салоны, — он неизменно чувствовал себя неуютно, но Берни с ее дружелюбием и непосредственностью быстро избавила его от ощущения неловкости, и вскоре он уже лежал в чем мать родила на наклонном столике, накрыв укромные места полотенцем. Она предъявила ему массажное меню — шведский, шиацу, с горячим маслом, тибетский и т.д., — настоятельно порекомендовав нечто, именуемое НМТ, то есть нервно-мышечную терапию, разработанную, по ее словам, израненным ветераном Вьетнама, который разочаровался в западной медицине и стал изучать восточные методы целительства. Приятного в этой терапии было мало, напротив, Ник испытывал резкую, до стоны и зубовного скрежета, боль, пока Берни месила кулаками его позвоночник, сдавливала коленями шею и ягодицы, корежила локтями грудную клетку, исципав под конец кожу так, что та начала гореть, — это чтобы вызвать приток крови к поверхности, пояснила она. Последнюю пытку она называла «bindegewebs», а изобрели ее немцы — nattlrlich.

Берни вставила в магнитофон кассету под названием «Океанические адажио» — музон в стиле «нью-эйдж», состоящий из воплей горбатых китов и синтезированной музыкальной тарабарщины, в общем довольно приятный, поскольку он отвлекал Ника от боли. В конце концов, плотно прогладив большими пальцами ободы его глазниц, отчего в глазах полыхнул свет — оскорбленный отзыв зрительных нервов, — Берни подтянула Ника к краю стола, перевернула на живот и приладила к свесившейся вниз голове «лицевую повязку». Поскольку ноги Ника находились теперь выше головы, в пазухах носа вскоре начала застаиваться кровь и нос заложило, как при сильной простуде. Берни,

склонившись над головой Ника, принялась за его ягодицы, груди девушки терлись о его затылок. Туда-сюда, туда-сюда. Спустя несколько минут Ник принялся отсчитывать числа назад от ста, каждый раз вычитая семерку, — метод отвлечения от неуместных мыслей, усвоенный им давным-давно. Он лежал, свесив лицо вниз, похрюкивая забитым носом, точно натасканная на трюфели свинья, и слушая, как орут, кувыркаясь в глубинах, киты.

— Тебе нравится музыка, Ник?

— Даррр.

— Люблю китов. Самые величественные из всех тварей, правда?

— Пррррд.

— Поверить не могу, что японцы собираются снова открыть на них охоту.

— Пидррры.

— Знаешь, здесь с этим словом следует быть поосторожнее.

— Пррррд?

— Ты когда-нибудь купался с дельфинами, Ник?

— Никррд.

— А мы с моим дружкой купались пару недель назад.

Ага. Дружок. Завуалированное предупреждение: «Не воображай лишнего. Я делаю свое дело, и только».

— К северу от Сан-Диего есть одно местечко, там можно за девять долларов поплавать с дельфинами. Мы с Марком съездили туда на его мотоцикле. У него «харлей-дэвид-сон». Большой?

Берни имела обыкновение обращать в вопрос любую фразу, даже простейшее повествовательное предложение — вдруг собеседник чего-то не понял.

— Он служит здесь, во флоте. В «Морских львах»? Чего он там делает, никогда не рассказывает. В общем, ему не хотелось плавать с дельфинами, а мне очень, так что мы все же поплавали. У них такая невероятно мягкая кожа, а дышат они, как будто поют? Вот так: «Пуууш». Такой примерно звук. Знаешь, это так чувственно? Кататься на них, держась за плавник? Почти как... — Берни вздохнула. — Марку они не понравились. Он все время от них отпихивался. А тамошний хозяин рассердился и говорит: «Шел бы ты отсюда», а Марк сказал, что закинет его прямо к дельфинам.

Еще одно предупреждение: «Дружок у меня вспыльчивый, хорошо обученный профессиональный убийца. Так что ты руки-то не распускай».

— А я все равно осталась в бассейне, — продолжала Берни. — Я бы навсегда там осталась, так это было чудесно? Позапрошлой ночью они мне приснились. Как будто я еду при лунном свете верхом на дельфине, мы скачем по волнам, вверх-вниз, вверх-вниз. На мне ни купальника, ничего, а его кожа трется об мою, так здорово! И он поет? «Пууш»... Я такая возбужденная проснулась? А рядом Марк храпит. Он так храпит!? А скажешь об этом, злится? Я купила ему на день рождения одну штуку. Вроде микрофона, крепишь его к пижаме, а от него проводок идет вроде как к наручным часам, только они при каждом всхрапе тебя бьют электричеством, правда несильно? Ух, как он разозлился? Весь вечер испортил. Гости сразу по домам разбежались. Марк иногда такой злой бывает? По-моему, «Морские львы» должны были бы всю злость на работе растрачивать, а по-твоему как?

— Нврррн.

Берни уже разминала указательными и большими пальцами мышцы на шее Ника.

— У тебя связки слишком натянуты, Ник. Вообще ты весь какой-то зажатый.

— Ррррзв?

Груды Берни снова прижались к его затылку. 100... 93!.. 86...

— Хочешь, Ник, я сниму напряжение?

— Карррк? — Интересно, это она всерьез?

— Мистер Бейн сказал, чтобы я сделала для тебя все, что могу.

Ник отчетливо увидел здорового «Морского льва» — здорового, обозленного «Морского льва», мокрого, с зачерненной физиономией, заполнившего весь дверной проем, а в руках у него огромный кинжалище... 79... 72... 65...

— Можно я разденусь? Мне вдруг стало так жарко? ...65...

— О-ох, вот так лучше. Тебе так лучше, Ник?

— Ник! — с взрывной силой воскликнул Джек Бейн.

Они встретились следующим утром в холле отеля. Лицо, которое Ник видел вчера на огромном телеэкране, оказалось приделанным к приземистому, но мускулистому телу, облаченному в полотняный костюм. Из нагрудного кармана торчал уголок бирюзового носового платка—шелк, и очень не дешевый. На правой руке Бейна поблескивали надетые прямо поверх манжеты часы, стоимостью примерно в годовой заработок заводского рабочего.

— Здорово экономит время, — сказал Джек. — Не приходится отдергивать манжету. По моим прикидкам, я в течение жизни сберегу на этом сотни две рабочих часов.

Джек оглядел телохранительниц и соорудил вопросительную гримасу.

Пришлось Нику объяснить, откуда у него столь странный эскорт. На Джека его объяснения произвели сильное впечатление.

— Вот и у Джеффа были такие же два года назад. Помнишь тот случай? Ник не помнил.

— Да вертелся тут один бывший инструктор по боевым искусствам. И в какой-то момент малость спятил. Втемяшил себе в голову, будто Джефф собирается сделать из него второго Стивена Сигала. Вообще-то, я думаю, Джефф и сам бы ему рыло начистил, но все же, когда имеешь дело с человеком весом под двести пятьдесят фунтов, корейцем, у которого черных поясов больше, чем у Лиз Тейлор, лучше не рисковать, верно? Ты как спал, хорошо? Массаж тебе сделали? Кто, Берни? Ник смущенно пробормотал, что да, Берни.

— Хорошая девочка. А насчет дружка-десантника ты не тревожься. Он здоровенный, но безвредный. Был среди тех, кого во время «Бури в пустыне» посылали в Багдад, чтобы укокошить Саддама Хусейна. Они с ним разминулись всего на пять минут. Знаешь почему? Потому что он свою девку валял. Кругом бомбы сыпятся, а он никак с нее слезть не может. Вот же тупой подонок! Чего тогда удивляться, что он войну продул? Но только, Ник, считается, что об этом никто не знает. Даже я. Мы эти сведения из Берни вытянули. Тебе что, не нравится завтрак? Это у тебя из-за разницы во времени. В Ди-Си сейчас десять. Попробуй принимать витамин В, Джефф от него без ума. Или хочешь, укольчик сделаем? Как там вообще жизнь, в Ди-Си? Нормально? Этот ваш новый справляется? — Ник решил, что речь, скорее всего, идет о президенте

Соединенных Штатов. — По правде сказать, Джеффа он малость разочаровал. Джефф ради него из кожи лез, познакомил с кучей нужных людей. С той же Барброй. Теперь многие уверяют, будто это их рук дело, но, если честно, тут Джефф расстарался. Вообще-то мне не следовало бы тебе об этом рассказывать, но ты мне нравишься, вот я и рассказываю.

Они поехали в машине Джека, красном «додже-випере» — «сгустке мышц» и, пожалуй что, на стероидах. Джек пояснил, что купил его, желая оказать посильную помощь экономике США.

— Джефф истово верит в Америку. Поэтому он так и увлекся вашим проектом. Увидел в нем шанс помочь истинно американской индустрии. Разве есть что-нибудь более американское, чем табак, верно?

— Абсолютно верно, — сказал Ник, обрадовавшись возможности поговорить наконец о табаке.

— Ну а как тебе наше новое здание?

Здание, смахивающее на Мормонский храм, остервенело лезло в небо, занимая на земле целый квартал, — хрустальный дворец кривых зеркал.

— Когда его только-только построили, у нас возникли проблемы.

Зеркала отбрасывали солнечный свет прямо на улицу, да так, что пешеходы варились заживо. Двух даже свезли в «Сидарс-Синай», подлечить от перегрева. Не то чтобы в ЛА было уж больно много пешеходов. Но и тех, что есть, варить не стоит, верно? Пришлось переделывать фронтон, и, поверь, это было не дешево.

— Очень красиво, — сказал Ник, понимая, что от него ждут

комплимента.

— Ты Джеффу об этом скажи. Он в этот домину всю душу вложил. И знаешь? В него можно смотреться.

Ник поднял взгляд и увидел на мерцающей стене штаб-квартиры АТД отражение «випера».

— Неплохо для человека, начинавшего в почтовом отделении, — сказал он.

— Я тебе вот что скажу. К нам теперь обращаются за помощью даже иностранные государства.

— Правда? Какие?

— Вообще-то, мне не следует тебе об этом рассказывать, Ник. Но ты прав — от почтовой конторы Джеффа отделяет долгий путь.

Миновали главный вход, по обеим сторонам которого стояли символические изваяния Наномако Яха.

— Здорово, — сказал Ник.

— Ты про этих? Подарок от Дики Кантрела, на новоселье.

— Щедрый подарок. Джек рассмеялся

— Щедрый? Я тебя умоляю. «Мотыга» принесла Дики столько денег, что он мог бы и замороженный труп Наномако Яха купить. Нет, ты пойми меня правильно. Дики человек безумно талантливый и очень порядочный, что бы там о нем ни болтали, но факт остается фактом — до того как Джефф его взял, у Дики было только лицо. А теперь у него есть имя. Получает от десяти до двенадцати за фильм.

— И все-таки очень милый подарок.

— Важно не внимание. Важно, сколько подарок стоит, — Джек снова рассмеялся. — Через главный вход мы не пойдем. Он у нас называется «потемкинским входом». Им почти никто не пользуется. Хочешь знать почему? Другие агентства сняли комнаты в доме напротив, вон там.

Понасажали туда людей с биноклями и телескопами, чтобы знать, кто к нам ходит. Иногда мы, чтоб запудрить им мозги, нанимаем двойников известных актеров, и они входят в эти двери. Си-эй-эй, «Вильям Моррис» и Ай-си-эм тут же начинают вертеться, как уж на сковороде. Думают, что их клиенты перебегают к нам. Вообще-то, мне не следовало бы тебе об этом рассказывать. Хотя теперь, когда мы консультируем иностранные правительства, за нами, наверное, следят и настоящие шпионы. У тебя есть в Вашингтоне знакомые шпионы?

— У нас в штате состоит несколько бывших тайных агентов, — сказал Ник, — но, вообще-то, мне не следует никому об этом рассказывать.

— Мы сейчас делаем фильм о ЦРУ, очень масштабный. Идея там такая: ЦРУ решает, что Франклин Рузвельт слишком мягок со Сталиным, и убивает его, Рузвельта то есть, чтобы Трумэн пришел к власти и сбросил на Японию бомбу. Колоссальное будет кино.

— Звучит впечатляюще. Только, по-моему, в сорок пятом ЦРУ еще не было. — Не было?

— Ну, сколько я помню, его создали в сорок седьмом.

— Ладно, теперь уже поздно что-то менять. Через две недели основные съемки. Надо будет придумать какую-нибудь отмазку. Хотя какого черта: если верить опросам, половина наших студентов считает, что Черчилль был при Трумэне вице-президентом. И знаешь, мы как раз в связи с этим проектом подумывали о тебе.

— То есть?

— Да ведь Рузвельт курил, так?

— Курил, — сказал Ник. — Но я думаю, нам нужен кто-то посовременнее.

— Возможно, ты прав. Вряд ли найдется много девиц, которым захочется лечь с давно покойным дяденькой, да еще и калеккой.

— Вот именно.

Оставив машину в подземном гараже, они поднялись наверх на лифте. Со времени приезда в Лос-Анджелес Ник пользовался исключительно личными лифтами.

— Кстати, — сказал Джек, — когда увидишь Джеффа, постарайся не нервничать. Ты удивишься, если я назову тебе людей, которых при знакомстве с Джеффом оторопь брала. — Джек понизил голос, заставив Ника заподозрить, что лифт прослушивается. — Том Сампсон, Куки Перетс... Рокко Сент-Анджело.

— Рокко Сент-Анджело? Да что ты?

— Этот вообще в коме был. Я думал, придется у него под носом петарды взрывать. Но ничего, обошлось. Джефф, вообще-то, добрейший человек, если к нему привыкнуть.

Двери лифта открылись прямоком в пруд с рыбками. Ник, следуя за Джеком, перешел его по плоским камушкам. Между ними лениво плавал большой белый с красным карп.

— Видишь его? — прошептал Джек. — Семь тысяч долларов.

— Семь тысяч? За рыбешку?

— Представь себе. Чего ж удивляться, что суши стоит здесь по сотне долларов за порцию? Ты любишь суши? А я вот червей боюсь. Они способны до самого мозга добраться. Теперь каждый раз, как мне приходится есть суши, — а людям вроде нас с тобой от этого никак не отвертеться, верно? — я думаю, что кончу на манер Джона Харта в «Чужом» — полезет из груди какая-нибудь мерзость. Кстати, эта рыбка — подарок от Фионы Фонтейн. Еще одно лицо, которое Джефф превратил в

имя. А вон ту, в черных пятнышках, видишь? Двенадцать тысяч. От Кайла Кедмана. Джефф выбил ему роль в «Мунге», хотя «Коламбия» слышать ни о ком не хотела, кроме Тома Круза.

— А акул вы здесь не держите?

— Нет, — рассмеялся Джек. — Нам и без них хорошо.

У последнего камня их встретила замечательно милая женщина лет пятидесяти. Она пожала Нику руку, представилась: «Я работаю с Джеффом» — и что-то пошептала Джеку на ухо. Джек взял Ника под локоток и отвел его к краю бассейна.

— Джеффу звонит его светлость.

— Его светлость?

— Султан Глютана, — прошептал Джек, — новый клиент.

— А, — сказал Ник, — самый богатый человек в мире.

— Уже не самый, — ухмыльнулся Джек. — Да нет, шучу.

Огибая бассейн, он увлек Ника в подобие зала ожидания. Ник взгляделся в человека, сидевшего там, читая «Гольф дайджест». Нет, не может быть. Это же... о господи, он самый.

— Шон! — воскликнул Джек. — А ты чего же не в килте?

Джек представил Ника, и тот, впервые в жизни, ощутил почтительное до немоты благоговение, одолевающее человека при знакомстве с настоящей кинозвездой, да какой! Ник вырос на его фильмах. Некоторые из них он мог пересказать буквально наизусть. Он мечтал стать похожим на него. И вот они жмут друг другу руки. Шон оказался воплощением учтивости и сердечности; можно было подумать даже, что Ник чем-то ему интересен. А Ник только улыбался и старательно кивал в ответ на каждое его слово. Шон и Джек поболтали немного о соревнованиях по гольфу, в которых участвовал Шон, а потом, обняв друг друга, о новом проекте, ради обсуждения которого он, по-видимому, и пришел. Минут через двадцать вновь появилась приятная женщина — телефонный разговор закончился, Джефф готов их принять.

— То есть как же, — прошептал Ник Джеку, шагая следом за женщиной, — мы пойдем впереди него!

— Видел бы ты, кто тут вчера штаны протирал, — сказал Бейн. — Голди, Джек и Мэл.

Две украшенные резными иероглифами дверные створки из полированного бирманского тика распахнулись в огромное, точно в соборе, пространство с головокружительным видом на город и океан за ним. «В ясные дни отсюда Токио видать», — прошептал Джек. В центре пространства помещался стол со стеклянным верхом, совершенно пустой — вот это и есть власть: абсолютно пустой письменный стол, — за ним сидел человек лет сорока с небольшим, невысокий, загорелый, с редкими волосами. Очень крепко сложенный человек — грудные мышцы его выпирали под синей рубашкой, казавшейся маловатой на один размер. Приятное лицо, поблескивающие зубы, светлые лазерные глаза. Человек этот улыбнулся во весь рот, поднялся со своего хрустального престола и, обойдя стол, подал Нику руку.

— Джефф Мегалл, — сказал он, вновь удивив Ника — большинство шишек, с которыми ему доводилось встречаться, представлением не утруждались. «Все мы знаем, кто я такой...»

— Как долетели? — спросил Джефф.

— Спасибо, хорошо.

— Джек, проследи, чтобы обратно в Вашингтон мистер Нейлор летел

нашим самолетом. В каком отеле вы остановились?

— В «Энкомиуме», — поспешил сообщить Джек.

— Хороший отель, — сказал Джефф. — Если что-то понадобится, дайте нам знать. Он приглашающе махнул рукой в сторону дивана.

— Что вам предложить? Кофе, чай, минеральную?

— Если не затруднит.

— В каком виде?

— Без молока.

— Минеральную без молока? — улыбнулся Джефф. — Найдется у нас черный кофе для мистера Нейлора?

Произнесено это было в пространство, поскольку в огромной комнате никого, кроме них троих, не было, однако через несколько секунд появилась женщина с дымящейся чашкой отличного черного кофе в руке, очень красивая женщина — длинные волосы, длинные ноги, короткая

юбка.

— Пепельница понадобится? — спросил Джефф.

— Нет-нет, — сказал Ник, — не надо. Я...

— На меня внимания не обращайтесь. Мне даже нравится смотреть, как люди курят. Большая редкость в наши дни.

— Да, — сказал Ник. — Я, собственно, и приехал поговорить об этом.

— Кстати, вы замечательно проявили себя в истории с похищением. Я понимаю, вам пришлось пережить ужасные минуты. Но то, как вы потом говорили с журналистами, свидетельствует о силе вашего духа. Примите мои поздравления.

— Ну...

— После того как вы изъявили желание сотрудничать с нами, я поразмыслил о нынешнем состоянии табачной индустрии и пришел к выводу, что, если мы не вмешаемся, американские табачные фермеры скоро исчезнут, а вместе с ними и определенный уклад жизни.

— Да, — сказал Ник, — нас это тоже очень тревожит.

— Стало быть, — сказал Джефф, — давайте думать, чем мы можем помочь этим людям. Поразительно. Джеффу хватило двух фраз, чтобы определить свою позицию: он вовсе не ради денег старается, он хочет спасти фермеров.

— А проблемы здоровья вас не волнуют? — Ник просто обязан был задать этот вопрос, хотя бы из профессионального уважения к Джеффу, — да и ответ обещал быть интересным.

Джефф ответил не задумываясь:

— Это вопрос не ко мне. Я не врач. Я всего лишь посредник. Мое дело

— сводить друг с другом творческих людей. А разного рода привходящая информация меня не касается. Люди сами принимают решения. Я не вправе делать это за них. Не моя задача. Это было бы моральной бестактностью с моей стороны.

— Все правильно, — сказал совершенно очарованный Ник. Перед ним сидел настоящий титан двуличия. У этого человека есть чему поучиться.

— Итак, — сказал Джефф, — поговорим. Насколько я понимаю, вам необходима агрессивная подача вашей продукции.

— Джефф слишком скромн, чтобы распространяться об этом, — встрял Джек, — но именно он является движущей силой рекламы в кино.

— Джек, мистер Нейлор не для того прилетел к нам из Вашингтона, чтобы слушать, как ты пересказываешь мою биографию.

— Извини, Джефф, но, по-моему, мистеру Нейлору следует знать, что ты

сказал в этом деле новое слово. Помнишь, Ник, раньше, когда в фильме кто-нибудь пил пиво или содовую, да что угодно, название напитка вообще было не разобрать. Потом постепенно начали показывать этикетку. А теперь ее дают таким крупным планом, что можно прочесть даже химический состав продукта. Это Джефф постарался. Все, я закончил.

— Собственно, потому мы и обратились к АТД, — сказал Ник. — Мы знаем, что мистер Мегалл лучший из лучших.

— А, тогда извини. Я не был в этом уверен.

— Ты разрешишь нам продолжить, Джек? — тоном снисходительного нетерпения поинтересовался Джефф. — Или тебе еще хочется рассказать Нику о моих успехах в университетской футбольной команде?

— Продолжайте, конечно.

— На самом деле, — сказал Джефф, — мы действительно первыми поняли важность показа конкретных продуктов. Тут, правда, есть одно обстоятельство, которое, стань оно широко известным, удивило бы многих. Дело в том, что в те времена мы старались не ради денег.

— Вот как?—удивился Ник.

—Уверяю вас. Мы пытались дать зрителю более полное представление о персонаже. Люди видят на экране своего героя. Они хотят знать о нем все. Возьмите того же Джеймса Бонда. Он пьет... что он там пьет, «сухой мартини с водкой, размешивать не надо»? Как, по-вашему, захочется зрителям узнать, какую именно водку предпочитает Бонд? Естественно, захочется, и они непременно узнают это из следующего фильма о нем.

— Ага, — произнес Ник.

— А уж когда это случится, производители той самой водки — все равно какой — будут только рады принять финансовое участие в творческом процессе. Но деньги все-таки остаются побочным продуктом творческого решения, не более того. — Джефф улыбнулся. — Хотя, когда они начинают сыпаться вам на голову, это довольно приятно. Потрясающе. Просто потрясающе. Послушать его, так без рекламы того или иного продукта персонаж получится неполноценным. «Зовите меня просто Исмаилом и передайте, пожалуйста, кока-колу».

— Мы подумывали о Мэле Гибсоне, — выпалил, не в силах больше сдерживаться, Ник.

— Боюсь, это не просто, — сказал Джефф. — Он только что бросил курить. Вы же знаете, у него шестеро малышей. Не то чтобы он не мог курить и при этом жить вечно, но... а, постойте, я понял, откуда у вас эта мысль. Мэл был превосходным курильщиком. Красивее, чем он в «Смертельном оружии-1», на экране давно уже никто не курил. Мэл так затягивался, что казалось, это вообще никогда не кончится. А уж выдыхая дым, он и вовсе становился похожим на дракона.

—Мне даже захотелось снова начать курить, — сказал Джек.—Да я чуть и не начал.

— Не забывайте, однако, — продолжал Джефф, — что Мэл играл полицейского на грани срыва, человека с тяжелыми психологическими проблемами. Что он еще засовывал в рот в этом фильме? Дуло собственного пистолета. Понимаете, сейчас, если персонаж фильма курит, значит, с ним не все в порядке. Это вам не Хэмфри Богарт в «Касабланке», — Ника передернуло, перед внутренним взором его снова мелькнул Питер Лор-ри. — Это Бобби де Ниро, играющий в «Мысе страха»

высасывающего сигарету за сигаретой татуированного психопата, Энди Гарсия, курящий в «Снова мертвом» через дырочку в горле, это Тельма с Луизой, которые, накурившись, отправляются на паркинг, чтобы отстрелить яйца насильнику. В наши дни сигареты стали на экране едва ли не символом рока. Пат Хингл обнимает Анжелику с сигаретой в «Шулерах». Ник Кейдж с Лаурой Дерн прикуривают одну от другой в «Диких сердцем», беседуя о том, как их родители поумирали от рака легких и цирроза. Ник Нолте в «Повелителе приливов». Вот уж у кого проблем хоть отбавляй. Или тот же Харрисон Форд в «Относительно Генри» — он приходит в ночной магазинчик за пачкой сигарет, и в итоге мозги его разлетаются по всему магазину. А он даже предупреждение Главного врача прочитать не успел. Какую мысль, по-вашему, внушают эти фильмы? Что в курении присутствует некий шик? Сомневаюсь.

— В том-то и дело, — сказал Ник. — Нам нужен победитель. Курящая ролевая модель.

— Да. И действие должно происходить в 50-х, до того, как началась вся эта тягомотина со здоровьем.

— Мы предпочли бы современность, — сказал Ник. — Нужно, чтобы люди хорошо относились к курению сейчас. В пятидесятых к нему хорошо относился каждый, во всяком случае, пока не заглядывал в «Ридерс дайджест».

Джефф опустил подбородок на переплетенные пальцы.

— Придется действовать быстро. Основные съемки начнутся уже через две недели. Что вы скажете о Франклине Делано Рузвельте? Чем не ролевая модель? И очень элегантный курильщик. Этот его мундштук, почти женский...

— Прекрасный курильщик, — вставил Джек. — Мы могли бы переделать сценарий. Собственно...

— Ты уже что-то придумал? — спросил Джек.

— Можно отвести сигаретам центральную роль. ЦРУ отравляет сигареты. Сигареты как решающий фактор истории.

— Блестяще! — воскликнул Джек.

— То есть ФДР умирает... от курения? — спросил Ник.

— Да, но не от рака.

— Боюсь, наши на это не пойдут.

— Пожалуй, — улыбнулся Джефф. — Тут могут возникнуть проблемы. Современность — вещь, конечно, хорошая, но у людей уже сложилась отрицательная установка по части курения. Вон и наш городской совет только что проголосовал за запрет курения в местных ресторанах.

— Я знаю, — печально кивнул Ник. — Семь тысяч ресторанов.

— Вот вам и Конституция. Пытаться изменить господствующую тенденцию уже поздно... Хотя постойте-ка, постойте...

— Что? Что? — встрепнулся Джек.

— Нашел.

— Что? — изнемогал Джек.

— Будущее.

— Блестяще! — сказал Джек. Джефф повернулся к Нику.

— Мне, в общем-то, не следовало бы говорить вам об этом, но Ю-эф-эй собирается ставить очень, очень масштабную картину — фантастическую с элементом «жевопа». — Жевопа?

— Женщина в опасности. «Чужой» плюс «Дюна», плюс «Звездные войны»,

плюс Дарт Вейдер в роли гея. Бока надорвете. Я видел сценарий. Уморительная главная роль, тянет на «Оскара». Герой — опальный космический барон, а его лучший друг — подросток-инопланетянин, способный превращаться во что угодно. Героиня — дочь императора, которая сбежала из дому и попала в чрезвычайно дурную компанию. Называется «Сообщение из сектора шесть». Эффекты будут изумительные. Полчаса «морфинга». Знаете, что такое «морфинг»? Его использовали в «Терминаторе-2». Обходится в миллион долларов за минуту. Они уже купили место для рекламы на фюзеляже «Шаттла». Бюджет —сто двадцать миллионов долларов. Самый дорогой из когда-либо сделанных фильмов. Даром что снимать будут в Мексике.

— Я слышал, бюджет уже вырос до ста сорока.

— Да, так что в их интересах сделать фильм получше. Ю-эф-эй понадобятся рекламодатели.

— Сигареты? — спросил Ник. — В космосе?

— Двадцать шестой век, — сказал Джефф. — Они больше никому не приносят вреда. На самом деле... на самом...

—Что? — насторожился Джек.

— Они приносят пользу. Как в «Спящем». Вот, хорошо вспомнил, надо бы позвонить Вуди, хотя что мне ему сказать — ума не приложу. Джек, свяжись с Биллом Хайма-ном, Джерри Горником и Волтаном Зейгом, во второй половине дня у нас совещание.

—Сделаю.

— Слушай, у меня провал в памяти. Пора женшень принимать. Кто режиссер?

— ЧикДекстор.

— А, ну он будет долго снимать.

— Это ты мне говоришь?

— Ну что же, Ник, — сказал Джефф, — может получится очень интересно. Для всех нас.

— Я... но разве космический корабль не взорвется, если в нем закурить? Там же чистый кислород.

— Двадцать шестой век, Ник. Что-нибудь придумают. Лишняя строчка в сценарии — и порядок.

— Вообще, звучит как... хотя не знаю...

—Ник. В главных ролях Мейс Макквэд и Фиона Фонтейн.

— Без шуток?

— Без шуток. Представляешь, как они, покувыркавшись в постели, курят одну сигарету на двоих — в космическом корабле, на круглой кровати с атласными простынями, под одеялом из прозрачных пузырьков? Галактики проносятся мимо, дым витками уходит к потолку. Это не подбросит угольку в вашу топку? Не поможет продать пару лишних блоков?

— Да, — сказал Ник, — пожалуй, поможет.

— И вот что еще. Я не охотник лезть в чужой огород, если меня не просят. Но на вашем месте я запустил бы в производство совершенно новую марку сигарет, запустил одновременно с фильмом. «Сектор шесть». Такого фокуса с сигаретами еще никто не проделывал.

Джефф встал. Встреча окончена. Обмен рукопожатиями.

— Знаете, вы добились от меня того, чему я всегда старался противиться. Эмоциональной вовлеченности.

Снаружи Шон корпел над кроссвордом. Уже в лифте Джек сказал:

—Можешь гордиться собой. Ты действительно понравился Джеффу.

Глава 18

Лорн Латч жил в шестидесяти милях к западу от Лос-Анджелеса, на ферме, предназначенной для разведения авокадо. Ник, избавившись от Махмуда с его Великим Белым китом, поехал туда в наемном красном «мустанге». Телохранительницы, которым он доверил кейс с полумиллионом долларов, следовали за ним в бронзоватом «седане», тоже наемном. Быть может, старый ковбой усмотрит в «мустанге» нечто символическое и проникнется к Нику добрыми чувствами. А может быть, он выйдет из дому с двустволкой и снесет Ника с кожаного сиденья машины. Всяко может быть.

Ник загодя прочитал на редкость подробную справку Гомеса О'Нила, посвященную личным и финансовым обстоятельствам старика. Подробной она была настолько, что заставила бы покраснеть и лучших экспертов Совета национальной безопасности по прослушиванию телефонных разговоров, — и как только Гомес ухитряется добывать всю эту информацию? Так что Ник с точностью до пенни знал, сколько денег осталось у Лорна на «визе» и на «мастер-кард», а также какое содержание альбумина показал его последний анализ мочи. Подручные Гомеса совали свои носы в каждый анализ мочи всякого, кто так или иначе связан с табачной индустрией, надеясь отыскать в нем следы наркотиков.

Странное это было поручение — если б не Капитан, Ник нипочем не взялся бы за него. Прошлой ночью он позвонил Полли, единственному, кроме Бобби Джея, человеку, с которым можно было посоветоваться по такому щекотливому делу, как подкуп умирающего старика, когда-то рекламировавшего курево. Полли, выслушав его, присвистнула.

— Да, — сказала она, — я бы на твоём месте сунула в кейс карточку с пожеланием скорейшего выздоровления, поставила его на крыльцо, нажала кнопку звонка и унесла ноги подальше.

Пока он разговаривал с Полли, позвонила Дженнет, распаленная, бурно дышащая — ей не терпелось узнать, пора ли уже ревновать Ника к Фионе Фонтейн. И не успела она повесить трубку, как позвонила Хизер — на аппарате загорелась третья кнопка, отчего Ник ощутил себя авиасексдиспетчером.

Хизер звонила не из потребности пошептать ему на ухо междугородные нежности. Она звонила по делу и отвлеклась от него лишь для того, чтобы пожаловаться на вашингтонскую жару и вашингтонских таксистов. В большинстве своем они совсем недавно перебрались сюда из стран, в которых вождение автомобиля — национальный вид спорта, сильно смахивающий на корриду. Поэтому, когда в их зеркальце заднего вида объявляется красивая женщина с хорошей фигурой под тонким летним платьем, они напрочь забывают о дороге и начинают приставать к пассажирке с вкрадчивыми вопросами вроде: «Как вам нравится гаитянская кухня?» На сегодня Хизер по горло сыта потливыми тон-тон-макутами. Ей желательно знать, что известно Нику о законопроекте, который, по слухам, собирается внести Ортолан К. Финистер. На Холме о нем помалкивают, что само по себе странно. «Сан» попросила ее взять несколько интервью, так что ей необходимо показать себя во всем блеске. Ник сказал, что здесь, в Голливуде, он

несколько выбился из обычной колеи, но попытается выяснить что-нибудь через юридический отдел.

— А кстати, — сказала Хизер, — что ты вообще там делаешь?

— Да ничего особенного, — ответил Ник, — так, прочищаю мозги ребятам из нашего офиса на Западном побережье. Инспекция войск на предмет укрепления боевого духа.

— А, — молчание. Хизер была слишком хорошим репортером, чтобы проглотить это вранье. Сенат замышляет нечто серьезное, а он сидит в ЛА без особой на то причины? — И все же, чем ты занят?

— Не для печати?

— Ладно. — Похоже, она немного обиделась.

— Я здесь для того, чтобы подкупить умирающего от рака легких Перекати-Поле. Хватит ему позорить нас на телевидении и в газетах. Хизер рассмеялась.

— Знаешь, такую чушь я все равно не смогла бы напечатать. Подобное недоверие расстроило Ника. Он переключился на Полли, обозлившуюся оттого, что ей пришлось дожидаться целых пять минут.

— Я разговаривал с репортером, — пояснил Ник, прибегнув к оправданию, неизменно срабатывавшему в «Отряде ТС».

— С Хизер Холлуэй? — осведомилась Полли.

— Нет, — сказал Ник. — Просто с... в общем, с журналисткой.

— Журналисткой?

— Я и имя-то ее мимо ушей пропустил.

Почему, уже положив трубку, удивился Ник, он соврал Полли про Хизер?

Ферму Латча Гомес отнес к разряду «оползневых». Ник понял почему, когда увидел зияющий овраг, рассекший чахлые, обрамленные высохшими деревьями посадки авокадо перед домом.

Ник забрал у своих телохранительниц кейс и велел им не вылезать из машины. Они заспорили, не желая отпускать его за линию фронта безо всякой защиты. Мэйм, главная у них, резонно заметила, что Латч, пристрелив Ника, ничего не потеряет. На мгновение Ник задумался — не взять ли ее с собой? Но тут ему представился заголовок:

«ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ УБИТ В ПЕРЕСТРЕЛКЕ С ОХРАНОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

ТАБАЧНОГО

ЛОББИ», и Ник, решив, что это, пожалуй, ни к чему, настоял на своем и один поднялся по ступенькам веранды. Посреди нее на самом припеке развалилась здоровенная родезийская овчарка, едва взглянувшая на приближавшегося Ника. Здесь также стояло множество стальных баллонов с надписью «Кислород».

Сделав глубокий вдох, Ник постучал по проволочной сетке двери.

«Сегодня, — сказал он себе, — ты уж точно отработаешь свое жалованье».

Что-то уткнулось ему в спину, и каркающий голос сказал:

— Не шевелись, не то я сделаю в тебе дырку размером с грейпфрут.

Подними руки так, чтобы я их видел. Ник подчинился.

— Теперь повернись. Медленно.

Медленно повернувшись, Ник обнаружил прямо перед собой Лорна Латча собственной персоной. Он все еще оставался прежним Перекати-Полем, несмотря на потерянные пятьдесят фунтов веса и пожелтевшую кожу.

Одетый в купальный халат и шлепанцы, он не выглядел бы сколько-нибудь опасным, если б не дробовик, нацеленный теперь Нику в

живот. Латч взгляделся в Ника.

— Ты ведь Ник Нейлор, так?

— Да, сэр. Я просто...

...шел тут мимо с полумиллионом долларов наличными...

— У вас найдется для меня минутка? Если вам сейчас неудобно, я мог бы, э-э, заглянуть попозже.

Латч с подозрением спросил:

— А зачем ты сюда явился?

— Да просто... поговорить.

— Ладно, — сказал Латч, опутив дробовик и толкнув дулом сетчатую дверь.

Они вошли в дом, сели.

— Я не хотел тебя пугать, — сказал Латч. — Но за мной тут кто-то следит. Гомес?

— Роберта, зайди, — прокаркал Латч и закашлялся. Он кашлял, и кашлял, и кашлял.

Вошла миссис Латч. Кинув на Ника один взгляд, она заледенела, точно колба с жидким азотом. Латч продолжал кашлять, Ник стоял, дожидаясь, когда его представят. Неприятная, если честно сказать, сцена.

Поскольку кашель Латча явно не собирался стихать, Ник решился на робкое «здравствуйте».

— Что вам нужно? — рявкнула миссис Латч со злостью, заставившей Ника пожалеть, что он оставил свою преторианскую гвардию в машине.

Получить пулю от жены — это никак не входило в его расчеты.

— Тише, тише, Роберта, — прохрипел, утирая рот, Латч. — Не груби нашему гостю.

Не думаю, чтобы он притащился в такую даль без серьезной причины. И помни, это он отговорил компанию судиться со мной за нарушение контракта.

— Я бы скорее скормила его свиньям, чем пустила в дом, — и, напоследок пальнув в Ника взглядом, она направилась к выходу, но у двери остановилась и спросила: — Тебе морфию больше не нужно, милый? — Нет, спасибо, — сказал Лорн, — пока справляюсь. Может, наш гость чего-нибудь хочет.

— Немного морфию, если не трудно, спасибо, — сказал Ник. Миссис Латч удалилась — пошла, верно, подмешивать к его морфию «Драно».

— Я тебе вот что скажу; — произнес Лорн, откидываясь в большом ободранном кресле, — единственное, чем может порадовать человека рак в последнем градусе, это наркотики. Какие мне снятся сны!.. И все цветные.

— Да, наверное, это здорово, — сказал Ник.

— Тебе известно, откуда взялось слово «героин»? Из немецкого языка. Это фрицы его сюда завезли, еще в прошлом веке. Лучшее, чем мир обязан Германии, можешь мне поверить. Heroisches. Такое чувство он внушал людям. Героическое. Знаешь, когда я в первый раз попал на химиотерапию, люди приезжали за многие мили, чтобы привезти мне печенья с марихуаной. Помогает от тошноты. Ее можно и в таблетках получить, но это надо черт-те как постараться, да они ее еще отмачивают в кунжутном масле, чтобы ты не очень балдел. Как тебе это нравится? Человек умирает в муках, а Бог, видишь ли, против того, чтобы он получил при этом хоть какое удовольствие. Кстати, у меня в холодильнике лежит фунтов десять печенья с гашишем.

Вот бы Гомес обрадовался, узнав об этом, подумал Ник. «ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ АРЕСТОВАН ЗА ХРАНЕНИЕ НАРКОТИКОВ».

— Считай, до конца жизни кайфу хватит. — сказал Латч. — Не хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — сказал Ник. — Довольно будет и морфия. Не люблю смешивать. Латч рассмеялся и оттого снова закашлялся. Этот приступ тянулся дольше предыдущего. Вбежала миссис Латч с аэрозольной прыскалкой.

— Извини, — сказал Латч, когда справился с кашлем. — Ты куришь?

— Нет, — сказал Ник. — После похищения не курю. Не получается.

— Да, я читал. Видел тебя... слушай, ты же был в шоу Лэрри Кинга?

Роберта говорила — той же ночью, что и я. Странно, что мы не столкнулись в студии.

— Странно, — согласился Ник.

— Тебе, похоже, здорово досталось. Мой врач сказал, что ты везучий сукин сын, — Латч усмехнулся. — Он еще много чего наговорил, не буду при тебе повторять. Ты знаешь, что доктора когда-то рекламировали сигареты?

— Знаю, — ответил Ник. — «Двадцать тысяч шестьсот семьдесят девять врачей утверждают: от «Лаки» не так першит в горле».

— Интересно, что-то теперь утверждают те доктора? — не без сарказма поинтересовался Латч. — Занятный у нас бизнес. В начале пятидесятых они впервые испугались рака, ну и начали выпускать сигареты с фильтром. Потом забеспокоились, как бы мужики не решили, что такие сигареты годятся только для баб. Вот тогда-то и появился я.

— Вы были великолепны, — сказал Ник. — Мне хотелось стать таким, как вы. Ну, то есть когда вырасту. Мы все мечтали вырасти и стать ковбоями.

— А то я не знал? Помнишь песню Джорджа Джонса «В аду открыто всю ночь»? Я ее все время слушал.

— Вы себе особого спуска не давали, верно?

— В прошлом году, после диагноза, я полетел на Восток, на ежегодную встречу с акционерами «Тотал Тобакко». Встал посреди зала и сказал, что они могли бы хоть рекламу свою урезать. И знаешь, что ответил мне их президент?

Ник знал, но тем не менее покачал головой.

— Он сказал: «Мы с сожалением узнали, что у тебя проблемы со здоровьем. Но поскольку я не знаком с историей твоей болезни, от дальнейших комментариев воздержусь». А потом они прикинулись, будто я отродясь на них не работал. Я ушам своим не Ц поверил. Даже после того как я показал репортерам мои платежные ведомости, компания продолжала твердить, что это вовсе не я снимался для их рекламы. Ну а когда я поднял шум, мне пригрозили судом — за нарушение контракта! Насколько я знаю, это ты их становил.

— Да, — сказал Ник. — Я сказал им, что это идиотская затея. Что ж, и у них не всегда башка варит, тут сомневаться не приходится.

— И знаешь, что еще? Я ведь это «Перекати-Поле» и не курил никогда. Я курил «Кулс»

Ник засмеялся.

— Ты вроде неплохой парень. Чего ради ты работаешь на таких сволочей? Обычный ответ насчет закладной отчего-то показался Нику неуместным. Он оглядел комнату Лорна — награды за победы в родео на

стенах, чучело форели, семейные фотографии на высокой, покрытой светлым лаком деревянной подставке — и сказал:

— У меня хорошо получается. Лучше, чем что-либо другое.

— Черт дери, сынок, у меня хорошо получалось палить в корейцев, но я не стал де-лать на этом карьеры.

Ник снова засмеялся. Некоторое время (долгое, показалось Нику) Латч разглядывал его, потом сказал:

— Я так понимаю: всем нам приходится вертеться, чтобы оплатить закладную.

Ника охватило желание расцеловать старика.

— Я неплохо играл свою роль. Люди узнавали меня, просили автографы. Не знаю, зачтется мне это у Жемчужных Врат или нет, но я был просто дураком-ковбоем, которому нравилось красоваться на обложках журналов. А тебе, судя по твоему виду, — Латч лукаво улыбнулся, — одно образование обошлось тысяч в двадцать.

Улыбка его погасла.

— Короче, зачем ты прикатил сюда из такой дали?

— Хороший вопрос, — сказал Ник, с ненавистью взглянув на кейс.

— Чтобы уговорить меня заткнуться? Так?

— Вроде бы, — сказал Ник. — Да нет, не «вроде». Именно так. Латч смерил его стальным взглядом.

— Слушай, — сказал он, — я своей совестью не торгую.

— Дело не в этом, — сказал Ник, — все гораздо сложнее.

— Предполагается, что это подарок от чистого сердца, без всяких уловок. Налоги уже уплачены. Вы можете принять его и дальше поступать как вам вздумается. Можете наговорить о нас гадостей. Идея в том, что вы проникнетесь чувством вины за все прежние поношения в наш адрес, и когда вам снова позвонит режиссер Опри, вы ответите ему отказом. Я Латч недоуменно смотрел на Ника.

— И ты должен был мне все это сказать?

— Нет. Просто извиниться, вручить деньги и откланяться.

— Тогда зачем ты мне это говоришь?

— Вообще-то и сам не знаю. Не по той причине, о которой вы, возможно, подумали. Я не верю ни в Жемчужные Врата, ни в ад, открытый круглые сутки. Мне нравится человек, на которого я работаю, — он-то все это и придумал, хоть я говорил ему, что лучше всего оставить вас в покое. Но он невменяем, как и вся наша шатия. А я, скорее всего, буду и дальше заниматься тем, чем занимаюсь. Даром что я и сам не знаю зачем. Хоть убейте.

— Странный ты парень, Ник.

— Я знаком с парой человек, которые согласились бы с вами. Нет, — перебил сам себя Ник, — попробую быть честным хотя-бы разок. Я знаю, почему я вам это сказал.

— Почему?

— Потому что это заставит вас взять деньги.

— А почему я их возьму?

— Потому что вы сумасшедший. Первое, что вы сделаете, — позвоните в "Лос-Анжелес таймс" и на кабельно телевиденье и скажете им, чтобы шеметом летели сюда.

— Тут ты чертовски прав.

— Да, про Си-эн-эн не забудьте. И затребуйте Бонни Долтон, она у них здесь самая лучшая. Помните прошлогоднюю историю с трещиной в плотине

Гувера? Она мастер как раз по таким делам. Замечательно изображает сдержанный гнев, не впадая при этом в особый раж. И красивая к тому же. Скажите им: не будет Бонни — ничего не будет. Пусть смотрят вас по телевизору.

—Ладно,— сказал Латч.— Бонни Долтон.

—Дальше, на вашем месте, я бы открыл кейс и вывалил деньги на пол.

—Зачем?

—Это произведет сильное впечатление. Вот , посмотрите,— и Ник вывалил деньги на пол.— Да потрясите как следует, чтобы выпало все, до последней бумажки. Хорошо бы еще кашлять при этом. И пока трясете кейс, костерите нас на чем свет стоит, а деньги называйте серебряниками. Помните, в Библии, тридцать серебряников, Иудина плата? А после скажите им, что вы намерены сделать с этими

деньгами.

—И что же я намерен с ними сделать?

—Отдать из на постройку ракового ранчо. Естественно.

—Видишли у меня семья...

—Бросьте, Лорн. Вы же не можете взять эти деньги себе.

—Почему это, черт возьми, не могу?

—Но как это будет выглядеть? Сначала вы обличаете нас, а после берете деньги, грязные деньги? Вы только взгяните на них.

Оба уставились на груды сотенных пачек, валяющихся на полу. На чертову пропасть деньжищ.

—Мне нужно обговорить все с Робертой,— сказал Латч, неуверенно поерзав в кресле.

Назад, в Лос-Анжелес, Ник ехал так быстро, как только мог. На девяноста двух милях в час. Первый же дорожный патруль оштрафовал его на полную катушку. Ник не стал спорить.

На следующее утро уем позвонил в "Энкомиум" Гомес О'Нил.

—Мы только что слышали, что Лорн Латч отказался участвовать в назначенном на следующую неделю ток-шоу. Неплохо проделано.

Пять минут спустя позвонил Капитан:

—Гомес О'Нил говорит, что наша идея сработала. Я так и знал.

Отлично, сынок.

Позвонил БР:

—Сколько я понимаю, дела там у тебя идут хорошо.

Повесив трубку, Ник , в свой черед, позвонил Латчу.

—Лорн,— раздраженно спросил он,— что происходит?

—Мы с Робертой все еще думаем.

—Послушайте, если вы нападаете на нас неделю или месяц спустя, в этом не будет никакого смысла. Гнев как рыба, он должен быть свежим.

Сделайте это сегодня. Хотя лучше было сделать вчера.

—А что, если я заявлю, будто вы предложили мне сто тысяч долларов?—спросил Латч.— Это вашу шатию-братию устроит?

Глава 19

Позвонил Джек Бейн: у Джеффа есть новости, он хотел бы встретиться с Ником завтра в семь утра.

—Это на слишком рано для тебя, нет?

Ник сказал, что в Вашингтоне деловая жизнь тоже начинается ни свет

ни заря.

—Я поговорил со всеми, кто связан с "Сектором шесть",— сообщил Джефф, прихлебывая из чашки женшеневый чай, —объяснил, что нам требуется, а они,—Джефф цинично улыбнулся, давая понять, что не услышал ничего нового, — сказали, что требуется им — куча денег, разумеется. Названная сумма, — тут Джефф негромко фыркнул,— удивила даже меня. А я привык тешиться мыслью, что удивить меня не просто.

— И что за сумма? — спросил Ник.

— Это картина о космосе. Соответственно и сумма затребована, я бы сказал, астрономическая.

— Ну, — сказал Ник, — моя индустрия делает сорок восемь миллиардов в год, так что, если вы назовете мне сумму, я вряд ли грохнусь в обморок. Так сколько?

— За курящего Мейса — десять. За курящих Фиону и Мейса—двадцать пять. Я им говорю, стойте, а пятерка-то лишняя откуда взялась?

Обычно, если покупаешь что-нибудь парой, полагается скидка. За объединение усилий, говорят. Они не дураки. Отлично все понимают. Мейс с Фионой, курящие после космического перепиха в пузырьковой постели, способны здорово увеличить продажу сигарет.

Двадцать... пять?

— Но мы всего лишь хотели арендовать на пару часов их легкие, — сказал Ник. — Мы не просим их докуриваться до рака.

— Неплохо сказано, — одобрил Джек Бейн.

— Я бы не стал исходить из того, что эти цифры окончательные, — сказал Джефф.

— На самом деле, они не прочь поторговаться. Фильм обойдется очень дорого, даже при дополнительном финансировании. Я не вправе говорить вам об этом, но султан Глю-тана изыскивает возможности вложить у нас здесь побольше денег и, в частности, протиснуться в кинобизнес.

— Самое верное слово — «протиснуться», — сказал Джек.

— Я упомянул об этом — конфиденциально, разумеется, — продолжал Джефф, — на тот случай, если вы сочтете для себя неудобным финансовое участие в одном проекте с султаном.

Понятно. Джефф Мегалл не трепач и просто так чужие тайны выбалтывать не станет. Недавно султан попал в заголовки газет. На одном из самых далеких островов его архипелага обнаружилась нефть. Остров населяли несколько тысяч дикарей, которые вполне резонно рассудили, что нефтедобытчики, втыкая свои буры в землю-мать, тем самым ее насиляют, — и порубили их в лапшу. Султан, будучи самым богатым человеком на планете, к любого рода помехам относился нетерпимо. Он приказал своей военной авиации бомбить остров до тех пор, пока на нем не останется ничего живого — ну разве что особо выносливые ящерицы вида *Komodo terribilis*. ООН осудила его действия, да и мировое общественное мнение обратилось против него — настолько, что с полдюжины международных знаменитостей отменили ежегодную увеселительную прогулку на яхтах до Коста-Сплендид.

— Должен, однако, добавить, — сказал Джефф, — что финансовое участие султана будет полностью анонимным. Мы воспользуемся услугами одной из его офф-оффшор-ных компаний.

Джефф развел руками: мол, что я могу поделаться?

— Ну а что касается споров вокруг него — это не по моей части. Я стараюсь как можно меньше лезть в политику.

— Кстати, о политике, — сказал Джек, — ты решил наконец, поедешь ты на его день рождения или нет?

Речь, надо полагать, идет о дне рождения президента, подумал Ник. Хизер что-то такое рассказывала. Большой прием на южной лужайке Белого дома. Конечно, со сбором средств на нужды бездомных детишек. Просто пригласить гостей на свой праздник — это считается теперь неприличным.

— Не знаю, — устало сказал Джефф. — Пока просто не знаю.

— День рождения завтра, Джефф.

— Да, завтра. Может быть, съезжу. Не знаю пока. На мой взгляд, все это очень... печально.

И снова Ник был ослеплен. Смерть нескольких тысяч глютанийцев совершенно поблекла перед обсуждением темы столь важной, как посещение Джеффом приема, уст-раиваемого президентом, который обидел Джеффа, не пожелав остановиться на несколько дней в его доме лишь потому, что пресса твердила, будто президент помешался на голливудских звездах. И это при том, что Джефф — человек более чем разумный: взять хотя бы профессиональную учтивость, с которой он осведомился у Ника, как-никак массового убийцы, не возражает ли тот против участия в финансировании фильма, уже финансируемого другим массовым убийцей. В нашем путаном, свихнувшемся мире, подумал Ник, это равносильно проявлению хороших манер.

— Итак, — сказал Джефф, — вас здесь что-нибудь смущает? «КРОВАВЫЙ СУЛТАН И ТАБАЧНЫЕ КОМПАНИИ РУКА ОБ РУКУ РАБОТАЮТ НАД ФИЛЬМОМ».

Ник вздохнул:

— Мне придется обсудить это с нашими людьми.

— Разумеется, — с легким разочарованием согласился Джефф. Ник почувствовал, что Джефф не привык к фразе: «Я вам перезвоню».

— А названные мной цифры, — поинтересовался Джефф, снова берясь за чашку с чаем, — их вы тоже собираетесь обсуждать?

На сей раз в тоне его присутствовало мягкое, но несомненное пренебрежение.

Пожалуй, пора поставить его на место, решил Ник. В конце концов, зашибая по сорок восемь миллиардов в год, можно и не извиняться за размер своего пениса.

— Разумеется, — Ник улыбнулся. — Цифры решительно несусветные. Особенно ИР учесть, что нам придется участвовать в одном проекте с человеком, которого прозвали Гитлером южных морей. Хотя мы в политику не лезем.

Джефф, не говоря ни слова, смотрел на него. Подзатынившую тишину в конце концов нарушил Джек:

— Пресса о многом умалчивает. Он с самого начала предложил им переселиться на другой остров. А чем они ответили? Проткнули копьем его посланца. Я так понимаю, если ты султан, ты просто не имеешь права спускать такое, иначе очень скоро каждый начнет плевать тебе в рожу. Это не то, что быть губернатором, ну, не знаю, Канзаса.

— По-моему, мы несколько отвлеклись от темы, — сказал Джефф. — Со своей стороны могу сказать одно: в переговорах со мной султан проявил себя как человек очень разумный и чуткий. А насчет цифр — цифры мы сможем уменьшить. Но при всем при том, Ник, надо быть реалистами. Речь идет о двух самых приметных звездах кинобизнеса, не

просто суперзвездах — суперновых. А есть еще и чисто технические вопросы. Скажем, почему они не взрываются, закуривая в космическом корабле? Так что деньги все равно будут серьезные.

— Угу, — сказал Ник. — Конечно, нужно будет обговорить в контракте все детали. Одобрение сценария, сорт сигарет, число выкуренных, упоминание о них — в особенности о том, до чего их приятно курить. И так далее. Вообще говоря, за такие деньги мы наверняка потребуем определить даже число затяжек на каждую сигарету. Кольца Мейс Макквэд пускать умеет?

— Не знаю, — сказал Джефф. — Не располагаю такой информацией.

— При таком гонораре придется научиться.

— В «Кракене» ему пришлось научиться плавать с аквалангом, — сказал Джек. — Думаю, и с кольцами проблем не будет.

— Хорошо, — сказал Ник. — Потому что при тех деньгах, о которых идет речь, мои коллеги наверняка захотят увидеть в «Секторе шесть» побольше табачного дыма.

— Посмотрим, что удастся сделать, — сказал Джефф. — Будем поддерживать связь.

На сей раз Джек Бейн остался в кабинете Джеффа. Переходя рыбий садок, Ник ощущал себя персонажем из фильма о Джеймсе Бонде — человеком, который навлек на себя недовольство Первого и вот-вот провалится сквозь потайной люк в бассейн, кишасший акулами. Впрочем, ему удалось достичь лифта не заеденным до смерти дорогостоящим карпом.

В «Энкомиуме» его ожидало несколько экстренных вызовов от Капитана, БР, Хизер, Полли, Дженнет и Джека Бейна. Какой из них важнее, трудно было сказать, однако в телефонных переговорах, как и в жизни, самое благоразумное — отдавать предпочтение человеку, который платит тебе жалованье.

Капитан уже вышел из больницы, но, судя по голосу, ненадолго.

Настроение у него было паршивое.

— Полагаю, ты уже слышал эту... абсурдную новость, — сказал он. Ник ответил, что все утро просовещался с Джеффом Мегаллом. Капитан даже не спросил, до чего они договорились.

— Финистер?

— Что означает по-французски «конец света», — сказал Капитан и замолчал, явно что-то глотая. Нитроглицерин? — Самое подходящее для него имя. Я получил вчера вечером отчет Гомеса О'Нил а. Один из его людей в Сенате наконец докопался до истины. Что было и нелегко и недешево. В конце недели сукин сын намеревается внести законопроект, требующий, чтобы на каждой пачке сигарет изображался череп с

костями.

— Ух ты! — сказал Ник. Ну конечно — испанская служанка.

Предупреждение, которое поймут даже те, кто не умеет читать по-английски. Ему следовало бы давным-давно догадаться. Неужели он теряет нюх?

— Мы будем выглядеть производителями крысиного яда, — сказал Капитан.

— Возвращайся-ка лучше домой первым же рейсом.

Ник позвонил БР. Этот его начальник воспринял новость не так эмоционально, как Капитан, но тоже сильно нервничал. В воздухе носился явственный запах паранойи. Первым делом БР спросил у Ника,

не по сотовому ли телефону тот говорит. И даже после того как Ник заверил его, что говорит по обычному, БР отказался объяснить, как именно Гомес добыл эти кошмарные сведения, сказав лишь, что источник надежный. Больше того, Финистер, сообщил он, заручился обещанием члена палаты представителей от Техаса, Ламонта К. Кинга — одного из самых консервативных «хлопковых долгоносиков» в Конгрессе, — что тот поддержит законопроект. Странноватая парочка. Кинг на дух не переносил Финистера. Хотя, с другой стороны, последний заседал в комиссии по ликвидации военных баз.

— Мы тут прикинули на пальцах, — сказал БР. — Получается, что законопроект пройдет. Дон Стуки предсказывает двадцатипятипроцентное падение продаж за неделю.

— Ничего себе, — отозвался Ник.

— В общем, дела как сажа бела, — сказал БР. — Тебе лучше вернуться ближайшим же рейсом.

Ник перезвонил Хизер, надеясь, что хоть она-то искала его по другому поводу. И точно, по другому.

— Ко мне приходили агенты ФБР, — со странной интонацией сказала она.

— Задавали всякие вопросы.

— Для того они и существуют, агенты ФБР, — сказал Ник. — Работа у них такая. Они пытаются найти людей, которые хотели меня убить.

— Они выясняли, насколько хорошо я тебя знаю.

— Вот как?

— И только что не спросили, спим ли мы с тобой. «Не могли бы вы точно сказать, насколько хорошо вы знаете мистера Нейлора?» Их было двое. Один плохой, другой хороший. Говорил все больше плохой.

Монмани. Симпатичный такой, если тебя тянет к волкам. Желал узнать, цитирую, «что ты за человек».

— Ну, по-моему, вполне обычный вопрос, — сказал Ник.

— И еще он спросил, очень ли ты честлюбив.

— Честлюбив?

— Ага. Они спрашивали также, снова цитирую, «вполне ли ты оправился психологически» после того твоего заявления о смерти президента.

Алло?

— Что ты им сказала?

— Естественно, я отказалась с ними разговаривать.

— Отказалась? Почему?

— Потому что я журналист. А журналисты не делятся сведениями с агентами ФБР.

— Сведениями? Какими еще сведениями? Они просто задавали рутинные вопросы.

— По-твоему, рутинные?

— А теперь решат, что ты меня выгораживаешь и защищаешь.

— Я не тебя защищаю. Я защищаю принцип. — Да почему было не сказать им правду? Тоже недурной принцип.

— Это кто же такой говорит? Человек, по словам которого, между курением и болезнями нет никакой связи? Подумать только! Алло?

— Я слушаю, — вздохнул Ник, разминая пальцами переносицу. — А что ты так разволновался? И голос у тебя...

— Какой?

— Виноват? В чем? В том, что я облепил себя никотиновыми пластырями? Да я от них чуть не сдох! — Как будто ты в чем-то виноват.

— Успокойся. Они пытаются изловить рыбку в мутной воде, только и всего. Ничего них на тебя нет.

Пауза.

— Или есть?

— Хизер, — сказал Ник, — о чем мы с тобой говорим?

— Ну, я просто не понимаю, почему люди из ФБР задают такие вопросы.

— Тебе недостает скептицизма, Хизер. Господи, да большинство известных мне журналистов такие скептики, что вообще никому не верят. Кроме Матери Терезы. И то некоторые полагают, что у нее своя корысть.

— Постой. Какое отношение имеет Мать Тереза к разговору о поругании нравственных принципов табачным лоббистом?

— Большое спасибо, — обиженно сказал Ник. — Ты сегодня очень мне помогаешь.

— Я только еще собираюсь помочь. Написав об этом.

— Сделав что?

— Мы заставим ФБР оправдываться. Пусть объяснят, с какой стати они донимают жертву похищения. Это преследование под маской политической корректности. Эскалация обливания грязью всего, что связано с табаком. Табачная индустрия как новая империя зла. Удивляюсь, почему ты сам до этого не додумался. Получится отличная статья.

— Ты хочешь написать обо мне?

— Я просто обязана.

— И рассказать всем, что я, именно я, состою под подозрением у ФБР. Так-так. Нет уж, спасибо. Лучше не надо. Алло? Хизер? Хизер, этот разговор не предназначен для печати. Хизер?

— Ну что ты шарахаешься от каждого куста? Вам эта статья только на пользу пойдет. Слушай, а напрямую к тебе они еще не обращались? Алло?

Ник позвонил Полли. Голос у нее был встревоженный.

— Ник! — воскликнула она. — Слава богу! Я пыталась связаться с тобой. Слушай, ты не по сотовому говоришь? Ну хорошо, а то ко мне вчера из ФБР приходили. Они...

...задавали ей те же вопросы, что и Хизер. Вот теперь Ник и вправду готов был шарахаться от каждого куста. Он понимал, что ФБР свое дело знает, но как они пронюхали расчет Хизер и Полли? Откуда им известны все обстоятельства его личной жизни?

— Ты не волнуйся, — сказала Полли. — Я им ничего не сказала.

— То есть?

— Я могу тебе чем-то помочь? Марти Берлин говорит, что тебе нужен Джеф Аронов. Он работает у «Арнольда и Портера». Берет дорого, но адвокат действительно хороший.

— Полли...

Ник ощущал себя слишком усталым, чтобы каждые полчаса заявлять о своей невиновности. Но тут ему пришло в голову, что если ФБР прослушивает этот разговор — кто их знает, может, они и наземные линии умеют прослушивать? — ему стоит хотя бы изобразить гневный протест. Однако Полли, милая Полли только все испортила, раз за разом повторяя, что ей это все равно, что это совсем не важно, что она — его союзница на 110 процентов. Если что-то и способно приятно пощекотать воображение фэбээровских слухачей, так именно произносимая женщиной фраза: «Я твоя на 110 процентов».

Дженнет, слава богу, ФБР не допрашивало. Она звонила, чтобы «по-быстрому об меняться идеями» относительно мины, подложенной под них Финистером. Может, имеет смысл организовать утечку информации, чтобы опередить Финистера и обернуть все против него: «Как это ни прискорбно, но сенатор Финистер, желая, видимо, отвлечь всеобщее внимание от своего очередного развода, вылезает с этой истеричной нелепицей. Не оскорбляет ли он мыслительные способности американцев, относясь к нищ как к неграмотным олухам?» Неплохо, подумал Ник. Дженнет умница. Он так ей и ска-зал. «У меня был хороший наставник», — промурлыкала она.

— Кстати, — с вкрадчивым безразличием сказал он (в нынешней ситуации БР лучи ше не знать, что один из его подчиненных попал под подозрение),—ФБР, похоже, принялось копать под меня, задавая разным людям дурацкие вопросы.

— Вот гниды! — сказала она.

— Согласен. Но сделай мне одолжение. Если они заявятся к тебе, расскажи им все

— Все? — Дженнет рассмеялась.

— Ну, что касается фактов. Я ничего не хочу от них утаивать.

— Прилетай поскорее, — страстно прошептала Дженнет. — Ты мне нужен. Ник застегивал молнию на сумке, когда позвонил Джек Бейн и посетовал, что прошел уже целый час, а Ник так и не ответил на его звонок. В городе, где все делается на века, сорок пять минут — это целая вечность.

— Джефф считает, что наше совещание прошло очень удачно, — поведал Джек тоном, каким обычно объявляют победителя лотереи. — Он хочет, чтобы ты сегодня вече-ром пообедал у него дома. Обычно Джефф не приглашает к себе новых клиентов. Он очень замкнутый человек. Так что это знак того, как высоко он тебя ценит. Будешь только ты, Фиона и Мейс. Ну, еще Джерри Горник и Волтан Зейг, продюсеры. Джефф собирается поразить вас особенным блюдом. Я так и не понял, как оно называется, не силен в японском — есть куда расти, верно? — но это точно суши, только прозрачное. Рыба на него идет аж из Марианского желоба. Сколько-то там тысяч футов глубины, так что твари в ней водятся странные. Кальмары юрского периода. И эти, знаешь, ну, чудища такие глазами на антеннах. Если честно, я до них не большой любитель. Мне по вкусу рыба которая не просвечивает, но то, что подает Джефф, страшная редкость, такое даже в лучших ресторанах не получишь. У Джеффа есть связи в «Сумитаси Интернэшнл», толькр учти, я тебе этого не говорил. Обычно Джефф кормит этой штукой людей вроде Овица или Эйзнера, так что сам понижаешь, как он к тебе относится. Ник объяснил, что, сколь он ни польщен, но его сию минуту вызвали в Вашингтон по неотложному делу. Наступила долгая пауза. Наконец Джек произнес голосом смертельно обиженного человека:

— Ник, не знаю, как это правильное сказать, но что же может быть важнее?

Коридорный уже стучал в дверь. Господи, через пятьдесят пять минут самолет.

— Поверь мне, Джек, дело очень серьезное. Я перезвоню тебе с нашего берега.

Глава 20

Разговор за столом у поддельного камина на сей раз велся вполголоса.

Ник, Полли и Бобби Джей сидели, сдвинув головы, точно революционеры-бомбисты в парижском кафе.

Новость насчет Финистера разгневала Бобби. Еще будучи губернатором штата Вермонт, Финистер протолкнул очень жесткий — в той мере, в какой он задевал интересы "Общества по распространению», — закон, направленный против ручного оружия: покупатель обязывался извещать продавца о своих намерениях за сорок восемь часов до покупки и к тому же лишался права приобретать больше одной единицы оружия в неделю. Теперь Финистер, купив себе на семейные денежки место в Сенате, получил возможность насаждать неопуританизм в национальных масштабах.

— Этот сучий потрох с торчащими наружу зубами, — сказал Бобби Джей, вгрызаясь в крупный итальянский перец так, что сок брызнул на платье Полли, — не настолько дурен, чтобы его нельзя было исправить хорошим зарядом картечи.

Сколь ни согревало подобное сочувствие сердце Ника, все же реакция Бобби Джея решалась ему чересчур резкой, особенно для новообращенного христианина.

— Кроме покушения на его жизнь, тебе нечего предложить?—спросил Ник, извлекая из вазы гвоздику и внимательно вглядываясь в нее. — Что это ты делаешь? — спросила Полли.

— Смотрю, нет ли жучков. Раз уж мы затеяли обсуждать планы убийства сенатора Бобби Джей отобрал у него гвоздику и сказал прямо в нее:

— Я питаю глубочайшее уважение к сенатору Ор-то-лану К. Финистеру.

— У него просто плохое настроение, — пояснила Полли. — На этой неделе спятил очередной почтмейстер — учинил бойню прямо в своей конторе. Кстати, Бобби, все хотела спросить у тебя —возможно ли, не преступая закона, купить гранатомет?

— Слушай, я же не лезу к тебе с глупостями каждый раз, как пьяный подросток переезжает Нобелевского лауреата, — сказал Бобби Джей. — И тоже кстати — перечный сок не отстирывается.

— Мы вроде бы обсуждали мою проблему, — напомнил им Ник.

—Я так понимаю, вы поддерживаете противника Финистера? — спросила Полли.

— О да. Он у нас будет купаться в деньгах. И принимать душ из звонкой монеты. Но сейчас нам это не поможет. Выборы в ноябре, а законопроект — вот он.

—Ладно, — сказала Полли, — что у вас на него есть?

— Он блудодей, — сказал Бобби. — Три раза женился и разводился, а уж сколько девок отвалял в промежутках, одному богу известно.

— Сколь бы ужасным ни показалось это большинству американцев, я бы предпочла что-нибудь более, ну, не знаю, более сенсационное.

Извращения—хлысты, наручники и все такое. О господи, — сказала она, выпустив длинную, философическую струю дыма,—слышал бы нас кто-нибудь! Быть мне государственным секретарем, не иначе.

— А что такое? — спросил Бобби Джей. — Нервишки сдают? Жизнь — грязная, Драная работа, но должен же и ее кто-то делать.

— Хватит трепаться, — и Полли спросила у Ника:—Вы подключили вашего,

как его—Гарсиа?

— Гомеса. Разумеется, В эту минуту его ребята, скорее всего, роются у Финистера бумажнике.

— Не забудьте о списке фильмов, которые он брал напрокат. Помнишь, что эти свиньи сделал и с бедным судьей Томасом?

— Я уверен, — сказал Ник, — что Гомес О'Нил ничего не упустит.

— Пустое дело. Они все теперь только вырезки смотрят. Или кто-нибудь из подчиненных берет для них в прокате грязные фильмы. Фарисеи.

— Он изображал плейбоя, когда был помоложе. И потоньше. Здорово пил. Один раз был остановлен за вождение в пьяном виде.

— Ой, ради бога, — сказала Полли, — если можно, обойдись без этого.

К тому же это древняя история. А ведь это он, лицемерный ублюдок, понизил в Вермонте допустимую норму содержания алкоголя в крови до 0,8. Вечно одно и то же. Только потому, что он когда-то, нарезавшись, гонял по дорогам, теперь всякий, кто позволит себе два глотка шардонне, на полгода теряет права. Интересно, как они там выкручиваются в Вермонте? Такси вызывают?

— Ты понимаешь, что следующие вы? — спросил Ник. — Если ему удастся посадить череп с костями на сигареты, через какое, по-твоему, время он пожелает наклеить его на скотч, вино и пиво?

— Да на них уже места не осталось для наклеек, — с горечью сказала Полли.

— Странно еще, что мы не предупреждаем людей, чтобы они не глотали бутылки.

— Скоро нам всем каюк, — мрачно изрек Ник.

— Уныние — смертный грех, — уведомил его Бобби Джей.

— Вся наша продукция того и гляди переедет от кассы на полку с домашними ядами. ФБР считает, что я сам облепил себя никотиновыми пластырями. Разве я не вправе немножко поунывать?

Полли накрыла его ладонь своей.

— Давай соблюдать очередность.

— Она права, — сказал Бобби Джей. — Существует только один способ съесть слона. Принимать его по чайной ложке.

— Это что, одно из ваших деревенских хокку? Может, все-таки вернемся к реальности?

Бобби Джей наклонился поближе к Нику.

— У нас есть друзья в доме, который построил Дж. Эдгар Гувер.

Попробую нарыть там что-нибудь.

— Насчет моего расследования? Ну-ну.

— Ты еще удивишься. Наши с ними связи завязываются на стрельбище. А там всякие разговоры случаются.

— Ладно, — вздохнул Ник, — тогда не забудь, попроси их арестовать побольше исламских фундаменталистов.

— Видишь, — сказала Полли, — вот мы и сдвинулись с мертвой точки.

Бобби Джей позаботится о твоих проблемах с ФБР. А тебе остается только придумать, как быть с Фи-нистером. Должно же у него быть слабое место. Оно у каждого есть.

— И что мне, по-твоему, с ним делать? Объявить в выпуске новостей, что он смотрел «Студенточек в течке»?

— Эй! — Полли потрясла его за плечо. — Куда подевался наш старый истребитель неопуританских драконов? Где человек, которого я знала когда-то, — человек, способный встать посреди битком набитого зала и

прокричать: «Между курением и болезнями нет никакой связи»? Ник взглянул на Полли, и его вдруг вновь потянуло к ней, как прежде. Но сейчас, когда он наполовину увяз в романе с Хизер и уж точно увяз с Дженнет, думать об этом было не время. А жаль. Они с Полли могли бы... ладно, во всяком случае она права. Ищешь работу полегче? Устройся рекламным агентом в «Красный Крест».

Подошла официантка, чтобы рассказать, какой здесь нынче дежурный десерт. Новенькая. Берт еще не успел внушить ей, что у этого столика никогда, никогда не следует упоминать о дежурных блюдах.

— У нас сегодня яблочный пирог, — распространялась она, — с мороженым или с вермонтским чеддером, очень вкусно.

— Ну-с, — сказала Полли, когда от официантки удалось избавиться, — так что там за история произошла с волосами Фионы Фонтейн, а, Ник? Ник?

Ник ему казалось, что он сидит в герметичной камере, а ученые мужи наблюдают за ним с помощью телекамер. Он даже не видел на мониторе ни ведущего передачи, ни других приглашенных. Все, что у него было, это звуки да еще объективы, не мигая уставившиеся на него, подобно огромным циклопам-людоедам со стеклянистыми, рыбьими глазами. Именно так предпочитал вести свое шоу Коппел: сам он сидел в одной студии, интервьюируемые — в других. Телевизионный эквивалент полупрозрачного зеркала, какие устанавливают в полицейских участках. Коппелу так было удобнее — не приходилось отвлекаться на жесты своих терзаемых подопечных, на их нервные корчи, а стало быть, и на жалость к ним. Только особо избранным гостям разрешалось, да и то изредка, посидеть рядом с Коппелом — к примеру (несколько месяцев спустя), опозорившемуся кандидату в президенты, который выбрал программу «Вечерней строкой» для того, чтобы попробовать объяснить, почему, господи боже, он променял свою державу на минет.

— Тридцать секунд, — услышал в наушниках Ник. Он нервничал. Ему приходилось выступать в этой передаче и раньше, но никогда еще ставки не были так высоки. Он остро чувствовал, что за ним наблюдают, ощущал присутствие — по другую сторону объективов — Капитана, БР, Дженнет (сидевшей за несколько дверей отсюда, в артистической), Хизер, Лорна Латча, Джоя, гордящейся им матери (мой мальчик — главный представитель табачной индустрии), Джека Бейна и, может быть, даже Джеффа Мегалла, ожидающего, что Ник с треском провалится — в наказание за *lese majeste*, содержавшееся в отказе отведать прозрачной сырой рыбки.

Спокойнее, сказал он себе. Обстановка сложная, и потому спокойствие — это все, ясность изложения — превыше всего, самое же главное — не ковырять в носу. Он проделал дыхательное упражнение: набрал полные легкие воздуха и выдохнул его в двенадцать десятисекундных приемов. Затем закрыл глаза и попытался очистить свой мозг от всех мыслей и образов. Ник где-то читал, что у японских монахов на очистку мозгов уходило лет двадцать молчания и поста (только зеленый чай и шелушенный рис). Однако сегодня он нуждался не в просветлении, а всего лишь в небольшом замедлении пульса.

Внезапно в наушниках послышался бурный кашель. Это кто же, звукоинженер?

О нет — следом донесся знакомый голос:

— Сигареты... по некоторым оценкам, в этом году от курения умрет до

полумиллиона американцев.

Отлично, подумал Ник, начинаем просто отлично: с образа больного в последней стадии рака, выкашливающего ошметки альвеол.

— Тем не менее, — продолжал Коппел, — несмотря на федеральный закон 1965 года, требующий наличия неустрашимых предупредительных надписей на каждой пачке сига рет, люди продолжают курить. И вот теперь сенатор США...

Еще одно дыхательное упражнение.

— Добрый вечер. Я Тед Коппел из Вашингтона, а это... передача «Вечерней строкой».

Пауза перед названием напомнила Нику перебивку, которую Эдвард Р. Марроу во времена блицкрига вставлял в свои выпуски радионовостей из Лондона. «Это... Лондон». Милый, старый, не выпускавший из рта сигарету Эдвард Р. Марроу. Милый, милый старый Эдвард Р. Марроу.

— ...чуть позже к нам присоединятся автор этого законопроекта, сенатор от Вермонта Ортолан К. Финистер, и Ник Нейлор, главный общественный представитель табачного лобби. Но сначала — сообщение нашего корреспондента Криса Уоллеса...

Омерзительно подробное сообщение Уоллеса основывалось на результатах опубликованного в «Ланцете» исследования, предрекавшего, что к концу столетия в мире умрет от курения 250 миллионов человек — каждый пятый житель индустриально развитых стран. Интересно, какая сволочь его проводила? Ник мысленно сделал заметку, что надо бы попытаться облить грязью этот самый почтенный из медицинских журналов мира.

— Позвольте начать с вас, сенатор. На сигаретах уже имеются вполне отчетливые предупреждения. Зачем понадобился дополнительный ярлык?

— Видите ли, Тед, как вы уже отметили в вашем блестящем вступлении...

Подлизывается. И зря. Коппел слишком горд, чтобы купиться на вульгарную лесть, особенно на лесть политика.

— Но ведь предупреждения и без того звучат достаточно грозно, — парировал Коппел. Ник мысленно крикнул «ура». — «Рак легких», «эмфизема», «сердечные заболевания», «асфиксия плода». Зачем же нам еще и череп с костями?

— К сожалению, Тед, многие американцы не умеют читать, во всяком случае по-английски, так что эта мера направлена на их благо. Я считаю, что мы несем ответственность за этих людей.

— Хорошо. Мистер Нейлор, прежде всего я хочу сказать, что, как бы люди ни относились к курению, вы определенно стоите на переднем фронте сражения за права вашей индустрии. Тем более что недавно вас похитила и едва не убила радикальная, сколько можно судить, группа противников курения...

— Мне тоже так показалось, — вставил Ник.

— Возможно, мне следует начать с такого вопроса: верите ли вы, что сигареты безвредны?

Ну, это подача из легких.

— Видите ли, Тед, я предпочитаю то, что мы называем научным подходом. Прежде чем составить сколько-нибудь ответственное суждение по этому вопросу, необходимо провести обширные исследования.

Хорошо, прекрасно. Всего одна фраза — и ты уже в рядах приверженцев Ответственной Науки.

— Несмотря на то что сегодня число исследований, указывающих на

наличие связи между курением и одним только раком легких, уже перевалило за шестьдесят тысяч?

Ник утомленно покивал головой: да, он ожидал, что эту дряхлую газетную утку снова выволокут на свет божий.

— Мне кажется, Тед, я знаю, откуда взялась приведенная вами цифра.

Если не ошибаюсь — из книги бывшего Главного врача Купа, той самой, за которую он получил столь аппетитный аванс.

— Не уверен, что понял суть сказанного вами.

— Суть в том, что мистер Куп, подобно многим иным политическим деятелям, преследует собственные цели.

Неуклюже, быть может, но, по крайности, ему удалось заляпать предположительной грязью сияющие туфли маститого доктора, еще и детского хирурга в придачу. Человека, спасающего жизни... маленьких детей. Не думай об этом! Слава богу, Куп с его кошмарной бородой как две капли воды походит на капитана Ахава.

Ник прямо-таки видел, как Ортолан К. Финистер в отчаянии всплескивает руками.

— Тед, могу я прокомментировать это высказывание?

Коппел, однако, не внял мольбе подхалима, обязанного своей политической карьерой психопату, который тридцать лет назад застрелил его дядюшку-президента.

— Не уверен, правильно ли я вас понял, мистер Нейлор. Вы утверждаете, что после проведения десятков тысяч исследований и сбора ошеломляющих, честно говоря, свидетельств вредоносности сигарет вопрос о том, вредны они или нет, все еще остается открытым?

— Тед, двадцать лет назад ученые уверяли нас, что все мы умрем от искусственных сладителей. Теперь они говорят: мы опростоволосились, не берите в голову. Чем больше цикламов, тем лучше. Так вбт, я думаю, что всякий ученый, который не даром ест свой хлеб — или в данном случае сахар, — скажет вам, что первейшим принципом науки является сомнение.

Коппел, похоже, развеселился, что не сулило ничего хорошего.

— Хорошо, давайте, чистоты аргументации ради, предположим, что вопрос остается открытым. Согласитесь, однако, что, пока не будут добыты убедительные доказательства вредоносности табака, нам следует проявить пусть и излишнюю, но осторожность и защитить общество от возможности — я использую наиболее нейтральное из имеющихся в моем распоряжении слово — ущерба, который способно причинить нам курение. Быть может, именно поэтому сенатор Финистер и предлагает поместить на сигареты новый ярлык?

Вот же изворотливый гад!

— Ну что ж, — Ник издал негромкий всепрощающий смешок, — в таком случае согласитесь и вы, что нам следовало бы отпечатать как можно больше предупредительна ярлыков, чтобы наклеить их на всякую вещь, которая не является стопроцентно безопасной.

Ладно, хватит трепаться попусту. Пора выдернуть чеку из фанаты, которую поднесла ему официантка.

— И самое смешное во всем этом, Тед, что подлинным, стопроцентно доказанным убийцей номер один является в Америке холестерин. Я не знаю ни одного ученого, который бы этого не подтвердил. И вот на сцене появляется сенатор Финистер, замечательный, прекрасный штат которого, мне больно говорить об этом, буквально забивает артерии

американцев вермонтским чеддером. Появляется и предлагает налепить на нас ту же бирку, что и на крысиный яд.

— Это полный абсурд! Тед, разрешите...

— Вы позволите мне закончить?— Ник покрепче ухватился за микрофон.— Я лишь хотел сказать, что мы готовы налепить эти его ярлыки на нашу продукцию, если сенатор признает трагическую роль, которую играет его продукция, и налепит такие же ярлыки да смертоносные, плотные, с низким уровнем липопротеинов глыбы того, что известно нам под именем вермонтского чеддера.

— Те-ед!..

Глава 21

По окончании передачи Ник заскочил в артистическую, чтобы забрать Дженнет. Вокруг нее уже вертелось несколько типов, норовивших получить номер ее телефона. Сегодня она выглядела особенно элегантно. По отношению к Нику проявила профессиональную сдержанность: ограничилась парой дежурных фраз, поздравив его с тем, что он «отыграл несколько очень важных очков». И лишь когда они оказались в лифте, одни, обвила руками шею Ника и запечатала его уста поцелуем, который и НАСА могла бы взять на вооружение — для герметизации воздушных шлюзов.

— Ты был бесподобен. Сегодня я заставлю тебя стонать.

Дженнет определенно умела внушить мужчине чувство, что он честно отработал свой день. В машине, по дороге к Нику, она то и дело набрасывалась на него. Дезинформация явно действовала на нее как афродизиак. Едва успев ввалиться в квартиру, они уже оказались в постели. Свет, как обычно, погас, и Дженнет снова произвела все свои причудливые манипуляции с резиновыми перчатками и презервативами. Стоило им заняться делом всерьез, как зазвонил телефон. Из динамика автоответчика донесся голос Полли. Обладать одной женщиной, слушая другую,—это, оказывается, возбуждает.

—Сыр-убийца? — Полли хохотнула. — Лихо. У Финистера был такой вид, точно его опоясывающий лишай прихватил. Бобби Джей просил передать, что сегодня ты дал «Отряду ТС» повод гордиться собой. Мои поздравления. Перезвони мне, как вернешься. У меня завтра своя говорильня по ящику, так что я копаюсь тут в данных насчет воздействия алкоголя на функции нервной системы. Известно ли тебе, что спиртное увеличивает поток ионов через клеточные каналы и вызывает успокоительный эффект, примерно как валиум? Разумеется, в умеренных дозах, но это обстоятельство я смогу обойти. Если «Альянс за умеренность» и ненавидит что-нибудь всей душой, так это умеренность. Как бы там ни было, малыш, ты был бесподобен. Мои ионные каналы так и загудели. До скорого.

— Кто это? — спросила Дженнет.

— Не останавливайся. О-ох!

— Судя по голосу, она к тебе неравнодушна.

— Полли Бейли. Мы с ней друзья.

— А что такое «Отряд ТС»?

— «Торговцы смертью». Обедаем вместе. О, да, вот так. О-о-ох! Снова зазвонил телефон.

— Привет, Ник, это Хизер. Сыр? Ну ты даешь! По сравнению с тобой сербы — просто кроткие, гуманные люди. Позвони мне, ладно? Нужно поговорить о той статье. Может, поужинаем завтра вечером?

— Это Хизер Холлуэй?

— О-о-о-о-ох! Да-а!

— Ага! Я так и знала, что она — твоя Глубокая глотка. Ах ты прохвост! По тебе розга плачет. Хочешь, я тебя высеку?

— Нет.

— Так ты и ей вставляешь?

— Кому?

— Хизер Холлуэй.

— Давай поговорим об этом позже. У-уй! Потихе! Следующим позвонил Капитан.

— Ник, сынок. Ты был великолепен. Этот саблезубый ублюдок с прыщавым задом разве что полные штаны не наложил. А может, и наложил, вроде был похожий звук. Отлично проделано, сэр! Ты — лучшее приобретение табачной индустрии за последние десять лет. И не думай, что я не найду способа продемонстрировать свою благодарность.

— Это кто же... Капитан?

— Ох-ох-ох-ох...

— Ни-ик

— Что?! Да, он.

— У него был радостный голос.

— Угrrrr. Милая, милая...

— Что он имел в виду под проявлением благодарности?

— Rrrrrмм. О-о-о! Да-да-да-да-да-да!

Она ушла, по обыкновению, еще до того, как Ник проснулся, в очередной раз избавив его от необходимости прибираться в своем гнездышке. Очень аккуратная женщина. Наверное, это следствие ее садомазохизма. Какой помойкой могла бы выглядеть нынче утром его спальня — пакетики, обертки, маленькие, обмякшие цеппелины любви, разбросанные по всему полу. Пять раз! Перевалив за четвертый десяток, приятно сознавать, что старая кобра еще способна подняться и пустить шип пять раз за одну ночь.

Снова звонок. На этот раз Гэзел, впавшая в панику из-за того, что времени всего-навсего 9.15 (Ник заснул лишь после четырех), а его телефон уже раскалился от гневных звонков, все больше из Вермонта, в том числе и из губернаторского офиса.

— Скажи своим охранникам, пусть будут настороже, — предупредила Гэзел. — Судя по голосам этих типов, они собираются прикатить сюда и запарковать грузовики с сыром на твоей заднице.

В Академии его встретили приветственными кликами — герой вернулся с войны. Табак, может, и горит синим огнем, но копьё его паладина не притупилось.

Впрочем, БР показался Нику немного подавленным. И даже холодным.

— Мне только что позвонил губернатор Вермонта, — сообщил он. — Не сказал бы, что он был очень мил и любезен.

— Будет знать, как запрещать курение в тюрьмах, — пожал плечами Ник, наливая себе кофе. После горячих внутренних дебатов Академия табачных исследований решила не затевать тяжбы в защиту права убийц, насильников и воров штата Зеленых гор на курение.

— Юридический отдел считает, что каждый вермонтский производитель чеддера подаст на нас в суд, — сказал БР. — «Трагическая роль сыра», надо же!

— И пусть подадут, — сказал Ник. — Головка сыра на месте свидетеля — все какое-то разнообразие. В первый раз на моей памяти мы нападаем, вместо того чтобы отстреливаться из-за опрокинутых фургонов.

— Так-то оно так. Но я предпочел бы, чтобы у нас под ногами была почва потверже сыра.

— Это какая же? Здоровье? БР нахмурился.

— Ты же любишь разрешать сложные проблемы. Поставь под ружье наших ученых дармоедов. Да и разведка пусть повертится. А что искать, ты без меня знаешь.

— Сыроварни?

— Данные насчет атеросклероза у населения Вермонта. Не вижу причин, по которым мы не можем сопоставить показатели производства сыра в Вермонте с показателями по сердечным заболеваниям в стране. До кучи сгодятся любые расстройства, связанные с холестерином. Черт, да мы, скорее всего, сможем прицепить к вермонтскому чеддеру каждый сердечный приступ, какой только случился в Америке. Подключи к этому Эрхарда. Эрхард способен и овсяные отруби изобразить смертоносной отравой.

— На твоём месте я не ездил бы в этом году в Вермонт любоваться осенней листвой. Разве что отрастив бороду и разжившись фальшивыми документами.

— Ну что же, у меня еще остается в запасе Нью-Хэмпшир, — сказал Ник, направляясь к двери.

— Ник, — неуверенно произнес ему вслед БР, — тут заваривается непонятная каша, о которой я хочу с тобой поговорить. Вчера вечером ко мне приходила эта парочка, Монмани и Олман, и... только давай скажем им, что мы с тобой эту тему не обсуждали.

— А что такое?

— Они хотели получить регистрационные записи по твоим телефонным разговорам.

— Вот как, — сказал Ник. — И зачем?

— Не знаю. Но мне дали ясно понять, что, если я не отдам записи добровольно, они вернутся с ордером. По-моему, ни мне, ни тебе это не нужно. Однако я решил сначала переговорить с тобой, — БР бросил на него страдальческий взгляд. — Как ты думаешь, что мне делать?

— Да я вообще не понимаю, что происходит, БР. Меня в чем-то подозревают?

— Именно этот вопрос я им и задал.

— И?

— И получил дерьмовый стереотипный набор слов из учебника для агентов ФБР. Я, естественно, рассвирепел и, можешь мне поверить, не скрыл от них этого. Но они явно, э-э... интересуются тобой.

— Да, но что у них на уме? Что я сам себя похитил и едва не убил с помощью... с помощью никотиновых пластырей?

— Мне кажется, я понимаю, в чем дело. Ты же помнишь, какую прессу мы получили. Я еще сказал тебе тогда: жаль, что я сам не додумался тебя похитить. Видимо, они усмотрели здесь некий мотив.

— Ну так и отдай им записи. Мне скрывать нечего. Могу еще приложить к ним счета из прачечной.

— Ник, — отеческим тоном сказал БР, — по-моему, тебе пора обзавестись адвокатом. Просто... на всякий случай.

— На какой такой случай? Я ничего не сделал. Едва ли не первый раз в жизни могу с полной уверенностью сказать — я невиновен.

— Ник, меня тебе убеждать не нужно. Я на твоей стороне. Но давай, по крайности, заручимся юридической поддержкой.

—Замечательно! «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТАБАЧНОГО ЛОББИ НАНИМАЕТ ЗАКОННИКА».

БР поморщился.

— Я тебя хорошо понимаю. И все же, если так будет продолжаться, я сам позвоню Стиву Карлински.

—Карлински? Защитнику этого прохвоста «Садись-и-светись»—как его, Скарпарилло? — Лучшего нам не найти. Скарпарилло-то он вытащил, а если учесть, что тот переупаковывал радиоактивные отходы и продавал их под видом средства для снятия лака с мебели, это был правовой триумф. Том Салли сказал мне, что более блестящего защитника он не видел, а Том работал у Эдварда Беннета Уильямса. Постой, куда ты?

— Пойду взорву туннель Холланд.

— Что?

— Раз уж меня все равно загребут, — с суровой мрачностью ответил Ник, — так хоть повеселюсь напоследок.

Ник сидел у себя в кабинете, глядя на доктора с «Лаки страйк» и растравляя свои раны, когда позвонил Джек Бейн.

— Ник! Ну ты им и дал!

— А ты разве видел? — удивленно спросил Ник. Джек не произвел на него впечатления человека, смотрящего «Вечерней строкой».

— Не видел. Но ты был неподражаем. А я, между прочим, голосовал за дядюшку этого прохиндея, так что сам понимаешь, откуда я родом.

Знаешь, мне теперь никакой сыр в горло не лезет. Сразу голова начинает болеть. Да, послушай, я только что от Джеффа, он не в обиде на тебя из-за обеда, так что не волнуйся.

— Просто гора с плеч.

— Так вот, у нас для тебя потрясающая новость. Джерри и Болтан — продюсеры, помнишь? — согласились снизить процент, который они получают с Мейса и Фионы за подачу вашей продукции в выгодном свете, а значит, и Мейс с Фионой вам встанут дешевле.

— Тут еще есть над чем поработать, Джек. Я сообщил ваши цифры коллегам, и всех их сразу же свезли в кардиологию.

— Ник, Джефф хочет, чтобы сделка состоялась, значит, она состоится. Насчет цифр не беспокойся. Цифры мы согласуем. Ты послушай, Джефф тут встречался с агентами Фионы и Мейса, побеседовал с ними тет-на-тет...

Ник глядел в камин Берта, следя за кружением изображающих пламя алых и желтых световых пятен. Бобби Джей так ничего и не выяснил через свои контакты в ФБР. А Полли заявила, что ему следует сию же минуту нанять Стива Карлински, чем раздражила Ника до такой степени, что он поспешил сменить тему.

— Мейс Макквад и Фиона Фонтейн, цитирую, «питают сомнения» насчет того, стоит ли им, снова цитирую, «восхвалять курение».

Бобби Джей покачал головой, одновременно размешивая стальным крюком

свой кофе — привычка, которую Полли находила вульгарной.

— «Сомнения», — всхрипнул он, — и это говорят люди, которые зарабатывают на жизнь, восхваляя секс и насилие.

— Можно подумать, будто вашу рекламу делает не Дарк Фрейзер, — возмутилась Полли. — Он-то и вовсе заработал миллионы, играя живодера-полицейского. А теперь красуется на ваших плакатах: «За моей спиной Общество...»

— Дарк Фрейзер — высоконравственный человек, — заявил Бобби Джей, — всегда стоявший за красоту и справедливость.

— Ну да, особенно когда пытал негров и мексиканцев.

— Всего в одном фильме, к тому же факт остается фактом — большинство преступлений совершается представителями национальных меньшинств. Только отдельные мягкотелые либералы никак не желают это признать.

— Оттого что Дарк Фрейзер кажется мне омерзительным — в том числе и как актер, — я еще не становлюсь либералом.

— Как актер, — сказал Бобби Джей, — Дарк Фрейзер в пять раз лучше Мейса Мак-квада. Он никогда не стал бы вилить на экране голым задом. На месте Ника я бы послал сопляка вместе с его агентом к чертям собачьим. Что же до этой Раав...

— До кого?

— До размалеванной блудницы вавилонской... — Бобби Джей хватил двух «эсп-рессо», чтобы обратиться к пламенному ветхозаветному моралисту, — я видел все шедевры Фионы Фонтейн и, не отрицая того, что Господь наделил ее красотой — каковую она изгадила, накачавши пластика в титьки, — все-таки не понимаю, почему вокруг нее подняли столько шума. Если баба не носит трусов, это еще не делает ее актрисой.

— Так что же, — спросила Полли, — курить в «Секторе шесть» не будут?

— Ну нет, — сказал Ник. — Два миллиона долларов на брата способны усыпить любые сомнения. Надо отдать должное Джеффу Мегаллу — для человека, питающегося прозрачным суши, он очень умен. Джефф нашел блестящий выход: сцены будут сниматься в двух вариантах. Один, в котором Фиона с Мейсом курят, предназначается для зарубежного проката. Так что здесь никто их курящими не увидит. Зато увидят миллиарды азиатов, которые стремятся во всем походить на Фиону и Мейса. Джефф называет это «целевым продвижением продукта». Вроде целевого изготовления бомб.

— Умно. Стало быть, Мейс с Фионой не против того, чтобы, цитирую, «восхвалять курение», пока их хвалы предназначаются для...

— Косоглазых, — встрял Бобби.

— Терпеть не могу этого слова, — сказала Полли. Бобби воздел свой крюк.

— Я оставил там двадцать пинт крови и половину руки, — сказал он, — и уж позволю, я буду называть их так, как мне хочется.

— Резонно, — согласился Ник. — Мегалл предложил и еще кое-что: использовать при съемках сигаретные пачки из белого картона. Тогда можно будет цифровым способом превращать их в сигареты разных сортов, в зависимости от страны.

— Здорово! — восхитилась Полли.

— То есть если картину показывают в Японии, в ней курят поставляемый туда сорт, в Индонезии — индонезийский, а в Венгрии — что-нибудь вроде «Горлодера». Он действительно так называется. В Восточной Европе любят, чтобы смол и никотина было побольше.

— Очень умно.

— Не понимаю, — продолжал Ник, — как мы сами до этого не додумались. За границей такие штуки проделывают давным-давно — используют ретрансляторы спутникового телевидения для наложения рекламных текстов. Мадонна может выступать в Испании, а по ящику это будет выглядеть спонсируемым фирмой «Сейлем» концертом в Гонконге. Там вообще допускается то, что не дозволено здесь. Лаура Брениган, Тиффа-ни, Стиви Уандер, Роберта Флэк, Хью Льюис, Лучано Паваротти, Том Беренджер, Роджер Мур, Джеймс Кобурн, Джимми Коннорс и Джон Макинрой — все они так или иначе рекламируют за океаном сигареты, а здесь и горя не знают, потому что никто этого не видит.

— Да, но как же вы здесь-то обойдетесь? Основная идея состояла в том, чтобы разрекламировать сигареты, разве не так?

— Джефф говорит: нет проблем. Такую роскошь, как «сомнения» по поводу сигарет, могут позволить себе только известные актеры, огребающие по восемь—десять миллионов за картину. Он обещает разместить наш товар в трех рождественских фильмах. И уже в это Рождество.

— Слушай, а как бы мне познакомиться с Джеффом Металлом? — спросила Полли.

Ник решил, что в сложившихся обстоятельствах разумнее будет встретиться с Хизер не в «Иль Пеккаторе», а в каком-нибудь месте понеприметней. Он выбрал кафе «Ривер» в Фогги-Боттом. Ник явился туда первым. День выдался утомительный, ему пришлось выслушать немало угроз, включая и угрозы губернатора Вермонта. Ник заказал водку «Негрони» со льдом и, пока она понемногу протискивалась ему в мозги, все напоминал себе о необходимости сохранить ясную голову. Задача сегодня состояла не в том, чтобы затащить Хизер в постель, а в том, чтобы не позволить ей затащить туда его. В настоящей момент ее, похоже, возбуждал не столько Ник, сколько перспектива произвести впечатление на своих вероятных работодателей из «Сан». Хизер пришла вовремя, улыбающаяся, в платье, которое она явно надела ради этого свидания, заскочив после работы домой. Появись она в таком платье в редакции, ни о какой работе там уже и речи не было

бы.

— Привет! — сказала она. — Не опоздала? Я прямо с работы.

Сначала они поболтали о том о сем, потом обратились к главной теме, которая волновала ныне прессу, — слухам о том, кому предстоит заменить Мортон Кондрейка в «Маклоклин групп». Господи, думал Ник, ну и заботы у нас в Вашингтоне...

В конце концов, после того как оба отказались от десерта и занялись обескофеиненным капучино, Хизер решила:

— Знаешь, чем больше я думаю о расследовании ФБР по твоему делу, тем сильнее злюсь.

— Кошмар, верно?

— Поэтому я и считаю, что нам необходимо о нем рассказать. Пусть люди знают, на что идут собираемые с них налоги. Думаю, как только эти сведения попадут в печать, ФБР от тебя мигом отцепится.

— А они попадут в печать?

— Да, — с некоторой неуверенностью в голосе подтвердила она. — Мне удалось получить из независимых источников информацию о том, что они

занимаются тобой. Так что твоим доверием я не злоупотреблю. Ник подавил желание поздравить Хизер с тем, что ей удалось спуститься на его — почитай, подземный — нравственный уровень. Он лишь кивнул:

— Что же, это достаточно честно. Его уступчивость озадачила Хизер.

— Ты не злишься?

— Нет. В сущности, я думаю, что ты права. Возможно, они и отцепятся. Пиши что хочешь. Хотя я буду очень благодарен, если зрдеюнешь меня цитировать.

— Нет, конечно. Но ты правда не против?

— Правда. Более того, — он склонился к ней, ссутулясь, как завзятый революционер, и прошептал, — говоря решительно, целиком и полностью не для Печати, так оно будет..., лучше.

— То есть? Ключула.

— Пойдем отсюда, — сказал Ник.

Они прошлись по И-стрит в сторону «Уотергейта». Самое подходящее направление, с учетом того, что он задумал.

— Что ты хотел сказать этим «лучше»? — спросила Хизер.

— Тебе очень хочется, чтобы ФБР принялось рыться в твоих платяных шкафах? — ухмыльнулся Ник.

— Ник, что ты пытаешься мне внушить? Еще одна ухмылка.

— Только то, что при достаточно крупных ставках люди порой совершают удивительные поступки.

— Так ты сам себя похитил?

— Я этого не говорил.

Он довел Хизер до ее дверей, целомудренно поцеловал на прощание и отправился восвояси, уверенный, что никакой статьи не будет. Теперь Хизер попытается раскопать сведения куда более сенсационные, а их просто-напросто не существует. В итоге она просто завязнет.

Глава 22

Вообще говоря, Ник с удовольствием выступал перед сенатскими подкомитетами. Эти выступления внушали ему чувство, что он на краткий, но блистательный миг становится участником великого драматического сериала, именуемого «Историей Америки». Яркие софиты телевизионщиков, графин и стакан с водой, зеленое сукно, покрывающее стол, гул и гомон публики, сенаторы, старающиеся походить на древнеримские бюсты, крабы пробежки их помощников, притворно избегающих телекамер, а теперь еще и новое слово в стенографии — Ник обнаружил вдруг, что стенографистки нынче не пишут, а что-то бормочут в конусовидные маски, закрывающие им рты.

Однако сегодня Нику выпала в этом сериале незавидная роль. Сегодня ему пришлось упражняться в терпении, участвуя в некоем подобии отбора присяжных в диснеевском мультфильме. Шел уже четвертый час, а возможности дать показания Ник дожидался с десяти утра. То была мелкая месть со стороны Финистера. Поначалу он и вовсе отказался предоставить Нику возможность выступить перед своим подкомитетом, но затем смиростивился — когда сенатор Джордан в частной беседе пригрозил, что урежет фонды, выделенные штату Финистера для ремонта автострад. (А это случилось после того, как Капитан пригрозил

Джордану отлучением от своего самолета.)

Все это время Ник выслушивал обличения в адрес табака — и свой собственный, — произносимые как давними, так и новыми неприятелями: «Матерями против курения», «Подростками против эксплуатации юношества» (то еще стадо баранов), главой Государственного наркологического института (Финистер, тонкий интриган, надумал представить табак еще одним наркотиком, вроде крэка) и Коалицией за нравственную и ответственную рекламу (пять с половиной человек). К исходу четвертого часа, после того как слезливая дама испанских кровей завершила злобный рассказ о гибели ее мужа Рамона от злодейского зелья: «Он не умел читать и не знал, как это вредно», Финистер предпринял попытку перенести слушания на следующий день. Но тут уж вмешался внедренный в подкомитет табачниками сенатор Плам Рудебейкер от Северной Каролины. Он прорычал в микрофон, что «это линчевание» зашло слишком далеко, и потребовал дать слово Нику. Ник не без изящества поблагодарил сенатора Финистера за возможность высказать свои воззрения перед столь высоким подкомитетом.

Отцы-основатели преисполнились бы гордости, узрев сидящих перед ним сенаторов — мало того что на всех на них скопом приходилось больше двух тысяч опротестованных банками чеков, среди этих государственных мужей числились: совратитель несовершеннолетних сенатских посыльных; три субъекта, задержанных за вождение в пьяном виде; один, пойманный на мухлеже при уплате подоходного налога; еще одни, уличенный в избиении жены и выставивший в качестве единственного своего оправдания то обстоятельство, что она его первая побила; и плагиатор, позаимствовавший произносимые им перед избирателями речи у Бени-то Муссолини, ни больше ни меньше (и впоследствии сваливший всю вину на «чересчур старательного помощника»).

Стоило Нику приступить к произнесению заготовленной им белиберды — полной риторических красот мольбе не обращать американских табачных фермеров в «оуки» девяностых годов, напичканной душераздирающими цитатами из «Гроздьев гнева», — как двое сенаторов демонстративно встали и покинули зал, даже не утрудив себя ритуальными заверениями, что интересы государственной безопасности требуют их неотложного присутствия в другом месте. Нику пришлось замолчать — на срок, достаточный, чтобы поразмыслить о прискорбности ситуации, в которой совратитель отроков и поклонник Муссолини ощущают над тобой моральное превосходство. Он завершил выступление гордой ссылкой на развернутую Академией кампанию против курения среди подростков. Теперь, по сценарию, слово было за Рудебейкером.

— Я благодарю миста Найлара, — зарокотал сенатор с каролинскими баритональными раскатами, — за атвагу, с каторой он явился на нынешние слушания. Я гаварю не только а маральной атваге, но и а прастой человеческой храбрости.

Ник скромно потупился — реакция более чем уместная, если учесть, что каждое произносимое сенатором слово сам же Ник и написал.

— Патаму как я знаю, — продолжал Рудебейкер, — что он палучил множество угроз ат избирателей маего выдающивася вермантскава коллеги.

— К чему, — залаял Финистер, — клонятся смутные намеки джентльмена из табачного штата?

— В маих славах нет никаких «смутных намеков», — Плам, опять-таки по

сценарию, поднял кулак с зажатой в нем пачкой бумажных листов и разжал его, осыпав листками стол. Фотографы, уже впавшие в оторопь от скуки, защелкали камерами, наполнив зал стрекотом автоматически перематываемой пленки. — Как нет их и в смертельных угрозах, на каждый из которых стоит пачтовый штампель великава штата Вермонт. Ропот, ропот—стук, стук.

— Я очень надеюсь, что мой выдающийся коллега... — изумительная сенаторская учтивость, — не пытается убедить нас в том, что эти не внушающие никакого доверия письма являются результатом каких-либо скоординированных усилий...

— Я не утверждаю, не внушаю и никоим образом не намекаю на что-либо надобное. Я проста гаварю, что мы дожили до прискорбнава дня, кагда на человека, единственный грех которава состоит в том, что он атстаивает совершенно законный прадукт, абъ-является настоящая ахота. В этой связи я хател бы указать, что миста Найлар уже претерпел, испалняя свой долг, похищение и пытки. Теперь еще и это. Мне не известно, кто спустил на него этих абъевшихся сыра сабак, я лишь предлагаю их законному представителю прадемонстрировать хоть какую-то способность справиться с ними и атазвать своих псов вайны, пака они никаго не абратшш в калеку.

— В чьего коллегу? — переспросил сидевший рядом с Ником репортер.

— Плам, безусловно, справился со своей ролью, — сказал на следующий день БР, просматривая вместе с Ником газеты. «ФИНИСТЕР ОТРИЦАЕТ НАЛИЧИЕ УГРОЗ В АДРЕС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАБАЧНОГО ЛОББИ».

— Не думай, что это не влетит нам в копеечку, — сказал в динамике голос Капитана.

В кабинете БР не хватало света. Установленные Карлтоном «антиураганные» жалюзи были опущены. Предполагалось, что они служат защитой от электронного прослушивания. Расследование, ведомое ФБР по делу Ника, и лобовая атака табачного лобби на сенатора США привели к тому, что уровень параноидальное™, обуявшей Академию, возростал с каждым днем, точно уровень паводка в Миссисипи порою дождей.

— И все же, — продолжал Капитан, которому явно не хватало дыхания, — мы заставили сукина сына обороняться. Блестящая идея, сынок.

Ник, снова прокувыркавшийся с Дженнет до ранних утренних часов, зевнул.

— Победить нам все равно не удастся, Капитан. Юридический отдел предсказывает, что законопроект пройдет через комитет двенадцатью голосами против пяти. Конечно, его еще должны утвердить .законодатели. Но нам следует приготовиться к худшему.

— Не говори южанину о поражении, — сказал Капитан.

— Я лишь пытаюсь быть реалистом.

— Что там с медицинским отчетом Краута?

Возглавляемый Эрхардом Институт здорового образа жизни состряпал документ, озаглавленный «Безмолвный убийца». По его оценкам, вермонтский чеддер приводил к закупорке артерий, уносившей жизни двух миллионов американцев в год. (В основе оценок лежало, разумеется, предположение, что всякий, кто хоть раз отведал этого сыра, в конечном итоге из-за него и загнулся.) Ник не советовал публиковать этот отчет. Более того, он посоветовал немедленно уничтожить все его копии.

— Что у Гомеса? — негромко спросил Капитан.

— Мы совершенно уверены, что пару лет назад Финистер увивался за an pair.

— За кем?

— Иностранной нянькой. Исландкой по имени Харпа Иоханнсдоттир, двадцати одного года. Сейчас проживает в Исландии. Я послал туда человека. Однако поиски займут Какое-то время. Телефоны в исландских справочниках указываются не по фамилии, а по имени, так что...

— Позвольте, я вас прерву, — сказал Ник. — Мне неприятно об этом говорить, но, по-моему, нам следует хотя бы прикинуть, как мы будем жить с этими их наклейками. Я имею в виду череп.

— Это пораженчество, — Капитан закашлялся. Судя по голосу, он был совсем плох. Поговаривали, что ему собираются вставить новый порсячий клапан.

Ник испытывал жалость к старику. Увы, но ничего приятного для Капитана он придумать не смог.

— Может быть, — сказал он, — нам как-то удастся облагородить этот череп.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Капитан.

— Пока не знаю. Давайте я переговорю с нашими дизайнерами и мы попробуем что-нибудь придумать. А тем временем человек Гомеса, глядишь, и отыщет в Рейкьявике дитя любви с торчащими наружу зубами. У выхода из кабинета БР Ника поджидала встревоженная Гэзел.

— Они пришли, — прошептала бедняжка.

— Кто «они»?

—ФБР.

— Ну так прими не столь виноватый вид, — сердито сказал Ник.

Агенты ожидали в его кабинете. Монмани просматривал бумаги на письменном столе, чем вызвал у Ника вспышку раздражения. Олман, больше похожий на человека, с так и не ослабевшим удивлением разглядывал «доктора Лаки».

Ник закрыл за собой дверь и сказал:

— Значит, все-таки поймали?

— Кого? — любезно осведомился Олман.

—Моих похитителей.

—А,—сказал Олман.

— Вы уезжать куда не собираетесь, мистер Нейлор? — спросил

Монмани.

—Что?

—Уезжать.

—Нет.

Агент Монмани зачитал вслух пришпиленную к авиабилету записку:

— «Даллес»—ЛА. Махмуд встретит Вас у выхода с поля».

— А, вон вы о чем. Это по делу. Я думал, вы об отдыхе. Агент Монмани уставился на Ника волчьим взглядом.

— Почему вы об этом спрашиваете?

—Да вы не волнуйтесь,—сказал Олман. — Это у него привычка такая. Мы не могли бы осмотреть вашу квартиру?

— Квартиру?

—Да.

— Ну... а вы что-нибудь ищите?

— В делах вроде вашего многие теряют память вследствие психологической травмы, поэтому мы стараемся не оставлять обвисших

концов.

— Это просьба, понимаете?—сказал агент Монмани.—Соглашаться вы не обязаны.

— Не обязан?

— Нет. Другое дело, если вам предъявят ордер на обыск.

— Верно, — сказал Олман. — А ордера у нас нет.

«Есть у меня в квартире что-нибудь, чего им лучше не видеть? — задумался Ник. — Что-нибудь... интимное? Нет... Любовные цеппелины Дженнет педантично утаскивала с собой... О господи! Печенья с гашишем, в морозилке!» Та стюардесса, как ее звали? — Паола— притащила их как-то ночью, два года назад. Его уборщица однажды съела одно по ошибке и потом долго чистила унитаз пылесосом. Он все собирался их выбросить. Что тебе мешало? Дурак! Идиотина! Сесть в тюрьму из-за заплесневелых печений!

Агенты Монмани и Олман безмолвно взирали на него.

— Э-э... Да, разумеется. Когда вам будет удобно зайти?

— Лучше бы прямо сейчас.

— Сейчас? — промямлил Ник, глядя в ежедневник. — Сейчас... то есть сегодня... мне не очень... Как насчет завтра? Еще один неприятный взгляд.

— Завтра вы летите в Лос-Анджелес, — сказал Монмани.

— Верно, — он вытащил и протянул им ключи. —Ладно, валяйте. Монмани покачал головой.

— Мы предпочли бы сделать это в вашем присутствии.

—Я готов вам помочь, но у меня сегодня совещание с сотрудниками, два интервью и надо еще подготовиться к выступлению насчет пассивного курения... Впрочем, ладно.

Ник позвонил Дженнет и попросил заменить его. Он ехал на заднем сиденье фэбээ-ровского «седана», представляя, как поедет обратно, в наручниках, обвиненный в хранении наркотиков. Он уже слышал их вопросы: «Так, говорите, ее звали Паола? На какую компанию она работала?» Олман, свинья улыбочивая, все заговаривал с ним о разных пустяках. Человеку нужно обдумать предстоящий допрос, а к нему лезут с глупостями.

Минутку-минутку, это не мой холодильник!

— Не понимаю, чего ты так разволновался? — удивлялась Полли.

Ник созвал «Отряд ТС» на чрезвычайное совещание. Бобби Джея оно не обрадовало — новообращенные устраивали сегодня вечеринку с игрой в кегли, пиццей и общей молитвой, — однако, услышав в голосе Ника нотки паники, он пришел.

Ник приканчивал уже третью водку «Негрони».

— Так и спиться недолго, — сказала Полли.

— Ты все еще не объяснил нам, в чем дело, — сказал Бобби. —

Наркотики-то они не нашли.

— Да тише ты! — прошипел Ник. — Господи Иисусе!

— Иисуса ты сюда лучше не впутывай.

—Он уже притронулся к ним,—сказал Ник, заново переживая недавний ужас: агент Монмани открывает морозилку, перебирает обледенелые пакеты, брикеты мороженого! и концентрата для «пинья-колада".—Я совсем было собрался вырвать их у него и попробовать сжевать, но тут в кухню вошел второй, Олман, и на физиономии у него был: написано: «Нашел!»

— Да что нашел-то? Что он мог найти?
— Не знаю. Эти типы понимают друг друга без слов. Во всяком случае, Монмани все понял. Морозильник мой его больше не интересовал. Они попрощались и ушли.
— И все-таки, что они могли найти?
— Ни-че-го.
— Ты уверен, что никуда бевдше наркотики не запихивал?
— Бобби, сделай милость» заткнись. Тебе, между прочим, следовало бы на стрельбище торчать, обзаводиться связями, А ты чем занимался? Именем Иисусовым кегли сшибал?
— Я продолжаю работать над твоей проблемой.
— Так работай поактивнее, ладно? Если на большее ты не способен, чего ж удивляться, что сторонники запрета оружия делают вас как хотят?

Глава 23

На следующий вечер Ник, катя с Махмудом в его Белом ките из аэропорта в «Энко-миум» и глядя в окно на небоскребы Лос-Анджелеса, увидел большой рекламный щит, такой же наглый, как его собственное вранье. На щите был изображен огромный череп со скрещенными костями. Надпись под ним гласила; «НЕ КУРИТЕ «СМЕРТЕЛЬНЫЕ»». Об этих сигаретах Ник знал все. Хотя бы по одной пачке «Смертельных» имелось у каждого работника Академии, при том что официально индустрия относилась к ним с прохладцей. Самые подходящие сигареты для нашего циничного века. Картинка на пачке говорила—да нет, вопила: «ЭТА ШТУКА ТЕБЯ УГРОБИТ!» Вот она, честная реклама— честнее некуда. Предупреждения Главного врача на другой стороне пачки выглядели просто смешотворно. И шли эти сигареты нарасхват, хотя предназначались преимущественно для совсем юных горожан, тех, что считают харканье кровью признаком мужественности. В Миннеаполисе стояла поздняя ночь, однако рекламному агенту, получающему от вас тридцать миллионов долларов в год, надлежит отвечать на ваши звонки во всякое время. Ник поведал сонному Свену об осенившей его идее, и Свен сказал, что прямо сейчас переговорит с разработчиками, а в пятницу сам прилетит в Вашингтон. Ранним утром следующего дня Ник уже сидел в приемной Джеффа Мегалла бок о бок с Кевином Костнером. Он только-только начал рассказывать, до чего ему понравились «Танцы с волками», как его уже повели в кабинет Джеффа.

Вокруг малахитового стола для совещаний расположилось несколько человек.

— Ник, — тепло произнес Джефф.

Джек Бейн знаком показал Нику, что он просто-таки обязан обрадоваться столь теплему Приему.

— Ник, это Джерри Горник и Болтан Зейг, ты о них уже слышал. А это Харви Гра-Сон. Харви занимается окончательной доводкой «Сектора шесть». Поскольку договоренности, выработанные нашими юристами, касаются содержания дополнительных сцен, имеет смысл обсудить их совместно. Давай, Харви.

— Значит, так, — сказал Харви, почти совершенно лысый, грузноватый,

усталый человек лет тридцати с лишним. — У нас запланировано десять эпизодов с курением. Они там занимаются своими делами — управляют кораблем, едят, переодеваются и так далее — и при этом курят. Кроме того, мы думаем добавить еще несколько. Пока что готовы два, оба посткоитальные, примерно по минуте каждый.

— Это где он проделывает тот фокус с кольцами? — спросил Джефф.

— Нет. Это где она проделывает тот фокус. Учит его выпускать табачный дым колечками. Эпизодик получился зажигательный. У моего компьютера чуть экран не оплавился.

— Вы позволите? — спросил Ник, потянувшись к сценарию.

Крупный план через плечо Слейда.

С л ей д. Прямое попадание. Где ты этому научилась?

Зина. Мой программист увлекался метанием подков.

— То есть это что же? — спросил Ник, — Она нанизывает кольца на его...

— Ну, а я о чем? Эпизодик — с пылу с жару.

— Жаль, нельзя оставить его в местном варианте, — сказал Джефф. — Отличный эпизод.

— Так нам же требуется Пи-Джей-13, — пожал плечами Волтан.

— А кого играет Фиона, робота? — спросил Ник.

— Не робота. Гинорга седьмого формата. Мозг Эйнштейна и тело Джейми Ли Кертис.

— Девушка моей мечты, — сказал Джерри.

— Но не моей, — сообщил Волтан и загоготал.

— Что еще ты для нас приготовил? — спросил Джефф у Харви.

— Мы переделали эпизод, в котором Мейс бежит из тюрьмы на Аларе. В местной версии он выкалывает охраннику глаз сосулькой. А в этой — выжигает сигаретой. У ала-риан всего по одному глазу, так что созерцание красот родной природы охраннику больше не светит.

— Не уверен, что выжигание глаз производимым нами продуктом... Да нет, уверен — это не то, что нам нужно.

Харви повернулся к продюсерам.

— Мне было сказано, что сигареты должны стать органичной частью фильма. Чего ж вам еще органичнее? Мейс с помощью сигареты обретает свободу. По-моему, очень сильный образ.

— Возможно, — сказал Джефф, — но Нику он не по душе.

— Ладно, — сказал Волтан, — глаз побоку. Харви пожал плечами.

— Кстати,—спросил Ник, — как вы объясняете, что кислород в их корабле не взрывается каждый раз, когда они закуривают?

— Так ведь двадцать шестой век, — сказал Волтан. — К тому времени чего-нибудь да придумают.

— Можно вскользь упомянуть, что они примешивают к кислороду фреон, — сказал Харви.

— Неплохо, — сказал Джек. — А язык у них от фреона заплетаться не будет?

— Как у педиков, — сказал Волтан.

— Нет, — сказал Джерри, — те все больше по гелию ударяют.

Капитан настиг Ника в Белом ките по дороге в аэропорт. Голос у него был слабый, к тому же в трубке все время трещало.

—Я звоню с моей рыбачьей посудыны, — Капитан закашлялся.—Уехал на несколько дней на озеро над Ревущим ущельем. Решил подышать свежим воздухом и доказать этим идиотам-докторам, что у меня нет со

здоровьем никаких проблем, которые не могла бы разрешить консультация у знающего врача. Я начинаю подозревать, что все они получили свои дипломы в Гренаде. Им, видишь ли, угодно вскрыть меня и вшить еще одно свинячье сердце. А в нем только то и хорошо, что донора ждать не приходится. Выходишь на заднее крыльцо с топором — и готово. Хо-па, клюет! Сейчас перезвоню.

Телефон зазвонил несколько минут спустя, как раз, когда Махмуд сворачивал с бульвара Сенчури в сторону аэропорта.

— Вот зараза, обмотала лесу о корягу. Похоже, фунтов на шесть тянула. Да, так вот, сынок, БР сказал мне, что ФБР, э-э, роет под тебя, задает разные вопросы. Ты бы не мог слегка просветить меня на этот счет?

Тон, которым это было произнесено, насторожил Ника. Он рассказал Капитану все, опустив лишь историю с печеньями.

— Ха! — хмыкнул Капитан. — Скорее всего, они просто удят рыбку в мутной воде, совсем как я сейчас. Но мне это не нравится. Мало нам Финистера, так еще эта история. Пауза.

— Ты рассказал все, о чем мне следует знать, а?

— Что вы имеете в виду?

— Да ничего, просто голос у БР был какой-то странный.

— А что, собственно, он вам сказал?

— Похоже, он считает, что нам следует нанять тебе адвоката. Такая еврейская фамилия. Ну, того, что вытянул парня, у которого клиенты светились в темноте. Да, Карлински.

— Я не вполне понимаю, зачем нанимать для меня адвоката по уголовным делам.

— Ты, главное, не паникуй. Стресс — штука опасная. Рыбу ловить любишь?

— Ловлю иногда.

— Если тебе нужен отпуск, бери его прямо сейчас.

— Отпуск? Когда на нас столько всего навалилось?

— Знаешь, что сказал Уинстон Черчилль? Он сказал: времени, удобного для отпуска, не бывает, так что самое верное — уходить, когда хочется.

Ник сидел в первом классе, скрежеща зубами и чувствуя, как шейные мышцы стягиваются в тугие узлы. Он позвонил Дженнет. И у нее голос звучал как-то странно. Точь-в-точь как у прежней Дженнет, той, что не выказывала никакого желания провести с ним всю ночь и заставить его стонать.

— В шесть я приземляюсь в «Даллесе», — сказал Ник. — Ты не могла бы меня встретить? Нам нужно поговорить.

— Знаешь, я страшно занята, — сказала она. — О чем ты хочешь поговорить?

— БР рассказал Капитану о моей ситуации, ну, ты понимаешь, об этой парочке, которая меня навещает...

— ФБР?

На тебе. Половина радилюбителей Америки радостно наострила уши.

— Я знаю лишь одно: БР рассказал обо мне Капитану, а Капитан только что предложил мне уйти в отпуск.

— Хорошо бы он мне это предложил.

— Не в том дело. Ты, случаем, не знаешь, что наговорил ему БР?

— Нет.

— Может, встретимся попозже?

— Нет.

Послышался щелчок, и записанный на пленку голос уведомил Ника, что, если он хочет произвести еще один дорогостоящий вызов с высоты в тридцать пять тысяч футов, достаточно нажать кнопку 2.

Он позвонил БР. Ответа пришлось ждать восемь минут.

— Да, Ник? — и у этого тон изменился. Что они там, в Академии, фреона все надышались?

— Меня интересует, что ты сказал Капитану. Он предложил мне нанять адвоката и уйти в отпуск.

БР откашлялся.

— Я счел себя обязанным посвятить его в эту историю с ФБР.

— Понятно. Что-нибудь еще ты ему рассказал?

— Только то, что я знаю.

— А что ты знаешь?

— Что ФБР проявляет к тебе горячий интерес. По правде сказать, я уже нанял для тебя Стива Карлински...

— О господи!

— Слушай, Ник, они сегодня опять приходили. В Академии начались разговоры. Я считаю, что в такой ситуации нам не мешают советы хорошего адвоката.

— Чего они на сей раз хотели?

— Ник, я не уверен, что имею право обсуждать это с тобой.

— Как это?

— Для твоей же безопасности. И, если честно, я обязан также думать о добром имени Академии.

Ник нажал кнопку вызова стюардессы.

— Вы умеете смешивать водку «Негрони»?

— Разумеется, нет! — радостно отрапортовала она.

— Чего я решительно не понимаю, — сказал на следующее утро Стив Карлински (Ник сидел в его кабинете, по стенам которого висело множество фотографий, изображающих Стива в обществе разного рода знаменитостей), — так это почему вы прождали столько времени, прежде чем обратиться ко мне.

Карлински был высок, сухопар, в близко посаженных глазах его, казалось, навек застыло изумление. Все в нем было серо, за вычетом яркого, небрежно завязанного шелкового галстука, какой в его мире почитается, наверное, атрибутом беспутного гульки. Говорили, что единственной его страстью, если не считать почасовой оплаты, были вина, которые он, впрочем, не пил, а коллекционировал.

Карлински был высок, сухопар, в близко посаженных глазах его, казалось, навек застыло изумление. Все в нем было серо, за вычетом яркого, небрежно завязанного шелкового галстука, какой в его мире почитается, наверное, атрибутом беспутного гульки. Говорили, что единственной его страстью, если не считать почасовой оплаты, были вина, которые он, впрочем, не пил, а коллекционировал.

— Я к вам вообще не обращался, — сказал Ник. — И при чем тут опухоль?

— Простите. Я был бестактен. При вашей работе вы наверняка слышите об опухолях куда больше, чем вам хотелось бы. Итак, расскажите мне все. Чем больше я буду знать, тем больше от меня будет проку.

Это походило на сеанс психотерапии, только подороже, 450 долларов в

час. Психоаналитиком Карлински оказался первоклассным. Сам он не произнес ни единого слова. И лишь когда Ник закончил, сказал:

— Хотя я ни за что не позволил бы вам впустить к себе агентов ФБР без ордера на обыск, я, в определенном смысле, рад, что вы так поступили. Теперь, когда придет время, мы сможем использовать это против них.

— Какое еще время? — спросил Ник.

— Черные дни. Хотите закурить? Сам я никогда не курил, но, честно говоря, считаю, что в последнее время антитабачное лобби слишком много себе позволяет.

— После того случая я курить не могу, — сказал Ник.

— И это мы тоже сумеем использовать. С учетом ваших служебных обязанностей, это равносильно утрате трудоспособности. Так, а теперь возвращайтесь на работу и, если к вам снова нагрянут агенты ФБР, сделайте милость, тут же позвоните мне. Я тем временем тоже позвоню в два-три места и попытаюсь кое-что выяснить.

Ну что же, неплохо, думал Ник, шагая к Академии, отделенной от офиса Карлински тремя кварталами. Вполне порядочный, разумный человек. Едва он вошел в свой кабинет, как туда же влетела Гэзел, держа в руках листок с телефонным номером.

— Хизер Холлуэй, «Мун», СРОЧНО!!!

— Хизер? Ник.

— Ник, у тебя есть время? Хорошо, насколько я понимаю, ты нанял Стива Карлински? Алло?

— Я слушаю.

— Мне нужен твой комментарий. Ник?

— Я слушаю, слушаю.

— По-твоему, это комментарий? Думай, думай.

— Почему ты так решила? Здорово придумал...

— Ты провел в его офисе целый час. Ах он сукин сын!

— Да, — сказал Ник, поняв, что отвертеться ему не удастся, — провел, но мы обсуждали вопросы, связанные с АТИ, говорить о которых я с тобой не вправе.

Он услышал, как пальцы Хизер — которым могло бы найтись и лучшее применение — защелкали по клавишам, записывая его слова.

— То есть о расследовании, которое ведет ФБР? — спросила Хизер.

— Ты имеешь в виду столь бездарно затянувшееся следствие по делу о моем похищении и пытках?

Щелк-щелк-щелк-щелк.

— То есть ты отрицаешь, что Стива Карлински наняли, чтобы он представлял тебя в деле о твоём недавнем исчезновении и появлении на Эспланаде обклеенным никотиновыми пластырями?

— Браво, очень умело составленный вопрос.

— Ну брось, Ник, это же я.

— Я полагаю, за всем этим стоит Ортолан Финистер.

— Что?

— Честно говоря, — голосом уставшего от жизни человека произнес Ник, — я не думал, что он падет так низко.

— Господи боже, о чем ты?

— О том, что он использует ФБР для сведения личных счетов, одновременно пытаясь отвлечь внимание общества от подлинной проблемы, каковой является вермонтский сыр. Я нахожу все это очень

печальным. Печальным для Вермонта, печальным для Сената США, печальным для всех приверженцев истины. Ник разглядывал «доктора Лаки», гадая, каким боком выйдет ему только что запущенная утка, когда появился Свен с набросками нового предупредительного ярлыка. Хоть от дурных мыслей отвлек, и на том спасибо.

— Задача нам была поставлена сложная, — сказал Свен, расстегивая молнию бордово-черной замшевой папки, — но такие нам по душе. С тобой все в порядке? Ты какой-то бледный.

— Все нормально. Ну, так что ты принес?

— Давай начнем с самого начала, — Свен извлек на свет увеличенное фото пачки «Смертельных». — Концепция, как ты правильно сказал, блестящая. И дальновидная. Сомневаюсь, что изготовителям «Смертельных» серьезно угрожает законопроект Фи-нистера. Ну ладно. Мы попробовали два разных подхода, приняв во внимание содержащиеся в законопроекте требования к размерам ярлыка, его расположению на пачке и так далее и тому подобное. Чтобы не путаться, мы присвоили им имена. Первый называется «Зеленым Роджером».

Свен вытащил пачку «Мальборо», на узкой стороне которой красовался светло-зеленый череп с костями.

— Наши специалисты по ПТЦ...

— По чему?

— По психологической теории цвета. Это нынче далеко не последние люди. Так вот, известно, что зеленый цвет успокаивает, — знаешь, лужайки, деньги, мята, карточные столы...

— Хирургические халаты, нагноения...

— Цвет черепа в законопроекте не оговаривается, так что с юридической точки зрения тут все в порядке. Мы быстренько прокатали «Зеленого Роджера» на выборочной группе потребителей, результаты получились вполне приемлемые. Только сорок процентов сказали: «Я ни при каких обстоятельствах не стал бы курить сигареты из такой пачки».

— Сорок процентов, — вздохнул Ник.

— Шестьдесят остается за нами. Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что это похоже на зеленый череп с костями.

— Ладно, тогда следующий, — сказал Свен. — Называется «Желаем приятной смерти». Мы взяли за основу физиономию с плаката «Желаем приятного дня», увеличили глаза, добавили зубы, челюсть очертили порезче, а кости представили как бы руками, сложенными на груди.

— Господи Иисусе! Кошмар! Волосы дыбом.

— Вот и выборочная группа говорит то же самое, в один голос. Крайне отрицательная реакция. А теперь, внимание... вот!

Ну и что, подумал Ник. Череп как череп, только улыбается. И все же, чем дольше Ник вглядывался в него, тем более располагающим он казался. Почти... почти дружелюбным.

— Кто у нас, — спросил Свен, — самый приятный человек на свете?

— Я таких вообще не встречал, — ответил Ник.

— Тогда познакомься со своим новым другом — «Соседом госпожи Смерти». Ник снова пригляделся к черепу. «ЧТО ЗА ЧУДНЫЙ ДЕНЕК В ОКРУГЕ, СКОЛЬКО РАДОСТИ У СОСЕДА, НО КОГДА ЖЕ ТЫ БУДЕШЬ МОЕЙ?»

— Так это он?

— Во плоти. Вернее, без плоти. Компьютер точно показывает, как выглядит череп любого человека. Собственно говоря, эту программу разработали для судебных антропологов, пытающихся определить, чьи это кости обнаружились в твоём подвале, а мы лишь запустили ее задом наперед.

— Здорово!

— Программа называется «КИРОЙ». «Йорик» наоборот, помнишь, череп в «Гамлете»?

— Помню-помню.

— Ему только джемпера не хватает. Не осталось места. Выборочной группе он понравился. Даже некурящим захотелось купить такую пачку. Я оттащил его домой, испытал на моих ребятишках. Так они в него просто влюбились.

— Да-а, — сказал Ник. — Надо будет показать эту штуку моему сыну.

Глава 24

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТАБАЧНОЙ ИНДУСТРИИ, СТАВШИЙ ОСНОВНЫМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ В ПРОВОДИМОМ ФБР СЛЕДСТВИИ, НАНИМАЕТ АДВОКАТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Них Нейлор обвиняет сенатора Финистера в организации федерального расследования
Хизер Холлуэй, корреспондент «Мун»

— По-моему, — сказала Полли понижая голос, что стало уже привычным на ленчах «Отряда ТС», — твоя стратегия по отношению к Хизер Холлуэй оказалась не очень удачной.

— Я думал, — ответил Ник, помешивая пальцем уже вторую за сегодня водку «Не-грони», — что, если внушить ей, будто я сам себя похитил, она притормозит публикацию статьи о том, что ФБР занимается мною. И в конце концов завязнет, пытаясь найти доказательства, что это моих рук дело, поскольку я тут решительно ни при чем. Понимаете?

— Любовь молодых вашингтонцев, — фыркнул Бобби Джей. — Какая прелесть!

— Для чудака во Христе ты слишком циничен, Бобби, — сказала Полли.

— Это должно было сработать, — заверил их Ник, — потому что я себя не похищал.

— Ч-ш-ш, — шикнула Полли и сжала его руку.

— Почему мне все время кажется, — спросил Ник, — будто я проповедую перед неверующими?

— Мы тебе верим, — сказала Полли с некоторой, впрочем, натугой.

— А потом этот козел Карлински якобы ненароком сообщил ей, что представляет мои интересы, ну и — вот, полюбуйтесь, — Ник шлепнул ладонью по газете.

— Почему ты считаешь, что это сделал Карлински?

— Потому что он уверяет, будто тут ни при чем. Ты бы поверила адвокату, который добился оправдательного приговора для человека, продававшего радиоактивные отходы под видом средства для снятия с мебели старого лака? И не для него одного — Карлински ухитрился еще

отмазать главу профсоюза водителей грузовиков и того немца, которого поймали на перепродаже подводной лодки Ираку.

— Понятно.

— Я навел о нем справки. Он не пьет, не курит, не путается с женщинами, и с мужчинами тоже. У него одна страсть — самореклама. Известно вам, что всякий раз, как его цитируют в прессе, он выставляет счет мистеру «Садись-и-светись»?

— Да что ты?

— После того как он появился в «Вечерней строкой», его клиент получил счет за получасовую работу, 225 долларов. Плюс оплата лимузина, на котором Карлински прикатил в студию. И это при том, что он в тот раз ни словом о мистере «Садись-и-светись» не обмолвился.

Они там дискутировали на тему «Не слишком ли много у нас адвокатов?».

— Ну что ж, — сказала Полли, — на твоём деле он заработает немалые деньги. Сдается мне, пресса будет частенько тебя поминать.

— По крайности, он толковый адвокат, — сказал Бобби Джей. — И, вероятно, сможет тебя вытащить.

— Мне пока не предъявили никаких обвинений, Бобби.

— Я имел в виду — если предъявят.

— Мы тебе верим, — повторила, снова сжав его руку, Полли.

— Ты не могла бы говорить со мной не столь утешительным тоном? Крыша у меня ещё не поехала.

Ник сокрушенно взгляделся в заголовок «Мун». Первая полоса, хорошо хоть не вверху.

— Она все же процитировала мои слова насчет того, что это Финистер натравил на меня ФБР, — сказал он. Полли зачитала вслух:

— «Лесли Дэч, помощник сенатора Финистера, отверг заявление мистера Нейлора, как «сравнимое по нечистоплотности со слизистым подбрюшьем угря», добавив при этом, что «одиозные инсинуации подобного рода становятся все более типичными для табачного лобби, предпринимающего все более отчаянные попытки вцепиться мертвой хваткой как в легкие, так и в бумажники простых американцев». Я бы сказала, что она отвела Финистера и компании столько же места, сколько тебе.

— Говорил я, что эта бабенка принесет тебе одни неприятности, — напомнил Бобби.

— Спасибо, Бобби, — сказал Ник. — Вот именно сейчас мне это очень поможет. Теперь я смогу продержаться, пока ты не доставишь мне данные, с таким усердием собираемые тобой на стрельбище ФБР.

— От того, что ты нарежешься до изумления, тоже пользы большой не будет.

— Мальчики, мальчики! — сказала Полли.

— Раз уж я не способен курить, так хоть пить буду, — сказал Ник. — Это единственный известный мне способ избежать «кароси».

— Избегнуть чего?

— Так японцы называют смерть от переутомления. Обычный конец их бизнесменов. Эта публика работает по двадцать три часа в сутки, и вот, в один прекрасный день идет себе такой человек часиков в десять вечера по Гиндзе, возвращаясь в свой офис после делового обеда, и вдруг — хлоп! — падает на тротуар и умирает. Только что он был менеджером среднего звена, а миг спустя уже валяется на асфальте лапками вверх, точно дохлый майский жук.

Затренькал сотовый телефон Ника. Звонила Гэзел, и говорила она шепотом:

— Ник, опять фэбээровцы. Они едут к тебе.

— Это каким же образом?

— Ник, мне пришлось сказать им, где ты.

— Почему? Тебя лупили резиновыми дубинками? А, черт! Ладно, свяжись с Кар-лински. Хотя нет, я сам с ним свяжусь.

— А как быть с сегодняшними дебатами?

— С какими дебатами?

— «Здоровое сердце — 2000».

— Позвони Дженнет. Нет, лучше Тайлеру. И скажи ему, что придется отвечать на множество вопросов, связанных со статьей о тромбозе, неделю назад напечатанной в ЖАМА. О тромбозе. Эрхард кое-что нарыл на этот счет. Материалы лежат у меня на столе.

Ник отключил телефон и в один глоток прикончил свою водку

«Негрони».

— Ну-с, не угодно ли вам познакомиться с агентами ФБР?

Агенты Монмани и Олман появились через несколько минут—спешили, стало быть, что не особенно обнадеживало. За ними следовал одетый по всей форме вашингтонский полицейский, что обнадеживало еще меньше. Троица телохранительниц Ника, мгновенно оценив ситуацию, предпочла не связываться с людьми, носящими оружие на куда более законных, чем у них, основаниях.

— Мистер Нейлор, — с обычным его шармом сказал агент Монмани, — будьте любезны встать и отойти к камину.

— С чего бы это? — поинтересовался Ник.

— Эй, погодите минутку, — встряла Полли.

— Мэм! — грозно рявкнул полицейский. Отчаянной храбрости мужик, женщин и тех не боится, особенно миниатюрных.

Так, а это что? Зачем Монмани положил руку на свой револьвер?

— Давайте, мистер Нейлор, встаньте, держите руки так, чтобы я их видел, и отойдите к камину.

Секунду спустя Ник стоял у камина, растопырив руки и глядя вниз, на поддельное пламя, а агент Монмани обыскивал его. Затем на его руках защелкнулись наручники. Как сквозь туман, до него донеслось слово «арестованы» и хорошо знакомая фраза насчет того, что он имеет право хранить молчание и т. д.

— Я хотел бы увидеть какие-нибудь документы, — сказал Бобби Джей.

— Сэр! — грянул полицейский.

— Да-да, вы не слышались.

— Встаньте, сэр!

Вот уже и Бобби Джей стоит, растопыря руки — вернее, крюки, только обыскивает его не агент ФБР, а полицейский.

—Что это? — полицейский обнаружил близ правой лодыжки Бобби нечто интересное. Припухлость. Шум-гам, полицейский вытаскивает револьвер и не без мелодраматичности, как показалось Нику, наставляет его на Бобби Джея.

—Что это? — полицейский обнаружил близ правой лодыжки Бобби нечто интересное. Припухлость. Шум-гам, полицейский вытаскивает револьвер и не без мелодраматичности, как показалось Нику, наставляет его на Бобби Джея.

— Вы арестованы за тайное ношение заряженного пистолета.

— Да бросьте, в этом нет необходимости. Я старший вице-президент Общества по распространению огнестрельного оружия.

— Вы имеете право хранить молчание...

Полицейский тупо пытается защелкнуть наручник на крюке Бобби Джея. Когда Ника с Бобби повели, Полли, выглядевшая так, словно она упадет сейчас в обморок, сказала им вслед:

— Я... я заплачу... по счету.

ФБР АРЕСТОВЫВАЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАБАЧНОЙ ИНДУСТРИИ, ПРЕДЪЯВИВ ЕМУ ОБВИНЕНИЕ В ЗАГОВОРЕ С ЦЕЛЬЮ ПОХИЩЕНИЯ

В одном из виргинских коттеджей обнаружена
коробки никотиновых пластырей
с отпечатками пальцев Ника Нейлора

Вместе с ним арестован
за незаконное ношение пистолета
оружейный лоббист
Хизер Холлуэй, корреспондент «Мун»

—Чего я решительно не понимаю, — сказал Стив Карлински,—так это почему вы раньше не сказали мне об этих упаковках.

Принесенные Полли 10 миллиграммов валиума позволили Нику взирать на мир с несколько большим спокойствием. Вообще-то он предпочел бы пару стопок водки «Не-грони» или даже печеньице с гашишем, но воздержался от соответствующих просьб — как-никак было всего лишь десять утра. Последние восемнадцать часов выдались до крайности неприятными. От пальцев Ника все еще несло какой-то дрянью, выданной ему, чтобы смыть мастику, используемую для снятия отпечатков, да и весь он казался себе затхлым и липким, несмотря даже на чистое белье, рубашку и носки, которые принесла все та же Полли, милая Полли. Всю ночь она просновала между зданием ФБР, куда отвезли Ника агенты Монмани и Олман, и городской тюрьмой, где пришлось заночевать Бобби Джею, успевшему обзавестись там уймой новых друзей, многие из которых разделяли его взгляды на закон о контроле над оружием.

Единственным утешением Нику служила надежда, что личные качества людей, сидящих в федеральной кутузке, быть может, несколько выше тех, коими обладают завсегдатаи муниципальной тюрьмы. Пока ему официально предъявляли обвинение, Полли успела рассказать, что Бобби Джею пришлось всадить свой крюк в чувствительную часть тела одного из его сокамерников, вознамерившегося поинтимничать с ним в уборной. Теперь к обвинению в ношении пистолета грозило прибавиться обвинение в нападении с использованием смертоносного оружия; впрочем, адвокат Бобби не терял оптимизма. Что касается Ника, Карлински убедил судью, что, сколь ни серьезны предъявленные ему обвинения — заговор с целью совершения уголовно наказуемого мошенничества, дача ложных показаний федеральным служащим плюс еще кое-какие мелочи, о которых Карлински сказал, что их просто-напросто «навалили, чтобы добро не пропадало», — вряд ли можно ожидать, что Ник удерет на своем «БМВ» в Канаду. В итоге Ника освободили под залог в 100 000 долларов, который лежащий

в больнице Капитан приказал БР внести. И вот теперь Ник, пытаясь совладать со своими растрепанными чувствами, маялся в кабинете человека, от которого зависело, сядет ли он на срок от десяти до пятнадцати лет или останется на свободе.

— Не сказал что?

И без того близко посаженные глаза Карлински съехались так, что Нику показалось, будто они сию минуту сольются в один большой глаз—такой же, как у тюремного стража на планете Алар.

— Ник, как я смогу помочь вам, если вы мне не помогаете?

— Стив, я не знаю, как мои отпечатки оказались на тех упаковках.

Карлински задумчиво свел перед собой кончики пальцев.

— Давайте еще раз пройдемся по фактам.

— Опять?

— Они обнаружили десять усеянных вашими отпечатками упаковок никотиновых пластырей в каком-то сдаваемом внаем коттедже в Виргинии. Коттедж был снят по телефону неизвестным лицом. У них имеется регистрационная запись двух звонков туда, сделанных из вашего кабинета. Второй приходится на утро того дня, когда вас похитили. Имеется также найденный в вашей квартире клочок бумаги с телефоном коттеджа. Ладно, эту улику любой практикант из моей конторы в два счета отведет как полученную в результате незаконного обыска, а позвонить из вашего кабинета мог кто угодно — придется, правда, доказать, что вас там в то время не было. Но вот упаковки... Упаковки все осложняют. Отпечатки—улика серьезная, очень серьезная. Я предпочел бы скорее опровергать совпадение анализов ДНК, чем отпечатки пальцев. Знаете почему?

Карлински принадлежал к разновидности людей, дожидаящихся, когда вы переспросите: «Почему?»

— Потому что рядовой присяжный округа Колумбия ничего в ДНК не понимает. А когда начинаешь читать ему лекцию о ДНК, ощущает себя школьником, только что завалившим экзамен по биологии. Только говорить нужно медленно, с нарочитой старательностью подбирая слова, чтобы присяжные почувствовали себя окончательными крестинами. Они проникаются ненавистью к тебе и в то же время ощущают свою некомпетентность, а это уже хорошо. Но вот отпечатки пальцев — понять, что тут к чему, способен и последний дурак. С ними все проще, чем с ДНК или, скажем, с такими замечательными штуками, как кровь, моча либо сперма.

— Вы хотите сказать, что вам было бы легче, если б они нашли упаковки никотиновых пластырей, заляпанные моей кровью или спер...

— Ник, что с вами? Постойте, мы же еще не кончили. Куда вы?

— Срочное дело. Мне нужно кое-кого убить.

Ник вылетел из глядящего на Фэррагат-сквер Хилл-билдинг и понесся по И-стрит к Академии в состоянии, которое встречные пешеходы безошибочно опознавали как неудержимую ярость. Единственное, чего он никак не мог для себя решить, это каким способом ему лучше прикончить Дженнет. Первое побуждение состояло в том, чтобы выволочь ее за волосы на свой балкон и спустить с десятого этажа прямиком в фонта. Потом в голову полезли другие способы убийства, не столь театральные, но не мен действенные. Впрочем, строгий научный факт — нимало не родственный тем, которыми манипулировал Эрхард, — гласил, что в минуты, подобные этой, Ник терял четверть своей способности к

трезвому мышлению, и потому, когда первый порыв гнева утих, смену фантазиям насчет того, как он станет, стискивая руками прелестную шейку Дженнет, вслушиваться в ее предсмертную икоту, пришли другие картины: люди в белом выносили его из Академии и отвозили за реку, в больницу Св. Елизаветы, где Джон Хинкли новый его корешок по камере со стегаными стенами, час за часом и день за днем, не закрывая рта, поносил бездарную игру Джоди Фостер в «Молчании ягнят».

Глава 25

На сей раз шедшего по Академии Ника не встречали криками «ура!», как воротившегося с победой героя. Чувство неловкости охватило его. Встречные говорили: «А... Ник» и проходили мимо. Один только Гомес О'Нил, с которым Ник столкнулся у кофейного автомата, поздоровался с ним дружелюбно.

— Как ты, Ник?

— Замечательно, — ответил Ник, домалывая коренные зубы. Гомес положил ему руку на плечо.

— Держись.

Со стаканчиком кофе в руке Ник сквозь поток людей, торопливо отводивших глаз направился к кабинету БР.

— А... Ник... — сказала секретарша БР. — Он занят. У него Дженнет.

Последняя информация явно избыточна, подумал Ник. Он протиснулся в дверь кабинета, смутно надеясь, что застанет БР и Дженнет лупцующими друг дружку хлыстам но нет, они всего-навсего просматривали документы.

— С добрым утром, — поздоровался Ник. БР и Дженнет удивленно уставились на него.

— С тобой все в порядке? — спросил БР.

— Все прекрасно. Оказывается, если не спать всю ночь, доказывая фэбээровцам свою невиновность, к утру получаешь отличный заряд энергии.

— Ты нас не оставишь? — сказал БР, обращаясь к Дженнет.

— Не надо, зачем? — сказал Ник. — Уж от кого мне нечего скрывать, так это Дженнет.

БР откинулся на спинку своего черного кожаного кресла.

— Ну, и что нам, по-твоему, делать дальше?

— Ты о чем?

— О положении, в котором ты оказался.

— А, об этом. Так ты же сам говорил, что лучше Стива Карлински нам никого найти. Потому ты и платишь ему четыреста пятьдесят в час.

— Я имел ввиду ближайшие наши шаги. Полагаю, тебе не нужно рассказывать, что пишут о нас в газетах. Я, хочешь не хочешь, а вынужден думать о добром имени нашей организации. Дженнет считает, что часое разумное в такой ситуации — это уйти в отпуск.

— Если Дженнет хочет в отпуск, я возражения не имею.

— Я, собственно, о твоём отпуске говорил.

— Слишком много дел. Финистер, "Сосед Веселого Роджера", проект "Голливуд". Надо готовиться к решительной схватке, — Ник улыбнулся. — Новые пуритане не дремлют.

— Я не уверен, что в данной ситуации это разумно. Ты стал чем-то

вроде...

—Обузы?

—Во всяком случае, проблемы,—БР взял со стола несколько утренних газет.—Твоя мисс Холлуэй, похоже, спит и видит Пулицеровскую премию. К тому же у нее хорошие источники.

—Не такие хорошие, как у ФБР. Вот у кого источники так источники.

—Нам непрерывно звонят по этому поводу. Очень, очень сердитые люди.

—Да, я представляю, какая каша у них в голове.

—За одно только нынешнее утро в кабинет Дженнет поступило сто восемьдесят семь звонков.

—В кабинет Дженнет?

—Не может же мы переводить касающиеся тебя звонки в твой кабинет.

—Нет-нет. Естественно. Что ж, Дженнет вполне способна с этим справиться. По правде сказать, я что ни день все больше убеждаюсь в ее разностаронности. И все-таки я не уверен, что в отпуск — это хорошая мысль.

—Почему же?

—Да потому,—Ник улыбнулся,—что он будет свидетельствовать о вашей уверенности в моей вине. Каковой вы, разумеется, не испытываете. Так? БР с Дженнет переглянулись.

—Вы же не верите, будто я облепил себя никотиновыми пластырями, чтобы пару сотен раз блевануть и насладиться несколькими сердечными приступами, а после оставить пустые упаковки от пластырей валяться по всему коттеджу, дабы ФБР знало, где их искать, когда ему подскажут? Да еще и позвонил в этот коттедж из собственного кабинета именно в то утро, когда сам себя похител? Да еще и оставил бумажку с телефоном коттеджа валяться в моей квартире? Кто бы поверил, что умник вроде меня окажется таким РАСПРОДОЛБАННЫМ ИДИОТОМ?!

Дженнет испугано дергнулась.

—Извини,—сказал Ник.—Не знаю, что на меня нашло. Как бы там ни было, я верю — мои коллеги, мои фронтовые друзья, братья и сестры по оружию, никогда не поверят, что я способен на подобную глупость. А потону,—весело заключил он,—будем сражаться и доведем дело до Верховного суда.

—Да, но имеется ли у нас стратегия защиты?—спросил БР

—Это уже беда. Уверен. Мы отыщем людей, которые искупали меня в дерьме.

—У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

—Ну,—задумчиво сказал Ник,—скорее всего, это люди, которые меня терпеть не могут. Правда, в моем случае к таковым можно отнести четыре пятых населения США. Двести миллионов человек. Некоторый перебор подозреваемых, не так ли? Все обрадуются, если меня на десять-пятнадцать отдадут истинным арийцам на предмет любовных утех.

—Не думаю, что дело пойдет так далеко,—сказал БР.—Мы наверняка сумеем добиться, чтобы тебя поместили в какое-нибудь место с режимом минимальной строгости.

—О,—сказал Ник,—я бы на это рассчитывать не стал. Карлинский говорит, что таких обозленных представителей обвинения он еще не видал. Для них я — гнусный мерзавец, выдумавший дешевый фокус, чтобы разрекламировать себя, а заодно и рак легких. По его словам, они жаждут крови,—Ник улыбнулся.—Моей.

—Ладно,—сказал БР, придвигаясь к столу и всем своим видом давая понять, что ему прискучил этот веселенький треп о том, как Ник

проведет ближайшие десять лет за решеткой, насилуемый оравой украшенных натаатуированными свастиками мужиков. — Карлински—лучший из адвокатов, да и мы целиком на твоей стороне. И все же я думаю, что в нынешних обстоятельствах тебе лучше уйти в отпуск.

— Почему бы не посоветоваться с Капитаном?

— Я бы не стал его сейчас беспокоить. Вся эта история здорово подшибла старика. Он не очень хорошо себя чувствует.

— Не очень? — переспросил Ник.

— Нет,—с отдаленнейшим подобием улыбки подтвердил БР.—Боюсь, что не очень.

Едва закрыв за собой дверь кабинета БР, Ник помчался в свой собственный и обнаружил, что вход в него перекрыт желтой лентой с надписью: «Место преступления». За лентой бродило несколько спецов из ФБР в комбинезонах с грозным уведомлением «ФБР. Группа обследования места преступления» на спине. Спецы были в резиновых перчатках и, похоже, обшаривали каждый квадратный дюйм кабинета, постепенно превращая его в подобие комнаты, которую Ник когда-то давно занимал в университетском общежитии. Бог их знает, что они надеялись отыскать — может быть, текстовый файл, начинающийся словами: «План моего похищения. Что нужно привезти в коттедж: 10 упаковок никотиновых пластырей, веревку, наручники...»

— Это действительно необходимо? — спросил Ник у одного из спецов, но тот лишь взглянул на него, как на пустое место. Ник отвел Гэзел в сторонку.

— Добудь мне билет на следующий рейс до Уинстон-Сейлема.

— Они же сказали, что тебе нельзя покидать город. Это условие твоего освобождения под залог.

— Гэзел!

— Ты хочешь обратить меня в сообщницу?

— Ну ладно, ладно. Узнай хотя бы, когда ближайший рейс. Это бремя твоя совесть; осилит? Билет я возьму сам.

Он спустился лифтом на И-стрит. У панели притулилось такси, водитель, ближневосточного вида мужчина в короткой черной бороде, стоя у лотка уличного торговца, уплетал пирожок с мясом. Ник помахал ему и забрался на заднее сиденье.

— Аэропорт «Нэшнл». И поскорее.

Последнего он мог бы и не говорить, поскольку все недавно натурализовавшиеся таксисты Вашингтона умеют ездить только на двух скоростях — опасной и смертельно опасной.

Ник глянул в заднее окно и увидел коричневатый «седан» с двумя крепко сколоченными типами в темных очках. Федералы. Перед мысленным взором его мелькнул заголовок:

НЕЙЛОР, НАРУШИВШИЙ УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОД ЗАЛОГ, СНОВА СИДИТ В ТЮРЬМЕ

Водительская лицензия, прилепленная к щитку, сообщала, что водителя зовут Ак-маль Ибрагим.

— Мистер Ибрагим, — спросил Ник, — у вас какие-нибудь неприятности с ФБР?

— С чего вы взяли?

— За вами следят. Вон тот коричневый «седан». В нем сидят агенты ФБР. Я видел, как они наблюдали за вами, когда вы стояли у бордюра. Акмаль нервно глянул в зеркальце заднего вида.

— Я с ФБР никаких дел не имею.

— Похоже, они с вами имеют.

— После взрыва в Центре международной торговли ФБР считает, что все мусульмане плохие. А это неправда. У меня семья в Рестоне.

— Понимаю, — сказал Ник. — Ужасно, когда людей преследуют за их религиозные убеждения. Хотел бы я знать, что им от вас нужно.

— Мне беспокоиться не о чем.

— Попробуйте резко свернуть, не посигналив. Посмотрим, поедут они за вами или нет.

Акмаль, выбрав момент, круто поворотил на Виргиния авеню. «Седан» метнулся следом, едва не врезавшись в машину, принадлежащую, судя по номеру, Госдепартаменту.

— Поехали! — испуганно воскликнул Акмаль.

— М-да. Знаете, я еще видел, как один из них, пока вы ели, что-то засунул вам в багажник.

— Как?!

— Может, это всего лишь подслушивающее устройство, а может, и что похуже, к примеру взрывчатка. Которая позволит арестовать вас как террориста. Я вообще-то журналист, работаю в «Сан». До нас дошли слухи, что ФБР планирует большую облаву на мусульман. Им нужны заложники, чтобы торговаться с Саддамом Хусейном — если мы вдруг надумаем с ним воевать.

— Но у меня же вид на жительство!

— А, ну тогда желаю удачи.

— ФБР то и дело арестовывает не тех, кого надо. Вон в Нью-Йорке похватали людей, будто это они подложили ту бомбу, а они и не подкладывали ничего. Это все израильская тайная полиция старается, чтобы настроить американцев против мусульман.

— Да, я знаю. Ужасно. Я как раз пишу об этом большую статью. Но когда они остановят вас, Акмаль, и найдут то, что сами же подсунули, вам несдобровать. Точно так же они взяли шейха Омара, помните? И сидеть ему теперь в тюрьме аж до двадцать второго столетия.

— Шейх Омар — святой человек.

— Может, они посадят вас с ним. Глядишь, еще и подружитесь.

Ускорение вдавило Ника в спинку сиденья, заставив его усомниться в разумности содеянного. Следующие несколько минут, он слышал лишь рев клаксонов да визг покрышек. Когда он открыл глаза и оглянулся, их отделяло от «седана» уже ярдов пятьдесят. Даже состоящим на государственной службе специально обученным водителям трудненько тягаться с рядовым уроженцем Ближнего Востока.

К моменту, когда они оказались на арлингтонском конце Мемориал-бридж, Акмаль отыграл у федералов еще с десяток ярдов. Затем он без предупреждения произвел чистейший бутлегерский разворот и влез во встречный поток машин, сердито взревевших клаксонами и тормозами. Ника снова вдавило в сиденье.

— Ушли! — торжествуя воскликнул Акмаль.

Опасливо глянув сквозь заднее стекло, Ник увидел фэбээровский «седан», пытающийся набрать скорость на кольцевой развязке у кладбища. Но теперь Акмаль оторвался от него уже на пару сотен

ярдов. Совершив, в нарушение всех правил, несколько захватывающих дух поворотов—на юг к Рок-крик и Индепендент авеню,—Акмаль еще разок крутанул машину на 180 градусов. Снова к Рок-крик, направо к Виргиния авеню, налево к 66-й автостраде, мимо мемориала Иводзима, налево на 50-ю и на юг, по магистрали Джорджа Вашингтона. У аэропорта Ник дал Акмалю пятьдесят долларов чаевых, покинул, соглашаясь с тем, что Аллах действительно велик, и вылетел в Шарлотт, а оттуда в Уинстон-Сейлем. До медицинского центра Боумана—Грея он добрался, когда время, отведенное для посещения кардиологического отделения, уже истекло. Пришлось, не вполне убедительно изображая южный акцент, уверить старшую сестру, что он Доук Бойкин III и что ему позарез нужно повидаться с любимым дедушкой.

— Вы его внук? — с некоторым сомнением спросила старшая сестра.

— Да-а, — сказал Ник голосом Мотылька Маккуина.

Сестра вгляделась в его лицо.

— Я вас где-то видела.

Еще бы не видеть — физиономия Ника то и дело красовалась на первой полосе «Тар-интеллидженсер».

— Говорят, я похож на него как две капли воды. Так что, можно мне его повидать? А то я очень волнуюсь.

— Хорошо, — сказала она. — Но только на десять минут. Он очень слаб.

— Он поправится?

— О, ему просто нравится нас пугать. Поправится. Если будет хорошо себя вести.

Кардиологическое отделение было здесь первоклассное. Табачные деньги — еще один пример того, как табак и прогресс рука об руку идут в будущее. Капитан лежал, подключенный ко множеству самых разных приборов, экраны которых отбрасывали в полутьме холодноватый свет на его лицо, показавшееся Нику бледным и осунувшимся. Ник немного постоял у койки.

— Капитан?

Глаза старика приоткрылись, поморгали.

— Я вам уже говорил, — произнес он, — хватит с меня поросят. Мне нужны человеческие органы, черт бы вас побрал.

— Капитан. Это я, Ник. Старик поднял на него взгляд.

— А, сынок. Присаживайся. Кислороду хочешь глотнуть?

— Я приехал, чтобы все объяснить. Насчет ареста.

— Да, — сказал Капитан и закашлялся. — Объяснения не помешают. БР позвонил мне среди ночи, сказал, что ты в кутузке.

— Спасибо за залог.

— Ничего, не разоримся. Разве что этот еврейский адвокат, которого вы наняли, подсобит. Четыреста пятьдесят в час...

— Возможно, это покажется странным, — сказал Ник, — но, по-моему, произошло следующее...

И, набрав побольше воздуха в грудь, Ник выложил все, что знал: БР хотел уволить его, заменить своей обжигалкой, Дженнет, однако выступление Ника в шоу Опры сделало его любимчиком Капитана, отчего БР только озверел. Угроза, прозвучавшая в шоу Лэрри Кинга, вероятно, навела БР на мысль убить сразу двух зайцев: устранить Ника и, обратив его в мученика, пробудить сочувствие к табачникам. Работая в торговле автоматами, БР имел дело с мафией, видимо, у него

сохранились связи, позволившие ему найти профессиональных убийц. Однако, судя по плакатику «Казнен за преступления против человечности», похитители лопухнулись, выбросив Ника на Эспланаду еще живым. Тог-да БР и Дженнет надумали взвалить вину за похищение на него. Дженнет влезла к нему постель, получила отпечатки его пальцев на упаковках «презервативов» и вместе с другими компрометирующими уликами подбросила их в виргинский коттедж. Нику, позоренному, предстояло сесть в тюрьму, подтвердив подозрения БР и сделав из него едва ли не героя. А расхлебывать все это пришлось бы табачной индустрии...

Ник умолк. Капитан, все это время насупившись глядевший на него, тяжело вздохнул и сказал:

— Напоминает рассказы людей, которые в тот день в Далласе насчитали на Травянном холме целых пять человек с винтовками.

— Я знаю, — сказал Ник, — скорее всего, и у суда сложится такое же впечатление,

— С другой стороны, — сказал Капитан, приподнимаясь в постели, — как ни нелепо звучит твой рассказ, кое-какие его подробности определенно отзываются у меня болью в печени.

Он вздохнул:

— БР уже через неделю после похищения говорил мне, что ему кажется, будто там не обошлось без твоего участия.

— Вот как? — откликнулся Ник.

— А от моего человека у вас я знаю, что он и эта блондиночка, Джемель...

— Дженнет.

— ...перепихиваются в рабочее время. Все это укладывается в твою теорию заговора. БР ничего не стоит съесть человека заживо. Знаешь, он хотел во всеуслышание объявить, что твой дружок Лорн Латч принял от нас деньги.

— Зачем?

— Чтобы Лорн выглядел публичной девкой и чтобы не было никакого ранчо «Кан-церозо». При этом БР вообще не хотел давать ему ни цента. Был у нас один разговор, когда он сказал: «Есть и другие способы уgomонить людей вроде него». Интересно, что он имел в виду? Знаешь, когда я его взял из Ассоциации торговли автоматами, мы были по уши в исках о возмещении убытков, и я сказал, что буду платить ему наградные за каждый из них, какой удастся не довести до суда. Так вот, три самых крупных до суда не дошли, потому что, ну, ты помнишь, истцы померли из-за курения в постели. И БР заставил меня заплатить за каждый из этих несчастных случаев. Сказал, что уговор есть уговор. Обошлось мне это недешево, хоть и много дешевле, чем проигрыш в суде.

— Капитан, — сказал Ник, — по-моему, тут очень и очень нечисто.

— Ну, ты же не думаешь, что он... да нет. Вот в том, что его зависть брала из-за моего к тебе отношения, я не сомневаюсь. Но хотя ребята из торговли автоматами и вправду вынуждены отираться среди очень серьезных личностей, я все же не думаю... Боже милостивый, неужто такое возможно?

Голова Капитана утонула в подушке. Он прикрыл ладонью глаза.

— Надо будет попросить моего человека заняться этим.

— Вашего человека? Кто он?

— Нет, этого я тебе не скажу — пока. Капитан снял ладонь с глаз.

— Так вот, Ник, если чудеса, о которых ты мне рассказал, окажутся правдой, чем это обернется для табачной индустрии, тебе, наверное, можно не объяснять.

— В общем, нет, но..

— Конечно, сейчас главное не это. Если предположить, что с тобой действительно обошлись так гнусно, мы должны будем возместить тебе ущерб. Но позволь, я тебе нарисую картинку — гипотетическую. Предположим, только предположим, мы установили, что ты прав, в чем я почти не сомневаюсь, предположим, что я прогнал эту несчастную сволочь, БР, вместе с его цыпочкой Джемель — прогнал, не подымая шума, но так, что он будет рыдать от счастья, если сумеет получить работу продавца лотерейных билетов где-нибудь на Гуаме. И предположим, что ты признал себя виновным по предъявленным тебе обвинениям.

— Виновным?

— Не горячись. Виновным, но со смягчающими вину обстоятельствами. То есть виновным в грехе молодости и опрометчивости, присущем многим из тех, кто работает в Вашингтоне. Черт возьми, ты уже приобрел репутацию опрометчивого человека, когда объявил, что президент подавился и помер. За четыреста пятьдесят в час Карлински вполне способен добиться для тебя недолгой отсидки в какой-нибудь тюрьме для избранных, где заключенные бунтуют, только когда их соq au vin передерживают в духовке, а вино им подносят недостаточ но охлажденное...

— Но...

— Нет, ты послушай дальше. Мы тихо-мирно открываем для тебя на Каймановых островах небольшой банковский счет, скажем... миллионов на пять. Хотя, какого черта, на десять. Даже с учетом инфляции и налогов десять миллионов, сынок, — это деньги немалые. Тебе не придется работать до конца твоих дней. Ты же любишь рыбачить, так? Ну вот, купишь где-нибудь небольшой островок и лови себе рыбку, а смуглые женщины, отродясь не носившие никакой одежды, будут потчевать тебя манго. По-моему, звучит неплохо, а? А захочешь поработать на нас, пожалуйста, я поставлю тебя во главе нашего Гонконгского представительства. Станешь заправлять всем табачным бизнесом на Даль-нем Востоке. Будущее-то все равно за ним. Азиатов там пруд пруди, работа спокойная... Ник задумался.

— Что касается изгнания БР и Дженнет, мне понравилось. А вот остальное — не уверен.

— Послушай, давай двигаться не торопясь. Начнем с БР, а там посмотрим, может, тебе и придется по сердцу мысль пораньше уйти на покой.

— Я...

— Ты сейчас не в той форме, чтобы принять правильное решение. Тебя заездили. Посмотреть на тебя, так ты уже целую неделю не спал. Круги вон темные под глазами. Ты хороший табачник, Ник. — Голос Капитана звучал все тише.

— Хорошо, — сказал Ник. — Не торопясь так не торопясь.

— Ну вот, я знал, что ты человек разумный. Понял это, как только увидел тебя тогда, в клубе. Помнишь? Как бы мне хотелось сейчас хлебнуть их джулепа. Вошла, храня на лице суровое выражение, старшая

сестра.

— Мы еще поговорим, — сказал Ник. — А сейчас вам надо отдохнуть.

— Если в следующий раз я буду хрюкать, — сказал Капитан, — знай, они меня снова надули.

Ник повернулся к двери. И услышал, как Капитан сказал ему в спину:

— Табак сам о себе заботится.

Глава 26

На следующее утро, когда Ник, насвистывая «C'est fumee, c'est fiimee!», приводил в порядок свой кабинет после учиненного ФБР погрома, Гэзел просунула голову в дверь и уже привычным параноидальным шепотом сообщила: «ФБР!»

— Введите, — сказал Ник.

Разумеется, это были агенты Монмани и Олман. Оба, похоже, явно полагали, что теперь, когда они приперли Ника к стене, можно обойтись без обычных учтивых приветствий.

— Вы вчера уезжали из города? — пролаял Монмани.

— Как можно? — не прерывая уборки, ответил Ник. — Чтобы я да нарушил условия освобождения под залог.

— Вы сели в машину прямо у этого здания. Водитель явно старался оторваться от слежки, нарушал правила движения. За что и был задержан. И допрошен.

— Так вы, значит, снова взялись за мусульман? Агент Монмани стиснул кулаки.

— Он показал, что вы уверили его, будто мы что-то подсунули к нему в багажник.

— Ну, вы, наверное, заметили, что у него нелады с английским.

Видимо, он неправильно меня понял. Я лишь спросил, засовывали ли когда-нибудь в багажник его самого.

— А вы нынче веселы, Ник, — сказал агент Олман.

— Что да, то да, — ухмыльнулся Ник, — знаете, как-то вдруг отлегло от души.

— Вы купили билет до Уинстон-Сейлема в Северной Каролине.

— Неужто?

— Хотите добавить к списку обвинений лжесвидетельство? Вы воспользовались дорожным чеком. У нас есть квитанция. А в Уинстон-Сейлеме вы остановились в мотеле «Восьмерка». Вот квитанция.

— А, вон оно что!

— Что?

— Да я вчера бумажник где-то посеял. Видимо, некто воспользовался моей кредитной карточкой, чтобы слетать в Уинстон-Сейлем. Станный, должен сказать, выбор. Я бы поехал в какое-нибудь место повеселее. Я только сегодня обнаружил пропажу и сразу же позвонил в стол находок,

— Ник улыбнулся. — Можете проверить.

— Ловко, Ник. Кстати, все, что вы нам рассказали, непременно будет использовано против вас.

— Так я, что же, опять арестован?

— Нет, — сказал агент Монмани. — Пока нет.

— Знаете, — сказал Ник, — я понимаю, какие чувства вы ко мне питаете. Но хотите верьте, хотите нет, я себя не похищал. Вам еще

предстоит убедиться в этом. И когда вы в этом убедитесь, давайте выпьем все вместе и скажем: ну и херней же мы занимались! Агенты скептически уставились на него.

— Вы, похоже, ждете хороших вестей?

— О да, — согласился Ник. — Очень.

— Они как-то связаны с вашей поездкой в Уинстон-Сейлем?

— Разве я что-нибудь о ней говорил?

— Ладно, пошли отсюда, — сказал агент Олман.

— Послушайте, — сказал Ник, — отпустили бы вы Акмаля. Не его вина, что он так перетрухал. Уж больно круто вы, братцы, обходитесь с бедными мусульманами.

— Пошли, — сказал агент Монмани.

— Спасибо, что заглянули, — сказал Ник.

— Сволочь, — откликнулся, выходя, агент Монмани.

Визит «неприкасаемых» вкупе с решением не принимать предложенную Капитаном плату за молчание привел к тому, что настроение Ника стало подниматься как на дрожжах. Он уже не мог заставить себя дожидаться, когда Капитан сделает следующий ход. Он направился к кабинету БР и, не обращая внимания на протесты секретарши, распахнул дверь. БР совещался с Дженнет.

— Ага, — сказал Ник, — усилия объединяете. Для этого мы все здесь и собрались, верно?

БР нахмурился.

— Что тебе нужно, Ник? Тебя вообще здесь быть не должно.

— Да я тут вроде как работаю.

— Ты в отпуске. С сегодняшнего дня.

— О нет, — Ник улыбнулся. — Не думаю. Вот тебе, сдастся, предстоит скоро уйти в отпуск, и надолго. Как и твоей Мата Хари. Не забудь прихватить резиновые перчатки, Дженнет.

— Ты ничего не сможешь дока...

БР шикнул на нее и жестами показал, что Ник, возможно, записывает их разговор. Прделано все было так сноровисто, что Нику осталось лишь гадать, в который по счету раз БР прибегает к этой пантомиме.

Ник погрозил Дженнет пальцем.

— «О-о-ох, Ник, о-о-ох! Вот, возьми, это презервативы. Самого большого размера...» То-то будет смеху в зале суда. А ты, мой чудесный, заботливый босс, ты не мог бы мне кое-что объяснить? Никак не пойму, почему нанятые тобой похитители оставили меня в живых? Может, просто напортачили? Я прав?

БР молча смотрел на него.

— И потому тебе с твоей пожирательницей мужчин пришлось разработать план «Презервативы в упаковках от пластырей»? Задумано было неплохо.

— Ник, — исполненным терпения тоном произнес БР, — ты столько всего пережил. Мне кажется, тебе следует обратиться к врачу.

— Да, — согласился Ник, — я много чего пережил. И все из-за вас, СУКИ ВЫ ПОДЗАБОРНЫЕ!!!

БР и Дженнет испуганно дернулись.

— Прошу прощения, — сказал Ник, — Это у меня от переживаний. Ну ладно, до встречи в тюрьме.

Захлопывая за собой дверь, Ник испытывал еще больший душевный подъем. У себя в кабинете он увидел Гэзел, с пришибленным видом сидевшую за столом.

— Не горюй, — сказал Ник. — Наша берет.

— Ты еще не слышал?

— Что именно?

— Капитан умер сегодня утром.

— Чего я решительно не понимаю, — сказал Карлински, — так это почему вы мне раньше этого не рассказали.

— Раньше я этого не знал. И не могли бы вы не прибегать больше к этому обороту? Очень действует на нервы.

— Стало быть, вы считаете, что похищение организовал БР. Успехом оно не увенчалось. Тогда они с Дженнет подставили вас, раздобыв ваши отпечатки на коробочках, которые вы приняли в темноте за упаковки презервативов, между тем как в действительности это были упаковки от никотиновых пластырей.

— Именно так.

— Но доказательств у вас нет.

— Нет, — сказал Ник, — я не записываю на видео то, что происходит в моей спальне.

— И в ночь перед смертью мистера Бойкина вы поделились с ним своими соображениями.

— Да. Он собирался уволить БР и Дженнет, а после...

— Прошу вас, ничего не утаивайте. Это вам лишь повредит.

— Но он же умер. Какой смысл говорить теперь, что он собирался сделать?

— Смысл есть во всем.

— Он попросил меня подумать о том, чтобы принять вину на себя и тем самым избавить индустрию от позора. Предложил очень щедрую компенсацию. Я решил не делать этого, драться до конца. Но тут он умер.

— Ваш разговор записывался?

— Нет.

— Очень жаль. В качестве доказательства суд этой записи, конечно, не принял бы, но мы могли бы передать ее прессе. Поднялся бы шум, сильно затрудняющий подбор присяжных. В итоге мы получили бы тех, что поглупее. Вы, наверное, уже поняли, что я предпочитаю глупых присяжных. Чем глупее, тем лучше. Так, теперь относительно предположения мистера Бойкина о причастности БР к кончинам людей, судившихся с табачной индустрией. Вот это уже пахнет большими неприятностями.

— Правильно.

— С другой стороны, доказательств опять-таки никаких.

— Значит, нам придется расследовать обстоятельства их смерти, — сказал Ник. — Дадим информацию прессе, начнем шарить по кустам, рыться в каждом дупле. Что-нибудь да обнаружится. Весело будет. Ник возбужденно потер руки.

— Возможно. Но прежде чем тыкать обвиняющим перстом в больших людей, необходимо продумать возможные последствия. Это очень рискованная стратегия. Потому что, если мы ничего не найдем, а просто будем плясать на могилах, крича о заговорах, в которые Оливер Стоун и тот не поверит, мы кончим тем, что до смерти обозлим всех и вся, и особенно судью, и вы получите срок даже больше максимального. Когда дойдет до вынесения приговора, судья может решить, что вам следует отсиживать по каждому пункту обвинения отдельно, а не одновременно

по всем. Кроме того, он может отправить вас в тюрьму особо строгого режима. Не уверен, что вам в ней понравится. Но, разумеется, решение за вами. Лично я люблю хорошую грызню в зале суда. Однако на кону стоит, так сказать, ваша задница, а не моя.

Ник еще размышлял о сказанном, явственно слыша, как за ним захлопываются, одна за другой, стальные двери, когда из динамика донесся голос секретарши Стива Карлински.

— Звонит мистер Рорабачер из Академии табачных исследований.

Говорит, очень срочно. Я сказала, что вы заняты с клиентом.

— Пожалуй, стоит послушать, — сказал Нику Карлински и снял трубку.

— Да. Да. Да, здесь. Понимаю. Он уже знает? Понятно, — Карлински взглянул на Ника и приподнял дугою брови. — Да. Все? Ну, в общем, да. Справимся. Разумеется. У нас крупная фирма. Понятно. Я переговорю с партнерами и в конце дня дам вам ответ.

Карлински положил трубку. Откашлялся.

— Боюсь, ситуация несколько усложнилась. Мне сообщили, что вы больше не работаете в Академии табачных исследований.

Обычное дело в Вашингтоне — о том, что тебя уволили, ты узнаешь со стороны. Как правило, из новостей Си-эн-эн или от репортера, который звонит в надежде услышать подтверждение, что, пока тебя носило в химчистку, на дверях твоего кабинета поменяли замки. Ник не удивился, тем более что он уже получил от БР выдержанный в ледяных тонах меморандум, извещавший о нежелательности его присутствия на похоронах Капитана.

— Да и черт с ним. Мы его еще прижмем. Карлински выпятил губы и собрал чело в складки.

— Это может оказаться весьма затруднительным.

— Я знаю, вы стоите дорого. Но я уверен, мы сумеем что-нибудь придумать. Будете, пока я жив, получать часть моих заработков.

— Дело не в этом. Дело в столкновении интересов.

— Это каких же?

— Я не вправе защищать одного клиента, действуя во вред другому.

— Да какому «другому»?

— Наша фирма только что получила предложение стать юрисконсультom Академии табачных исследований.

— «Только что» означает «минуто назад»?

— Да. Такой клиент, как Академия, позволил бы значительно расширить нашу практику. Одни иски курильщиков чего стоят. Хотя зачем мне вам-то об этом рассказывать?

— Да уж, — сказал Ник, — мне рассказывать не надо.

— Если бы решение зависело только от меня, это было бы одно дело. Но я скован фидуциарными обязательствами и должен сообщить об этом предложении моим партнерам. Впрочем, как знать? Может быть, они ответят отказом.

— Чего я решительно не понимаю, — сказал Ник, — так это почему вы не сказали мне раньше, что вы такое говно?

— Я думал, вы в курсе, — ответил Карлински.

Ник вышел из лифта в приемную Академии. Его поджидал Карлтон.

— Ники, — покраснев, сказал Карлтон, — можно тебя на два слова?

— Конечно, — ответил Ник. — Давай поговорим в моем кабинете.

— Я... я, собственно, об этом и хотел, — промямлил, почему-то шепотом, Карлтон. — БР сказал... а, черт! Ники, я чувствую себя

последним дерьмом...

— Мне кажется, Карлтон, в последние дни мы все себя именно так и чувствуем.

— Точно. Хочешь, я привезу твои вещи прямо к тебе на квартиру — или?..

— Это будет неплохо. Могу я попрощаться с сотрудниками? Или у нас теперь сталинский режим и мне надлежит сгинуть бесследно? Карлтон покраснел еще гуще.

— Моя бы воля...

Мимо них, цокая каблучками, прошествовала Дженнет, чрезвычайно элегантная в новом замшевом костюме.

— Ник! — она улыбнулась. — Уже уходишь? И перевела взгляд на Карлтона:

— Я же тебе сказала, мне нужны бюджетные показатели, и поскорее.

Дженнет развернулась и удалилась в сторону кабинета БР.

— Наш новый исполнительный вице-президент, — сказал Карлтон. — Вот же гребенный геморрой, а?

ТАБАЧНОЕ ЛОББИ ИЗГОНЯЕТ НИКА НЕЙЛОРА

Рорабачер заявил, что он «шокирован» доказательствами, предъявленными ФБР

Хизер Холлуэй, корреспондент «Мун»

«Торговцы смертью» встречались теперь не у Берта, а в темном углу расположенного в виргинском пригороде ресторанчика «Сербский князь». Они решили, что так будет безопаснее — число желающих посещать сербские рестораны в последнее время изрядно сократилось. По правде сказать, тут было так пусто, что оставалось только гадать, каким образом ресторан все еще ухитряется держаться на плаву. Бобби Джей заявил, что он наверняка является крышей сербских торговцев оружием. Как бы там ни было, для «Торговцев смертью» это было самое подходящее место, и по двум причинам. Во-первых, журналисты вряд ли стали бы искать их здесь. Во-вторых, то же самое можно было сказать и о мусульманах. ФБР, желая отомстить Нику за его бегство в такси, похоже, убедило Акмаля, что Ник не кто иной, как агент-provokator, работающий на израильтян, и сообщило ему телефон и адрес Ника, девичью фамилию его матери, в общем, все. Теперь та небольшая часть магнитной ленты автоответчика Ника, которая оставалась незанятой звонками репортеров, заполнялась оскорблениями и угрозами неведомых личностей, говоривших с разнообразными ближневосточными акцентами. — Они аннулировали мою медицинскую страховку, — сказал Ник в чашку черного кофе. — Известно ли вам, как трудно получить медицинскую страховку человеку, последним местом работы которого была Академия табачных исследований?

— На что тебе медицинская страховка, если ты будешь сидеть в федеральной тюрьме? — спросила Полли. Полли, тоже скрывавшаяся от репортеров, ходила теперь в элегантном платье, темных очках и платочке. Этакая помесь Жаклин О. с Россией-матушкой. В ресторане было темно, и Полли, очков так и не снявшая, то и дело сшибала что-нибудь со стола.

— Действительно, — сказал, помешивая крючком кофе, Бобби Джей. — В тюрьмах свои врачи. Естественно, очень опытные, все до одного из

медицинских школ «Лиги плюща».

— А другой темы для разговора у нас не найдется? — хмуро поинтересовался Ник.

— Ну брось, я уверена, до этого не дойдет, — сказала Полли, погладив его по руке.

— Вот и все остальные говорят примерно то же. Мне-де может еще повезти, и я проведу ближайшие десять лет на переделанной под тюрьму военной базе в пустыне. Очень утешительная мысль.

— Все лучше, чем «Лортон», — всхрипнул Бобби Джей.

«Лортоном» называлась тюрьма в Виргинии, в которую из округа Колумбия сплавляли излишки закоренелых рецидивистов. Репутация у нее была весьма скверная — особенно туго приходилось там белым.

— Да никто тебя в «Лортон» не пошлет, — сказал Ник, раздраженный попыткой Бобби сравняться с ним. — Ты ветеран Вьетнама, инвалид, это твой первый срок. Получишь шесть месяцев условно. Так что, ради бога, не надо пересказывать мне своими словами «Балладу Редингской тюрьмы».

— Да? А почему же мои адвокаты твердят, что у обвинения руки чешутся упрятать меня за решетку? Во-первых, я белый, во-вторых, работаю на самое ненавидимое лобби Америки...

— Ах, неужели? Оружейное лобби — самое ненавидимое в Америке? Мне что же, каждый день напоминать тебе, что я несу личную ответственность за гибель более полумиллиона людей в год, между тем как на твоей совести от силы тридцать тысяч...

— О господи, — вздохнула Полли.

— Простите, — сказал Ник. — Я нынче не в своей тарелке.

— Странно, с чего бы это? — откликнулась Полли.

— Завтра похороны Капитана. Мне совершенно ясно дали понять, что мое присутствие на них нежелательно. И угадайте, кто будет произносить надгробное слово? — Ник покачал головой. — БР.

Ощущая, как под накладным носом и фальшивой бородой скапливается пот, Ник думал о том, что Капитан правильно поступил, завещав похоронить себя в Ревущем ущелье. Все-таки здесь не такая адская жара, как в Уинстон-Сейлеме. В битком набитой баптистской церкви было не продохнуть. Резиновый нос Ника грозил в любую минуту отвалиться. Сидевшая рядом с ним тощая старуха уже начала странно на него поглядывать.

В задних рядах теснились репортеры, кое-кто даже из национальной прессы. Кончина Капитана в самый разгар связанного с похищением скандала истолковывалась как «конец эпохи». «ЧТО ТЕБЯ ЖДЕТ, ТАБАК?» БР только что взгромоздился на кафедру.

— Доук Бойкин, — начал он, — вошел в мир табака как гигант. Да он и был гигантом. Он был человеком, готовым отдать ближнему последнюю рубашку. Он был, если говорить правду, солью земли.

Боже ты мой, кто состряпал для него эти помои? (Дженнет.) Мало того что последние годы Капитана были омрачены клеветой, мало того что в сердце ему вшили кусок свинины, так еще и над прахом его словоблудствует Иуда, питающий сердечное пристрастие к штампам.

Капитан, пусть он и был массовым убийцей, все же заслуживал лучшего. — Он был человеком, верившим в Конституцию Соединенных Штатов, особенно в ту ее часть, где говорится о неотъемлемом праве людей на стремление к счастью. Вообще-то, об этом говорится в Декларации

независимости, ну да ладно...

— Я думаю, все, кто собрался здесь, согласятся со мною, что в наши дни требуется немалая отвага, чтобы противостоять политической корректности и ханжеству, противостоять тем, кто норовит уничтожить совершенно законный продукт, производимый Америкой.

Молодец, и себя похвалил, даже не без ловкости. Одобрительный гомон.

—И Капитан обладал этой отвагой в высшей степени. Я знаю также — многие из вас согласятся с тем, что недавние события, разыгравшиеся на нашем с вами заднем дворе, глубоко опечалили бы Капитана. Если и есть нечто, способное послужить нам утешением перед лицом его безвременной кончины, так это то, что ему не придется сносить огнеприцы и стрелы злой судьбы, обрушенные на наш с вами дом его запутавшимся, чрезмерно честолюбивым и, возможно, душевнобольным протеже.

На передних скамьях восседал табачный истеблишмент в полном составе, главы Большой Шестерки, ставшие теперь, когда БР завершил свое восхождение из мира торговых автоматов, равными ему по положению. Вот он и норовит отгородиться от Ника высоким забором, изобразив его сотворенным Капитаном чудищем на манер Франкенштейна.

— Ч-ш-ш! Ч-ш-ш!

Старуха, сидевшая рядом, прошипела:

— Вы не могли бы не бормотать? И что происходит с вашим носом? Капитан был кремирован — отважный выбор, думал Ник, особенно для табачника: пресса еще повеселится на этот счет. Пепел его предстояло развеять над озером, с которого он так часто звонил Нику по сотовому, тратя на эти звонки немалые тыщи.

На берегу озера собралась изрядная толпа, но Нику, благодаря его росту, все было видно и из задних рядов. Семья Капитана стояла на деревянном причале: жена, Мэйлин, и семь дочерей — Энди, Томми, Бобби, Крис, Донни, Скотти и Дейв, все в шляпах, все с кружевными платочками у глаз. Пепел Капитана помещался-в большой серебряной шкатулке, изображавшей сигаретную пачку, — хороший штрих.

На берегу озера собралась изрядная толпа, но Нику, благодаря его росту, все было видно и из задних рядов. Семья Капитана стояла на деревянном причале: жена, Мэйлин, и семь дочерей — Энди, Томми, Бобби, Крис, Донни, Скотти и Дейв, все в шляпах, все с кружевными платочками у глаз. Пепел Капитана помещался-в большой серебряной шкатулке, изображавшей сигаретную пачку, — хороший штрих.

— Аминь, — подтвердила толпа.

— Теперь же, — продолжал священник, — мы предадим пепел глубинам...

Стоявший рядом с Ником мужчина сказал, обращаясь к жене:

— Здесь и глубины-то всего фута четыре.

— Тихо ты, — сказала жена.

— ...в коих будет лежать он в надежде на воскрешение вечное...

Пока священник говорил, сигаретная шкатулка с пеплом Капитана переходила из рук одной его дочери в руки другой. Каждая, зачерпнув чайную ложку папиного праха, опрокидывала ее над озером и передавала следующей по порядку. Все это выглядело очень трогательно.

Чья-то рука цепко взяла Ника за бицепс. Он обернулся и увидел помощника шерифа, молодого, мясистого, с выглядывающей из кобуры рукояткой здорового полуавтоматического пистолета. За спиной его маячила, тыча в Ника пальцем, все та же тощая старуха.

— Вы Ник Нейлор?

— Э-э...

— Сэр, мы получили из ФБР просьбу задержать вас. Будьте добры, пройдите со мной. — И он потянул Ника за руку.

Вот я и влип, подумал Ник. «ОПАЛЬНЫЙ ПРОТЕЖЕ АРЕСТОВАН НА ПОХОРОНАХ

СВОЕГО БЛАГОДЕТЕЛЯ. К СПИСКУ ОБВИНЕНИЙ ДОБАВЛЕНО НОВОЕ: НАРУШЕНИЕ

УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОД ЗАЛОГ».

Он тащился за полицейским, предвкушая ставший привычным стальной щелчок наручников на запястьях.

Внезапно рядом возник еще один человек.

— Офицер, — произнес он начальственным тоном и помахал бляхой. — Я из управления ФБР в Роли. Хорошая работа, помощник. Дальше я его повезу.

Помощник шерифа разулыбался и выпустил руку Ника, передав его в лапы Гомеса О'Нила.

Глава 27

Гомес произвел все положенные в таких случаях манипуляции, вплоть до надевания наручников, чего, по мнению Ника, на глазах у всех скорбящих можно было и не делать. Он даже положил Нику ладонь на затылок, когда заталкивал его на заднее сиденье машины, совсем как настоящий коп.

— Я так и думал, что ты выкинешь глупость и появишься на похоронах, — сказал Гомес, — вот и прихватил с собой бляху из моей коллекции.

Чего это ради ты вторично нарушил правила освобождения под залог?

— Да вот, понимаешь, полюбил я Северную Каролину. Наручники-то, может, снимешь? Ты слишком туго их затянул. Кровь не проходит.

— Это я еще подумаю, снимать их или оставить.

Станный все-таки у Гомеса юмор.

Около часа они, почти не переговариваясь, ехали в направлении, противоположном Роли, затем повернули на проселки и в конце концов остановились у придорожной забегаловки под названием «Лужа». Меню здесь исчерпывалось жареной зубаткой и чаем со льдом. Зубатку подавали на обрывке газеты, а чай — в стеклянных банках с притертой крышкой.

— Капитан говорил мне, что у него есть в Академии свой человек, — сказал Ник. — Я так и думал, что это ты. — Наш новый председатель, — последнее слово Гомес, вытиравший о газету жирные пальцы, произнес с отвращением, — похоже, тоже успел додуматься до этого. А может, и с самого начала знал. Потому, вероятно, у нас с ним и испортились отношения.

— Я виделся с Капитаном в его последний вечер.

— Знаю. Он позвонил мне утром, в 11.45. А умер в 12.05. Я еще сказал ему, что голос у него больной, — Гомес отхлебнул чаю и погремел льдом в банке. — Он просил присмотреть за тобой, если что случится. Вот оно и случилось.

Ник склонился к нему над газетой.

— Он ничего не говорил тебе о БР и скончавшихся истцах? Гомес отвел

взгляд к окну.

— А тут неплохо, — взгляд вернулся к лицу Ника. — Ты мне нравишься, малыш. У тебя есть сердце. Но если ты когда-нибудь, кому-нибудь — адвокату, прокурору, судье, твоим приятелям «Торговцам смертью», даже сыну — скажешь, что услышал об этом от меня, тогда уже у нас с тобой испортятся отношения, что бы я там ни пообещал Капитану. Так что, будем петь по одним нотам?

— Договорились, — сказал Ник.

— Ладно, тогда давай посмотрим, что у нас есть. После того как умерла, задохнувшись в дыму, миссис Каппозалло, третья, если помнишь, из упокоившихся раковых больных, которые с нами судились, мне начало казаться, что все эти смерти скроены на один манер. И я провел частное расследование. Не спрашивай, как и с чьей помощью. Важно одно: БР, как я выяснил, воспользовался своими связями времен автоматической торговли и сколотил небольшую ударную группу.

— Группу?

— Этакий отряд целевого назначения, занимавшийся нашими истцами.

— Что-то вроде эскадрона смерти?

— Капитан, видишь ли, пообещал ему награду, четверть миллиона, за каждое дело, которое не дойдет до суда. Разумеется, он не думал, что БР станет убивать этих людей. Он просто давал ему финансовый стимул, чтобы БР как следует надел на адвокатов, работавших по делам, о которых вся табачная индустрия уже слышать спокойно не могла. Так вот, БР, получивший воспитание в мире торговых автоматов — а там о маркизе Куинс-берри и слухом не слыхивали, — решил управиться с истцами на свой манер. Никто даже ахнуть не успел, как они начали один за другим погибать от удушья, засыпая и роняя сигареты в постель, — Гомес пожал плечами. — Надо отдать ему должное. Во всем этом есть своего рода высшая справедливость. Да и работы всего ничего. Пробрался в спальню, бросил на подушку зажженную сигарету, и дело с концом.

— Мы сможем это доказать?

— А чего тут доказывать? Истцы мертвы. Капитан мертв. БР на седьмом небе от счастья. А ты — мелкая служивая сошка, которую ждут от десяти до пятнадцати лет за дурацкий рекламный трюк. Кто тебе поверит? — Гомес хмыкнул. — Ты же тот самый малый, который объявил на весь мир, будто наш президент умер.

— Спасибо, что напомнил. Я уж было начал об этом забывать.

— Пошевели извилинами, малыш. Люди, которые все это провернули, никуда не делись, они по-прежнему тут, рядом. И дело свое знают.

Конечно, с тобой они малость промазали, но с тремя истцами у них все прошло как по маслу. Если ты пойдешь в ФБР и расскажешь эту историю, произойдут две вещи. Сначала фэбээровцы надорвут бока от хохота. А потом ты окочуришься во сне от удушья.

— Так что же мы в итоге имеем?

— Я в порядке. Ты — по уши в дерьме.

— Звучит обнадеживающе.

— Да уж, — хмыкнул Гомес. — Кое-что я все-таки могу тебе дать. Имя и адрес. Я знаю, оба они изменили внешность, когда тебя похищали, но одного ты признаешь. В свободное от убийств время он играет.

— На беггах?

— В театре. Актер. Думаю, не из лучших, иначе не стал бы

зарабатывать на жизнь убийствами. Любительские постановки, водевильчики и прочая хрень в этом роде.

— Питер Лорри, — сказал Ник.

— Он самый.

— Так меня похитил, пытал и едва не убил паршивый актеришка?

— Паршивый актер, но хороший убийца. До того как прикончить трех истцов, он... ладно, это тебе знать не обязательно. Но запомни, что я тебе сейчас скажу. Когда займешься им, действуй поаккуратнее.

— Займусь? Чем это я займусь?

— Тебе решать, — Гомес выпрямился, выковыривая из зубов застрявший кусочек рыбы.

— Я же всего-навсего мелкая служивая сошка. Что я могу, по-твоему, сделать — вызвать его к Донахью на дебаты о том, как нехорошо быть наемным убийцей? «В следующем нашем шоу вы увидите убийцу и человека, который ушел от него живым», так, что ли?

— Нет, не так, — загадочно улыбаясь, ответил Гомес. — Насколько я тебя знаю, ты способен придумать что-нибудь поумнее.

Он пододвинул к Нику листок бумаги с отпечатанными именем и адресом.

— Запомнить сможешь?

— Да.

— Тогда запоминай, — Гомес взял листок и, держа его над банкой, поджег. Пепел осыпался на остатки льда. — Это тебе пригодится.

«Команда Б».

— «Команда Б»? Группа советников президента по вопросам разведки?

Гомес кивнул.

— Соображаешь. То-то мне все мерещилось нечто знакомое. БР, скорее всего, оттуда название и позаимствовал.

— Но что это за «Команда Б»?

— Кодовое имя того самого небольшого отряда для выполнения специальных заданий. Однако есть и «Команда А», о ней тоже забывать не след.

— А это кто?

— Пораскинь умом, малыш.

— Перестань ты называть меня малышом. Я не Лорен Баколл, а ты не Хэмфри Богарт.

— «Команда А» это, понятное дело, БР. Ник пораскинул умом.

— И все равно, я не понимаю, что мне делать.

— В твоём положении, Ник, ты непременно что-нибудь да придумаешь. Необходимость — затраханная мать изобретательности.

Уже в машине, на пути в аэропорт, большей частью проведенном в молчании, Ник спросил:

— Почему ты решил помочь мне? Гомес помолчал, подумал.

— Я мог бы сказать, что помогаю тебе в память о Капитане. Но поскольку ты мне по душе, я не стану пудрить тебе мозги. Мне нравится моя работа в Академии. Я верю в полезность сигарет. По-моему, нас расплодилось слишком много. Планете неврдно передохнуть, ты понимаешь, о чем я? Я рад, что мы завоевываем азиатский рынок. Я много времени провел в Азии — Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Индонезия, Китай — и должен тебе сказать, мысль о том, что мы малость проредим эти орды, не мешает мне спать спокойно. Хотя кухня у них неплохая. Кухня мне всегда нравилась. .

— То есть ты как бы борешься с демографическим взрывом?

— Точно, хотя, если честно... Мне и работа нравится, сама по себе. Времени она отнимает всего ничего. Занимаюсь я все больше тем, что выясняю то да се о разных людях, а это я могу делать даже во сне. Хорошая работа, хорошее пенсионное страхование, хорошее медицинское обслуживание, отпуска. Все это мне нравится. За исключением БР. Теперь, когда он стал председателем правления, он мне нравится еще меньше. И уж совсем не нравится мне портовая шлюха, которую он только что произвел в вице-президенты. Теперь придется отчитываться перед ней, а я, — Гомес фыркнул, — отродясь перед бабами не отчитывался. Стало быть, жди неприятностей. Мне сейчас нужно только одно — спокойно отработать несколько лет и пораньше уйти на покой. А эта парочка способна поломать все мои планы. Портовая шлюха?

— Ты служил во флоте? — спросил Ник.

— Тебе это обязательно знать?

— Нет, — ответил Ник.

Глава 28

— Не понимаю, почему ты не можешь назвать нам человека, который рассказал тебе все это? — спросила Полли голосом, в котором с той минуты, как она увидела в «Мун» статью, озаглавленную:

НЕЙЛОР, ОРУЖЕЙНЫЙ ЛОББИСТ
И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ВИННОГО ЛОББИ
СОСТОЯТ В КЛУБЕ, НАЗЫВАЕМОМ «ОТРЯД ТС»,
ТО ЕСТЬ «ТОРГОВЦЫ СМЕРТЬЮ»

Три общественных представителя «яппикалипсиса»?
Хизер Холлуэй, корреспондент «Мун»,

постоянно присутствовала звенящая нота. Босса Полли это прискорбное открытие при-вело отнюдь не в восторг; как и Стоктона Драма, босса Бобби Джея, державшегося до сей поры молодцом и даже гордившегося тем, что его служащий стал одним из вывалившихся в грязи окопников, сражающихся за Вторую поправку. Пожалуй, единственным, кого открытие обрадовало, хоть он того и не показывал, был Берт, поскольку теперь его ресторан оказался включенным в «Турне скандалов», популярный у посещающих Вашингтон туристов автобусный маршрут, в число остановок которого входили «Уотергейт», «Приливный пруд» и отель, в котором ФБР застукало курящего крэк мэра Барри.

— Потому что мне еще пожить хочется, — ответил Ник. — А человек этот дал ясно понять, что, если я его рассекречу, такой возможности мне не представится.

— Ну и отраву они тут. варят, — сказал Бобби Джей, стряхивая с крюка густую кофейную пену, — того и гляди крюк разъест.

— Будь добр, прекрати, — сказала Полли.

Едва успел выйти номер «Мун» со статьей об «Отряде ТС», как команда телевизионщиков выследила Полли, заявила на симпозиум «Трезвый водитель—2000» и, когда пришел ее черед отвечать на вопросы, задала несколько весьма неприятных. Крыть Полли было нечем — кроме дежурного напоминания о том, что владельцем «Мун» является кореец,

объявивший себя Мессией. Самые разные люди вспоминали об этом всякий раз, как «Мун», неплохая в общем и целом газетка, печатала неприятную им правду.

Крепкий сербский кофе не уgomонил расхoдившиеся нервы Полли. Она постукивала ноготками по столу—клик-клик-клик.

— Тогда Расскажи, откуда у мисс «Лучшие Титьки Вселенной» взялись эти сведения.

— Я полагаю, — скорбно ответил Ник, — она получила их от Дженнет.

— Да? — вскинулась Полли. — А откуда Дженнет узнала об «Отряде ТС»?

Ник вздохнул.

— Тебе это не понравится.

— Мой день начался хуже некуда, так что не бойся его испортить.

— Дженнет узнала о нем от тебя.

— Ты спятил?

— Помнишь, после моего появления в «Вечерней строкой» ты оставила на моем автоответчике поздравление с находкой насчет сыра-убийцы?

— И что же? — подозрительно осведомилась Полли.

— Ну, ты, э-э... упомянула, э-э... об «Отряде ТС» и...

— Ну, упомянула, ну и что? Почему бы мне не упомянуть о повторном показе телесериала?

— Да, но, э-э...

— Может, хватит экать и мекать? Я уже перебрала на сегодня «Прозака», больше в меня не полезет, так что давай колись наконец!

— Ну, в общем, у меня была Дженнет, мы с ней, э-э... и она спросила у меня, что это значит, а я...

Хорошо, что Полли была в темных очках, потому что Нику вовсе не хотелось видеть сейчас ее взгляд.

— Стало быть, — произнесла наконец Полли, — сначала ты поимел эту потаскуху. А потом с ее помощью поимел нас.

— Думаешь, меня это радует?

— Ах, тебя это не радует?

— Совсем наоборот.

— Ну, тогда ладно, тогда все в порядке, — сказал Бобби Джей и добавил: — Блудодей.

— Может быть, я после всего этого обрету веру, — сказал Ник.

— В большинстве тюрем есть отделения Содружества заключенных-христиан.

— Говнюк, — бросила, уходя, Полли. Ник и Бобби смотрели ей вслед.

— Чистая работа, сынок, — сказал Бобби Джей. — Перед тем как ты пришел, она как раз говорила, что собирается снять со счета все свои сбережения, чтобы помочь тебе заплатить адвокатам.

— Зачем ей это?

Бобби Джей покачал головой:

— Мальчик, а у тебя, похоже, мозгов в голове не больше, чем в первом попавшемся мусорном баке.

И Бобби тоже ушел.

— Я заплачу по счету, — сказал в пустое пространство Ник.

Поначалу он никак не мог сообразить ни где находится, ни отчего во рту у него такой мерзопакостный вкус. Впрочем, где бы он ни находился, вид на Вашингтон отсюда открывался прекрасный. Ну да, конечно, он на арлингтонском берегу. А несколько запоздалое

открытие, что его окружают тысячи одинаковых надгробий, свидетельствует, надо полагать, что находится он на Арлингтонском национальном кладбище. Далее ему удалось определить и происхождение покрывавшего язык отвратного налета. Слизовица. Стаканами. Да, теперь он вспомнил: вечер закончился пением боевых сербских песен, плечом к плечу с официантами и кухонной обслугой. Потом он каким-то образом прикатил к Арлингтонскому кладбищу и перелез туда через забор. Порванные брюки и острая боль в правом колене свидетельствовали, что последнее предприятие прошло не совсем гладко.

Но зачем его понесло в Арлингтон?

Ага, вспомнил. Он забрался на кладбище, чтобы свести счеты с жизнью. Он любил Арлингтон и иногда приезжал сюда в ясный день — побродить, посмотреть, кто тут есть кто. Здесь лежало больше двухсот тысяч людей, число немалое, хотя оно, с неудобным чувством припомнил Ник, не составляет и половины ежегодных жертв курения. Ник вспомнил, как он решил не кончать с собой дома, где его первой обнаружит уборщица. Вспомнил стрелку спидометра, перевалившую за 110 миль в час, вспомнил, как нацелился в бетонную опору эстакады, но успел в последний миг отвернуть, сообразив, что машина у него оборудована предохранительной подушкой и что ему, вероятно, придется провести остаток своих горестных дней полным паралитиком. Тут-то он и приметил указатель «К Арлингтонскому национальному кладбищу». Почему бы и нет? Веревки у него в багажнике не нашлось, и он решил повеситься на аккумуляторном кабеле. Вон он, валяется прямо под ногами.

Ник поднял кабель. Оплетка резиновая. Мало радости вешаться на подобии резинового жгута, обвязавшись которым лихие ребята сигают с мостов. Он представил, как дергается вверх-вниз, колотясь башкой о ветку.

Что еще? Рядом с кладбищем есть станция метро. Можно подцепить кабель к третьему рельсу. Семисот пятидесяти вольт ему за глаза хватит. Будет на чем поупражняться ублюдкам, сочиняющим газетные заголовки.

Часы показывали 4.23 утра. Метро еще не ходит. Ник постоял, морщась от боли в колене, затем полез вверх по холму. Что-то мерцало невдалеке, ну да, вечный огонь на могиле президента Кеннеди. Вот человек, более чем достойный того, чтобы разделить с ним последние минуты. Две юные жертвы, жизни коих оборвались в самом расцвете...

Экая гадость!

Врать самому себе на кладбище как-то не получается.

«Давай будем честными, малыш, — услышал он голос Гомеса О'Нила, обращающегося к тому, что еще уцелело от его, Ника, совести, — ты неудачник, сорокалетний шарлатан, которому платят за торговлю вредоносным зельем. В кармической пищевой цепи ты стоишь где-то между голожаберным моллюском и испражнениями угря. Ты угробил две карьеры, один брак и две дружбы. Подумай, что еще ты сумеешь наворотить, если дотянешь до старости».

Итак, трагическая карьера Ника Нейлора, по счастью, оборвалась.

Он стоял у могилы Кеннеди, со страхом ожидая, что из темноты вот-вот выскочат парковые полицейские.

НЕЙЛОР АРЕСТОВАН С АККУМУЛЯТОРНЫМ КАБЕЛЕМ У МОГИЛЫ КЕННЕДИ

Он заявил, что в его машине сел аккумулятор
и он пришел сюда в поисках «вдохновения»,
которое позволило бы ему понять,
как следует поступить в столь трудную минуту

Судья распорядился провести психиатрическое обследование Нейлора

Увы, никакой полиции, ни слуху ни духу. Ник подошел поближе к огню,
дышащему теплом в предрассветной прохладе.
Что-то шуркнуло в кустах. Кто это? О господи — может, патрульные по
ночам спускают своих доберманов с цепи?

ОБГЛОДАННЫЕ КОСТИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА МОГИЛЕ КЕННЕДИ, ИДЕНТИФИЦИРОВАНЫ КАК ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ НЕЙЛОРУ

Для человека, собравшегося умереть, он что-то слишком испугался. Ник
одним прыжком достиг кустов по другую сторону могилы, пал наземь и
затаился.

Из кустов вылез бродяга. Ник вгляделся в него. Бродяга, обмотанный
несколькими слоями тряпья, казался огромным, горбатым — ни дать ни
взять привидение из сказки братьев Гримм. Кашляет. Глубокий, гулкий
баритон, вулканический кашель — один из наших клиентов, сомневаться
не приходится. Откашлявшись, бродяга плюнул в сторону Ника. Плевков
шмякнулся оземь с противным, жидким плюхом. Очистив таким образом
легкие, бродяга принялся рыться по карманам и рылся, пока не отыскал
согнутый сигаретный бычок. Сунув бычок в рот, он снова обшарил
карманы, на сей раз в поисках спичек. Эти поиски оказались еще более
долгими, поскольку карманов у бродяги было не меньше сотни.
Спички так и не нашлись.

Бродяга доковылял до вечного огня, опустил на четвереньки и
прикурил.

Если это знамение свыше, то какое-то путаное.

Глава 29

Исключительно для «Мун»

НЕЙЛОР ЗАЯВИЛ, ЧТО ПРИЗНАЕТ СЕБЯ «ВИНОВНЫМ» В ПЛАНИРОВАНИИ СОБСТВЕННОГО ПОХИЩЕНИЯ

Он снял всякую вину со своих друзей по «Отряду ТС», сказав, что
название «Торговцы смертью» использовалось «им, и только им»

Хизер Холлуэй

— А обслуживать здесь стали лучше, — сказала Полли.

— Да, — согласился Ник. — Я теперь числюсь у них старым корешком.

Мне даже сказали, что, если я пожелаю удрать к ним и помочь в

истреблении остатков боснийских мусульман, они с удовольствием это устроят. Я, правда, ответил, что предпочитаю не ссориться с мусульманами. Тем более что в наших тюрьмах их хватает.

Бобби Джей сказал:

— Возможно, судья... черт, должен же он как-то учесть твоё чистосердечное признание.

— Тебе следовало переговорить с нами, прежде чем решаться на это, — удрученно сказала Полли.

— Так вы же со мной не разговаривали.

— Можно было найти более простой способ вытащить нас из истории с «Торговцами смертью».

— Поздно вато для альтернативных предложений. И вообще, вы не очень-то заноситесь. Может, я сделал это не только ради вас двоих.

— Но зачем признавать себя виновным, если ты невиновен? — спросила Полли. — Если предположить...

— Я виновен, — ответил Ник. — Только не в этом.

— А это что ещё за чертовщина? — удивился Бобби Джей.

— В преступлениях против человечности. Возможно, у меня кризис середины жизни. Не знаю. Я устал врать ради заработка.

Бобби Джей и Полли молча уставились на него.

— Это ты из-за нас так размяк? — спросил наконец Бобби.

— Нет, просто давайте рассуждать здраво. Кто бы поверил на суде такому, как я?

— Тоже верно, — сказал Бобби.

— И откуда бы я взял полтора миллиона на оплату судебных издержек? Что же мне, весь остаток жизни пахать на адвокатскую фирму?

— Выходит, — сказал Бобби Джей, — БР с Дженнет так и сойдет с рук все, что они с тобой сотворили?

— Ну, — сказал Ник, — это, что называется, зависит.

— От чего? Ник усмехнулся.

— От того, насколько размякли вы.

— Мне отпущение, говорит Господь. Аз воздам. «Послание к римлянам», глава двенадцатая, стих девятнадцатый.

— А что скажешь ты, рыбонька? — спросил Ник. — Ты готова поработать сознательным водителем?

— Рыбонька? — переспросила Полли.

— Не уверена, что гожусь для таких дел, — сказала Полли.

Они с Ником сидели в прокатном «седане», запаркованном в пятидесяти ярдах от перестроенного из старого склада театра «Двухгрошовая опера», расположенного в той части Манхэттена, где ещё не понаоткрывали художественных галерей и кофеен. Полли курила сигарету за сигаретой и так надымила в машине, что Нику пришлось открыть все окна. Лучше было бы включить кондиционер, потому что жара снаружи стояла парная.

— Ты отлично справляешься, — успокоил её Ник. — Зря только куришь так много, губишь здоровье.

Полли молча взглянула на него. С заднего сиденья доносилось посапывание Бобби Джея. Бобби заснул. Ник с Полли слышали, как из его портативного магнитофончика изливаются библейские тексты.

— Как он может спать? — раздраженно поинтересовалась Полли.

— Он же служил во Вьетнаме, — глотнув кофе, ответил Ник.

— Да, но нас ожидает встреча с наемным убийцей.
— А вьетконговцы кем, по-твоему, были? — Ник взглянул на часы. — Что-то они нынче долго.
— Генеральная репетиция, — сказала Полли. — Может, режиссер решил, что они паршиво играют, и заставил их пройти все с начала.
Она закурила новую сигарету. Ник со стоном опустил стекло пониже.
Полли сказала:
— Почему бы нам не скрутить его сегодня, и дело с концом?
— Полли, — сказал Ник, коснувшись ее руки, — расслабься.
— Расслабься, — она пожала плечами, — мы две недели таскаемся за этим... субъектом по всему Нью-Йорку, а ты говоришь «расслабься».
— Хочешь, я тебе шею помассирую?
— Да, — сказала Полли. — Вот здесь. О-ох.
— Что там? — спросил с заднего сиденья Бобби Джей.
— Да ничего, — сказал Ник. — Они сегодня припозднились.
— Слава богу, завтра премьера, — сказал Бобби Джей. — Еще одной такой ночи мне не выдержать. Господь явно невзлюбил этот город.
— И кто только пойдет смотреть «Фрегат Его Величества «Пинафор», перенесенный в двадцать седьмой век, на борт космического корабля «Энтерпрайз»? — сказала Полли.
— Понятия не имею, — отозвался Ник, — но роль у него вполне подходящая. Дик Мертвый Глаз.
— Думаешь, он хороший актер?
— Как он может быть хорошим актером, если зарабатывает на жизнь убийствами? — фыркнул Бобби Джей.

На следующую ночь «седан» сменился прокатным же грузовым фургончиком. Полли сидела за рулем, нервно постукивая ножкой и жуя резинку, поскольку Ник запретил ей курить до конца операции. Она нарядилась нью-йоркской уличной шлюшкой — золотистые шортики, высокие каблуки, тесная, основательно открывающая грудь безру-кавочка и такое количество косметики, что ее и родная мать не узнала бы, а если б узнала, то облилась бы слезами. «По правде сказать, — думал Ник, — она выглядит, пожалуй... хорошо выглядит». Сам он потел под натянутым на голову капроновым чулком. Бобби Джей тоже нервничал, но, имея за плечами немало ночей, проведенных в засадах в куда более жарком климате, казался спокойнее Ника. Бобби решал кроссворд, освещивая себе крошечным фонариком.

— Выходят, — сказала Полли.

Двери театра распахнулись, поклонники оперного искусства высыпали на замусоренный тротуар.

— Скорее, испытывает облегчение, — ответил Ник. Бобби Джей взглянул на часы и вернулся к кроссворду.

— Слово из четырех букв, загрязнитель атмосферы, начинается на «Э».

— ЭВТД, — сказал Ник. — «Экологически вредный табачный дым».

— Подходит.

Около того времени, к которому, по их прикидкам, Питер Лорри должен был снять грим и переодеться, Полли вылезла из грузовичка и одернула шортики, задравшиеся от сидения в машине так высоко, что половина ее южных полушарий торчала наружу. Очень симпатичных полушарий, отметил про себя Ник. Бобби Джей зарядил ружье, позаимствованное им из музейной коллекции Общества.

— Однако и пули у него, — сказал Ник.

— Англичане пользуются такими, когда разгоняют ирландских католиков, — ухмыльнулся Бобби. — По правилам, стрелять положено только в ноги. Но майор из СВВП, который как-то раз завтракал со мной и Стоктоном, сказал: «Иногда мы промахиваемся».

Ник поморщился, представив, как резиновый снаряд размером с вибратор на скорости пятьсот футов в секунду врезается ему в брюхо.

Питер Лорри вышел из боковой двери театра и направился в их сторону.

— Один, хорошо, — за последние две недели они убедились в том, что других актеров к Лорри не больно-то тянет. И прекрасно. Не придется тащиться за ним следом.

Когда Питер Лорри миновал фургончик, Ник приоткрыл задние двери — ровно настолько, чтобы Бобби Джей смог прицелиться.

Как оно и было задумано, Полли остановила Лорри на тротуаре.

— Спичек не найдется? — спросила она. Лорри оглядел ее с головы до ног. Улыбнулся.

— Ты разве не знаешь, что курить вредно?

— Стреляй, — прошипел Ник. Бобби Джей прицелился.

— Поразвлечься не хочешь? — спросила Полли.

— Я не привык платить за развлечения.

— Знаешь, — сказала Полли, — ты выглядишь таким жеребцом, что я готова обслужить тебя задаром.

— И со шлюхами я не сплю, — сказал Лорри.

— Жаль, — отходя, вздохнула Полли, — ты даже не знаешь, что теряешь.

Бобби выстрелил. Ружье грохнуло, десять унций резины ударили Питера Лорри в солнечное сплетение, выбив из его легких весь воздух до последнего кубического сантиметра. Он грохнулся на спину. Ник и Бобби выскочили из кузова и втащили бесчувственное тело вовнутрь — Бобби тянул, продев крюк под брючный ремень Лорри. Полли запрыгнула на водительское сиденье, сорвала парик, запустила двигатель.

— Парень вырубился, — сказал Бобби Джей, ощупывая тело. Ник двинул лежащего ногой по ребрам.

— Вот теперь он точно вырубился.

— Мы вроде не собирались его убивать, — сказал Бобби Джей.

— Не бойся, не помрет.

Клейкой лентой, которая в ходу у полиции, они стянули запястья Питера Лорри за спиной и надели ему на голову черный мешок.

Они уже проскочили под рекой и углубились в Нью-Джерси, когда из кузова донесся стон и Лорри пошевелился, ощущая, как от всей души надеялся Ник, изрядную боль. Подождали еще минут пять — он поднял голову, пытаясь понять, что с ним происходит. Пора было приступить ко второй фазе операции. Убедившись, что сознание полностью вернулось к похищенному, Ник надавил кнопку магнитофона, и из динамика поплыли их измененные голоса. Ник с Бобби провели несколько репетиций, пока не убедились, что в кузове, у самых дверей, где они свалили тело, их будет хорошо слышно.

Первый голос. Потихе ты, нам только штрафа-за превышение скорости не хватает.

Второй голос. Да уж, было бы весело.

Первый голос. Он все еще в отключке?

Второй голос. Похоже на то.

Первый голос. Будет дергаться, влепи ему пулю.

Второй голос. Ты че, это ж прокатная машина. Я не хочу всю ночь кровящицу отмывать.

Первый голос. Слышь, это там не «Международный дом блинов»? Я бы Не отказался от блинчиков с беконом.

Второй голос. Сбеконом? Ты знаешь, во что он превращает артерии?

Первый голос. Фрэнк, все одно когда-нибудь помирать.

Второй голос. Ну, меня так лучше пусть бабы затрахают. Вот будем проезжать «Международный дом, блядей», ты мне свистни.

Первый голос. А я вот себе лыжный тренажер завел. Двадцать минут, и ты весь мокрый как мышь. Знаешь, у кого еще такой есть? У Джоя Два Пуза.

Второй голос. Не заливай.

Первый голос. Да не, точно. Он записался в одно из этих заведений, где с человека дерут по десять кусков в день, а кормят одними сорняками. Фунтов двадцать пять сбросил. И кстати, он теперь не любит, когда его называют Джоем Два Пуза.

Второй голос. Психопат гребаный. Я бы тебе мог о нем много чего порассказать.

Первый голос. Так что я его больше Двумя Пузами не зову.

Второй голос. Сэр Джой.

Смех.

Первый голос. Сколько еще?

Второй голос. Миль десять.

Первый голос. И какого хера мы его тащим в Нью-Джерси на какой-то занюхан-ный причал? Сунули бы, бля, в мешок с камнями да закинули в первое попавшееся болото. Никто бы и не узнал.

Второй голос. Я тебе уже говорил какого. Такого, что «Команда А» сказал: сбросить с причала. А он нам бабки платит, усек?

Первый голос. Ну и он бы ни хера не узнал.

Второй голос. Да в чем проблема, мать твою?

Первый голос. Жрать охота. Может, тут где «Макдоналдс» есть?

Второй голос. Ни в какие долбанные «Макдоналдсы» мы заезжать не будем, понял?

Первый голос. Ну давай в закусочную заедем, и из машины вылезать не придется.

Второй голос. А если этот очухается да стонать начнет?

Первый голос. Ткну ему пушку в его долбаное сердце. Будет стонать — его проблема, не наша.

Второй голос. Ты глушитель-то прикрутил?

Первый голос. Да, сэр, прикрутил. «Ты... глушитель...» Иисусе! Я, по-твоему, кто — любитель задроченный?

Второй голос. Скоро уж приедем.

Первый голос. Слушай, а кто такой «Команда А»?

Второй голос. Да хмырь один из Вашингтона.

Первый голос. Из Вашингтона? Бона что. Это у нас чего же, правительственный субподряд получается? Наш жмурик — какая-нибудь шишка?

Второй голос. Уже нет.

Смех.

Первый голос. Так кто этот «Команда А»?

Второй голос. Лоббист.
Первый голос. А че такое лоббист?
Второй голос. Говнюк, но с охеренными бабками.
Первый голос. Слушай, хочешь знать мое мнение о Вашингтоне? Все они там говнюки. Меня уже блевать от этого дерьма тянет. Проверну еще пару дел, и кранты. Открою ресторан.
Второй голос. Чем мочить людей, будешь их травить?
Первый голос. Не, я серьезно.
Второй голос. Ладно, тогда закрепи за мной столик.
Несколько секунд проходит в молчании.
Первый голос. Выходит, нас потому и называли «Команда Б»? Потому что он — «Команда А»?
Второй голос. Ну, вроде того. Кодовое название. В Вашингтоне это любят.
Первый голос. «Команда Б», надо же. Будто мы третьеклашки какие.
Назвали бы уж «Дети грома».
Второй голос. Ладно, пусть будет «Дети грома». По-моему, тут где-то был поворот...
Первый голос. Зенки раззявь! Грузовик!!

Полли целую неделю тренировалась в выполнении бутлегерского разворота. И вот теперь, на скорости чуть ниже сорока, она слегка крутнула руль влево, одновременно вдавив в пол педаль тормоза, блокирующий механизм которого был нарочно ослаблен. Фургончик развернуло на 180 градусов. При этом Питер Лорри вылетел через задние дверцы, оставленные незапертыми и державшиеся на одном лишь куске клейкой ленты. Он воспарил над пустынным проселком и с глухим ударом приложился о землю.
Остаток диалога был воспроизведен на полном усилении.

Первый голос. Ну его на хер!! Рвем когти!! Жми!!

И они рванули когти.
— Ты слышал, с каким звуком он грохнулся? — ликуя, спросил Ник.
— С хлюпающим, — сказал Бобби Джей.
— Как по-твоему, он жив? — спросила Полли.
Ник обернулся, поднес к глазам бинокль. Питер Лорри перекатился за обочину дороги.
— Увы. Позор на мою голову.
— Я бы сейчас выпила, — сказала Полли.
— А знаешь, от чего я бы не отказался? — спросил Ник.
— От чего?
— От сигаретки.

Глава 30 НОВЫЙ ГЛАВА ТАБАЧНОГО ЛОББИ НАЙДЕН ЗАДОХНУВШИМСЯ ДЫМОМ В КВАРТИРЕ СВОЕЙ ПОДЧИНЕННОЙ

Друзья говорят, что Рорабачер

был «помешан на здоровье» и не курил.
Полиция разыскивает для допроса Дженнет Дантайн,
исполнительного вице-президента АТИ

Хизер Холлуэй, штатная сотрудница «Вашингтон сан»

Эпилог

- Добрый вечер, я Лэрри Кинг. Сегодня у нас в гостях Ник Нейлор, который уже бывал здесь несколько раз. Впрочем, сегодня он пришел не для того, чтобы убеждать нас, будто курение никак не связано с болезнями. Верно?
- Верно, Лэрри.
- Эта книга, которую вы написали, «Здесь курят»... Странное название. Что оно означает?
- Название ироническое, Лэрри. Хотя прежние мои работодатели из табачного лобби, от имени которого мне приходилось врать на разных шоу, включая и ваше, действительно отпечатали таблички с такой надписью.
- Вы написали очень спорную книгу. Она разозлила кучу народа.
- Да, Лэрри, это так.
- Давайте пройдемся по списку. Джефф Мегалл, глава крупнейшего в Голливуде актерского агентства, сказал, что она «не заслуживает оценки».
- Я счел это комплиментом, Лэрри. Вы, возможно, знаете — прежний его помощник, Джек Бейн, купил права на экранизацию моей книги. А Джек и Мегалл разошлись.
- Сенатор Ортолан К. Финистер, очень влиятельный в Вашингтоне человек, сказал, что вы написали эту книгу, я цитирую, «чтобы очистить свою встревоженную совесть».
- На самом деле, Лэрри, мою совесть очистила тюрьма.
- Тогда зачем вам понадобилась книга?
- Деньги, Лэрри. Я написал ее ради денег.
- Знаете, когда слышишь такое, это как-то освежает.
- Мы с женой, с Полли, ждем ребенка, ну и, сами понимаете, воспитание, то да се...
- Поздравляю. А что второй ваш друг по «Отряду ТС» — это ведь означает «Торговцы смертью», верно?
- Верно.
- Так что же случилось с Бобби Джеем, бывшим общественным представителем оружейного лобби?
- Он занимает важный пост в Содружестве заключенных-христиан. Знаете, это такая организация, созданная Чаком Колсоном. У Бобби все хорошо. Он по-прежнему увлекается стрельбой. Мы часто с ним видимся. Разумеется, мы больше не называем себя «торговцами смертью», поскольку осознали порочность прежних наших занятий.
- А Полли, она где-нибудь работает?
- Да, забеременев, она очень заинтересовалась проблемой здорового потомства. Теперь она работает в Фонде заботы о воскресных детях, здесь, в Вашингтоне. ФОЗАВОД.
- Вы говорите в своей книге, которую я, кстати, действительно

рекомендую нашим зрителям — очень хорошая книга...

— Спасибо, Лэрри.

— ...вы говорите, что признали себя виновным, хотя вовсе не похищали себя и не обклеивали никотиновыми пластырями. Вопрос — почему?

— По двум причинам, Лэрри. Во-первых, мне объяснили, что одни только гонорары адвокатов могут составить около полутора миллионов, а у меня таких денег не было. Во-вторых, я пришел к выводу, что заслуживаю отсидки за все те ужасные поступки, которые я совершал, работая на табачную индустрию. И кстати, если кто-то из наших зрителей заболел вследствие курения раком легких или если у них есть заболевшие родственники, я хотел бы попросить у них прощения. А если нас видят дети, им я скажу следующее: послушайте, ребята, не курите. Курение вас убьет. Да и зубы у вас пожелтеют, а что в этом хорошего?

— И все-таки, есть у вас какие-нибудь догадки насчет того, кто вас похитил?

— Решительно никаких, Лэрри. Скорее всего, я так и сойду в могилу, гадая об этом.

— Как вам жилось в заключении?

— О, совсем неплохо. Я сидел в тюрьме с режимом минимальной строгости, это в Плизантоне, штат Калифорния. Там отсиживают свое проштрафившиеся служащие и тому подобная публика. Главный недостаток — там скучно. Очень скучно, очень.

— Вы провели в тюрьме два с половиной года.

— Да. И познакомился с множеством занятных людей. С кучей банковских служащих, например.

— А чем вы занимаетесь теперь, когда закончили книгу?

— Работаю в организации, которая называется «Чистые легкие — 2000», Лэрри. Очень хорошая организация, пытающаяся отвратить людей от курения.

— Интересная работа?

— О да. Очень расширяет кругозор. К примеру, известно ли вам, что курение приводит к импотенции?

— Нет.

— Научный факт, Лэрри. Вот прямо сейчас проводятся интереснейшие исследования по этой части. Разумеется, табачное лобби не хочет, чтобы мы с вами об этом узнали.

— Вы описали в книге вашего прежнего босса, БР, человека крайне неискреннего.

— Да покоится он в мире, Лэрри, хоть он и был последней скотиной.

— А что случилось с его помощницей, с Дженнет, которую полиция подозревает в причастности к его кончине от удушья?

— Один бывший... ну, в общем, мне сказали, что она, похоже, перебралась куда-то на Ближний Восток. Работает в бюро найма ночных спутниц, обслуживающем клиентов с особыми вкусами.

— Вы думаете, это она его убила?

— Кто знает, Лэрри? В общем-то, всякое случается. Люди порой бывают так неосторожны с сигаретами. Хотя, конечно, самое неосторожное, что можно сделать с сигаретой, — это ее закурить.

— Что означает подзаголовок вашей книги — «Приемы джиу-джитсу, полезные при общении с новыми пуританами»?

— Ну, как вы знаете, джиу-джитсу — это искусство самообороны, позволяющее вам использовать вес и силу вашего противника. Именно

этим мне и приходилось заниматься. Я вовсе не хочу защищать курение, однако среди его противников встречаются изрядные лицемеры. Поэтому все, что мне приходилось делать, — это слегка подталкивать их, подставив сзади ногу, чтобы они полетели на пол. У меня это хорошо получалось. Собственно, только это я и умел делать по-настоящему хорошо. С другой стороны, и нацистские преступники тоже были вполне нормальными людьми. Известно же, что у многих из них имелись семьи, по воскресеньям они водили детишек в зоопарк. А по понедельникам, возвращаясь на работу, уничтожали тысячи людей, вторгались в чужие страны, маршировали гусиным шагом. Ну вот, к примеру, новый глава Академии табачных исследований был когда-то приметной фигурой в движении бойскаутов, потом в «Кивание» в «Ротари интернэшнл», в «Ордене лосей». Если вы встретитесь с ним и не будете знать, чем он занимается, вы, скорее всего, подумаете: приятный, правильный человек.

— Вы посвятили вашу книгу двум людям — Доуку Бойкину, Капитану, бывшему председателю совета директоров табачного лобби, и Лорну Латчу, человеку, ставшему олицетворением сигарет «Перекасти-Поле».

— Это были замечательные люди, Лэрри. Думаю, им следует простить ту роль, которую они играли в табачном бизнесе, поскольку оба принадлежали к прежнему поколению, в сущности, не понимавшему, насколько страшен табак. И под конец каждый из них узрел, так сказать, свет и пожалел о своем... ну, то есть они пожалели о содеянном ими. Я разговаривал с Капитаном в ночь перед его кончиной, и он сам мне об этом сказал. Что касается Лорна, умершего пару лет назад, — БР ведь послал меня к нему с кейсом, в котором лежало пятьсот тысяч долларов, я должен был подкупить его, заткнуть ему рот, и знаете, как он поступил? Я написал об этом в книге — он спустил меня с крыльца.

— Пятьсот тысяч — это большой соблазн.

— Еще бы, Лэрри. Лорн был мужественным человеком.

— Давайте примем несколько звонков. Уинстон-Сейлем, Северная Каролина, вы звоните в шоу Лэрри Кинга.

— Лэрри, я хотел бы сказать, что, по-моему, этот человек хуже слизи на брюхе зубатки. Перед зубаткой я готов извиниться.

— У вас есть что ответить, Ник?

— А что тут можно ответить, Лэрри?

— Да, весьма эмоционально.